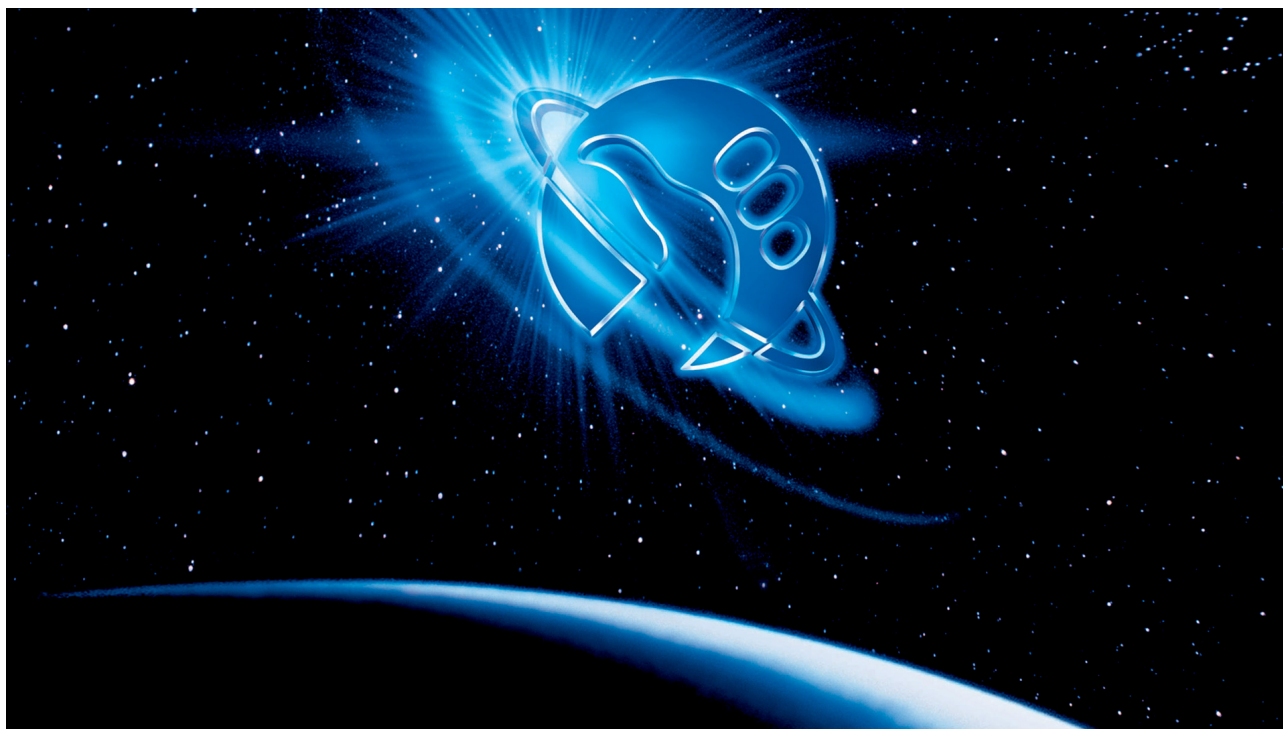

Дуглас Адамс

*Путеводитель
вольного путешественника
по Галактике
Книга I.*

пер. Степан М. Печкин, 2004-2023

Издание Трансперсонального Института Человека Печкина
Цур-Адасса, 2023

The Hitchhiker's Guide to the Galaxy, © 1979 by Douglas Adams

Translation © Stepan M. Pechkin, 2004-2023

(p) Pechkin Production Initiatives, est. 1989

редакция от 24.02.24 (rev. 27)

(p) 1996 by Wings Books, a division of [Random House Value Publishing, Inc.](#),
201 East 50th St., New York, New York 10022
by arrangement with Harmony Books, a division of Crown Publishers, Inc.
ISBN 0-517-14925-7

Всякое коммерческое использование текста или какой-либо части текста без согласования с владельцами авторских прав оригинального издания запрещено соответствующими законодательными актами. Текст перевода публикуется исключительно с ознакомительными, образовательными и эстетическими целями. Издание не преследует никакой иной выгоды, кроме общего блага всех живых существ.

Джонни Броку и Клэр Горст, а также всем прочим ар-
лингтонянамⁱ за чай, сочувствие и диван.

*Перевод посвящается Натсле с благодар-
ностью за плодотворное сотрудничество в
разных не очень поддающихся точному опре-
делению областях.*

С.Печкин, 2004-2005

Далеко на безвестных задворках одного захолустного уголка в Западном рукаве галактической спирали расположено одно небольшое и малоизвестное желтое солнце.

Вокруг него на расстоянии что-то около девяноста двух миллионов миль вращается в высшей степени безынтересная сине-зеленая планетка, на которой форма жизни, происходящая от обезьян, столь восхитительно примитивна, что до сих пор считает электронные часы весьма прогрессивной идеей.

Проблема этой планеты – была – в следующем: большая часть ее населения большую часть времени была несчастна. Предлагалось множество решений этой проблемы, но они в основном сводились к перемещениям маленьких зеленых бумажек, что довольно странно, потому что вовсе не эти маленькие зеленые бумажки были несчастны.

Во всяком случае, проблема не исчезала. Люди были зачастую жуликоваты и по большей части жалки – даже те, что носили электронные часы.

У многих людей крепло убеждение, что они совершили большую ошибку, когда в древности слезли с деревьев. А некоторые поговаривали, что уже деревья были неудачным ходом, и что не стоило вовсе покидать океан.

А потом в один прекрасный четверг примерно две тысячи лет после того, как одного человека распяли на кресте за то, что он говорил, как здорово было бы для разнообразия начать вести себя по-человечески, одна девушка, одиноко сидевшая в маленьком кафе в Рикмансворте, вдруг поняла, что именно было неправильно все это время, и наконец узнала, как можно сделать мир хорошим и счастливым. На этот раз все было верно, и все получилось бы, и никого не пришлось бы ни на чем распинать.

К сожалению, не успела она добраться до телефона, чтобы рассказать об этом кому-нибудь, как случилась ужасно глупая катастрофа, и ее идея пропала навсегда.

Но наш рассказ не о ней.

Хотя наш рассказ повествует и об этой ужасно глупой катастрофе и некоторых ее последствиях.

Он повествует также о книге. Эта книга называется "Путеводитель вольного путешественника по Галактике". Книга эта не земная; она никогда не издавалась на Земле; и до вышеупомянутой ужасно глупой катастрофы ни один землянин о ней никогда не слышал.

Но книга это при всем том весьма замечательная.

На самом деле это, может быть, самая замечательная книга из всех, что выходили когда-либо в свет в издательствах Малой Медведицы, о которых ни один землянин также ничего не слышал.

И это не просто замечательная книга. Она также имеет огромный успех – она более популярна, чем "Твой дом на небесах и уход за ним"; она распродается лучше, чем "Еще пятьдесят лучших приколов в невесомости"; и вызвала больше споров, чем вся трилогия философских бестселлеров Олона Коллюффида "В чем ошибался Бог", "Другие главные ошибки Бога" и "Что он вообще себе думает, этот Бог?"

Во многих более легкомысленных цивилизациях Галактики к востоку от внешнего обода Великого Кольца "Путеводитель вольного путешественника по Галактике" уже заменил великую Большую Галактическую Энциклопедию в качестве нормативного свода знаний, потому что, несмотря на множество упущений и большое количество сомнительной и по меньшей мере жутко неточной информации, он обходит первый, несомненно более скрупулезный, труд по двум важным показателям.

Во-первых, он несколько дешевле. А во-вторых, на его обложке большими дружелюбными буквами написано: «Без паники!»

Но рассказ о том ужасно глупом четверге, рассказ о его невероятных последствиях и рассказ о том, как эти последствия оказались непостижимым образом переплетены с этой

замечательной книгой, начинается весьма обыденно.

Рассказ начинается с дома.

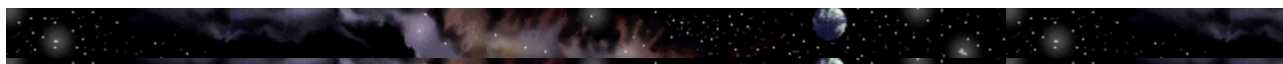
I

Дом стоял чуть на пригорке, на самом краю поселка. Он стоял на отшибе и глядел на широкий простор сельской местности одного из Западных графств. Это был в высшей степени непримечательный дом – ему было около тридцати лет, он был приземистый, угловатый, кирпичный, и на фасаде имел четыре окна размера и пропорций таких, чтобы возможно менее радовать глаз.

Примечательным этот дом был для одного лишь человека – для Артура Дента; да и то лишь тем, что это был его единственный дом. Артур жил в нем уже около трех лет, с тех самых пор, как уехал из Лондона, решив, что Лондона с него хватит. Артуру тоже было около тридцати лет, он был брюнет, и он никогда не жил в ладу с самим собой. Более всего его нервировало, когда его спрашивали время от времени, отчего он такой нервный. Работал он на местном радио и постоянно рассказывал своим друзьям, что это гораздо интереснее, чем они думают. Это, кстати, была правда – друзья его по большей части работали в рекламе.

Накануне в среду прошел довольно сильный дождь, дорожки развезло, но в четверг утром вышло яркое солнце и осветило дом Артура Дента – как выяснилось вскоре, в последний раз.

То, что в районном ДРСУ приняли решение снести его дом и построить на его месте шоссе, прошло как-то совершенно мимо Артура.

В восемь утра в четверг Артур чувствовал себя нехорошо. Он смутно проснулся, смутно прошелся по комнате, открыл окно, увидел бульдозер, нашел тапки и прошлепал в ванную умыться.

Зубную пасту на щетку – так... Чистим зубы...

Зеркало для бритья – направлено в потолок. Артур поправил его. На мгновение в нем отразился второй бульдозер за окном ванной комнаты. Поправленное, зеркало отразило щеки Артура Дента. Он выбрил их, умылся, вытерся и пошлепал в кухню, чтобы кинуть в рот что-нибудь полезное.

Чайник, плита, холодильник, молоко, кофе. Зевок.

Слово “бульдозер” блуждало в его уме некоторое время, пытаясь за что-нибудь зацепиться.

Бульдозер за окном кухни был довольно крупным бульдозером.

Артур поглядел на него.

Желтый, – подумал он и зашагал обратно в спальню одеваться.

Проходя мимо ванной, Артур остановился и выпил большой стакан воды, а потом еще один. Он начал подозревать, что это – похмелье. Но с чего бы? Разве он пил вчера? Артур понял, что, видимо, да. В зеркале для бритья он поймал отблеск. Желтый, подумал он и зашагал в спальню.

Артур встал и задумался. Пивная, подумал он. Ага – пивная! Артур смутно вспомнил, как он был зол – зол по какому-то очень важному поводу. Он рассказывал об этом людям, рассказывал очень долго, вспоминалось ему: в памяти отчетливо запечатлелись пустые глаза слушателей. Что-то о новом шоссе, про которое он только что узнал. Решение приняли несколько месяцев назад, но никто, никто об этом не знал. Нет, это ж надо!

Артур еще прихлебнул воды. Не может такого быть, решил он. Да кому оно нужно, это новое шоссе? Да какое они имеют право? Все устроится, все уладится.

Боги, однако, какое тяжкое похмелье. Артур поглядел на себя в зеркало платяного шкафа.

Высунул язык. "Желтый", – подумал он. Слово "желтый" поблуждало в его уме некоторое время, пытаясь за что-нибудь зацепиться.

Спустя пятнадцать секунд Артур выскочил из дома и лег на землю перед большим желтым бульдозером, который подъезжал к нему по садовой дорожке.

Мистер Л.Проссер был, что называется, человек простой. Другими словами, он был углеродной формой жизни, происшедшей от обезьян. Более подробно – ему было сорок лет, он был толст, мешковат, и работал он в районном дорожном ремонтно-строительном управлении. Любопытно, что, сам того не зная, мистер Л.Проссер по мужской линии был прямым потомком Чингиз-Ханаⁱⁱ, хотя множество поколений и смешение рас так перетасовали его гены, что в нем нельзя было различить никаких монголоидных черт, и единственное наследие могучего предка состояло в уже упомянутой склонности мистера Л.Проссера к полноте и его пристрастии к маленьким меховым шапочкам.

Он вовсе не был великим воином. Напротив, человек он был нервный и тревожный. В тот день он был в особенности тревожен и нервничал более обычного. Возникло неожиданное препятствие в его работе – которая состояла в том, чтобы дом Артура Дента до окончания рабочего дня оказался снесен.

— Вылезайте, мистер Дент, – сказал он, – У вас ничего не выйдет, вы же сами знаете. Вы же не можете лежать под бульдозером бесконечно. – Он попытался зловеще сверкнуть глазами, но это ему не удалось.

Артур, лежа в грязи, свирепо посмотрел на него.

— Я упрямый, – сказал он. – Посмотрим, кто сдастся первый.

— Боюсь, что уступить все-таки придется вам, – сказал мистер Проссер, повозив свою меховую шапочку по макушке. – Шоссе должно быть построено, и оно будет построено.

— Какое ещё шоссе! – сказал Артур, – Кому оно нужно?

Мистер Проссер погрозил Артуру пальцем, потом перестал и убрал палец.

— Что значит – "кому нужно"? – спросил он. – Это шоссе. Шоссе нужно всем.

Шоссе – это приспособление, позволяющее одним людям очень быстро попасть из точки А в точку В, в то время как другие люди стараются очень быстро попасть из точки В в точку А. Люди, живущие в точке С, расположенной посередине между А и В, часто диву даются, что такого особенного в точке А, что столько людей из точки В так хотят туда добраться, и заодно что такого особенного в точке В, что столько людей из точки А так хотят добраться туда. Часто им хочется, чтобы люди уже раз и навсегда разобрались, где же они хотят быть.

Мистер Проссер хотел быть в точке D. Точка D не находилась нигде конкретно. Ею могла бы стать любая подходящая точка, достаточно удаленная от А, В и С. В точке D мистер Проссер желал бы иметь хорошенький маленький коттедж с топорами над дверью, а все свое время проводить в точке E, которая находилась бы в ближайшей к точке D пивной. Его жена, конечно, мечтала о вьюнках и плющах, но мистер Проссер хотел топоры. Почему – он не знал. Просто ему нравились топоры.

Под взглядами ухмыляющихся бульдозеристов мистер Проссер вспотел и покраснел. Он переступил с ноги на ногу, но ему не полегчало. Кто-то здесь делал свое дело ужасающе некомпетентно, и мистеру Проссеру от всей души хотелось, чтобы это оказался не он.

Мистер Проссер сказал:

— У вас было достаточно времени, чтобы обратиться с предложениями и жалобами.

— Достаточно времени? – взвыл Артур. – Достаточно времени? Я впервые услышал об этом от рабочего, который пришел сюда вчера. Я спросил его, не пришел ли он помыть окна,

а он сказал: "Нет, я пришел сносить ваш дом". Конечно, он не сказал мне это сразу. Черта с два. Сначала он вытер пару стекол и взял с меня пятерку. А потом уже сказал.

— Но, мистер Дент, со всеми планами вы могли ознакомиться в ДРСУ вашего района на протяжении последних девяти месяцев.

— Ну да! Как только я узнал, я сразу же отправился взглянуть на них, еще вчера днем. Должен заметить, вы не перетрудились, чтобы обратить на них чье-либо внимание. Уж точно не рассказали о них никому ни словечка.

— План висел на доске объявлений...

— На доске? Мне пришлось спуститься в подвал, чтобы найти его.

— Ну да, доска объявлений находится там.

— С фонарем!

— Ну, наверно, света не было.

— И лестницы тоже!

— Но вы ведь нашли план, верно?

— Да! – сказал Артур. – Что верно, то верно! Он лежал на самой нижней полке запертого шкафа, задвинутого в бывшую уборную, на двери которой висит табличка "Осторожно, леопард"!

Проплыло облако. Оно бросило тень на Артура Дента, лежащего, опершись на локоть, в холодной грязи. Оно бросило тень на дом Артура Дента. Мистер Проссер нахмурился.

— Можно подумать, это был такой замечательный дом, – сказал он.

— Прошу прощения, но мне он нравится!

— Вам понравится новое шоссе.

— Прекратите! – сказал Артур Дент. – Прекратите и убирайтесь, и свое шоссе заберите с собой. У вас нет никакого права, и вы это знаете.

Рот мистера Проссера пару раз открылся и закрылся, а в голове его пронеслись необъяснимые, но жутко приятные видения: дом Артура Дента пожирает огонь, а сам Артур, визжа, бежит прочь от пылающих руин, и из спины его торчит по меньшей мере три здоровенных копья. Мистера Проссера часто посещали подобные видения, и они очень тревожили его. На мгновение он замялся, но потом собрался с мыслями.

— Мистер Дент! – сказал он.

— Да, я слушаю, – отозвался Артур.

— Немного информации к размышлению. Как вы думаете, какой ущерб понесет бульдозер, если я просто позволю ему наехать на вас?

— Ну, какой? – спросил Артур.

— Да ни малейшего, – ответил мистер Проссер и нервно поморщился, услышав в голове приветственный рев тысячи лохматых всадников.

По забавному совпадению, именно слова "да ни малейшего" соответствуют той мере понятия, какое потомок обезьян Артур Дент имел о том, что один из его ближайших друзей не является потомком обезьян и на самом деле родом с небольшой планетки в окрестностях Бетельгейзе, а вовсе не из Гилдфорда, как он сам обычно говорит.

Артур Дент совершенно об этом не догадывался.

Этот его приятель прибыл на Землю около пятнадцати земных лет тому назад и немало сил положил на то, чтобы внедриться в земное общество – что ему, надо сказать, весьма уда-

лось. Эти пятнадцать лет он провел, вполне убедительно притворяясь безработным актером.

Он допустил только одну промашку, поскольку всегда несколько небрежно относился к подготовительной работе. На основании собранной им информации он сделал вывод, что на этой планете совершенно не будет вызывать подозрений имя "Форд Префект".

Рост его подозрений не вызывал. Черты его лица были довольно броские, но также не вызывали подозрений. Волосы он имел рыжеватые, жесткие, и зачесывал их от висков. Нос, казалось, натягивал кожу лица. Что-то не вполне нормальное было в нем, но трудно было определить, что именно. Может быть, то, что моргал он недостаточно часто, и если вы разговаривали с ним долгое время, ваши глаза из-за этого начинали слезиться. А может быть, он улыбался чуть шире, чем надо, и от его улыбки у собеседника появлялось и постепенно крепло впечатление, что Форд собирается перерезать ему горло.

Большинство друзей, которых Форд завел на Земле, считали его эксцентричным, но безобидным – бесшабашным выпивохой с несколько странными привычками. Например, часто он вламывался на университетские вечеринки, сильно набирался там, ловил первого попавшегося астрофизика и приставал к нему до тех пор, пока не вылетал на улицу. Иногда же им овладевала тоска, и он смотрел в небо, словно зачарованный, пока кто-нибудь не спрашивал его, чем он занят. Тогда он испуганно оглядывался, а потом отшучивался:

— Да так, высматриваю летающие тарелки, – и все смеялись и спрашивали, какие такие летающие тарелки он ищет?

— Зеленые! – отвечал он с кривой усмешкой, громко хохотал, а потом вдруг врвался в ближайший бар и закупал на всех огромное количество выпивки.

Такие вечера обычно кончались плохо. От виски Форд совсем съезжал с катушек, затаскивал свою девушку в какой-нибудь уголок и объяснял ей заплетающимся языком, что цвет летающих тарелок в сущности не имеет такого уж большого значения.

После, ковыляя домой по ночным улицам, он часто спрашивал у встречных полисменов, не знают ли они, как добраться до Бетельгейзе. Полисмен обычно отвечал что-нибудь навроде "Сэр, не пора ли вам домой?"

— Так и я же о чем! – неизменно отвечал в таких случаях Форд.

На самом деле, когда Форд отсутствующе смотрел в ночное небо, ему было абсолютно все равно, какую летающую тарелку ждать. Он говорил "зеленые" потому, что зеленый – традиционный цвет мундиров бетельгейзианских торговых разведчиков.

Форд Префект отчаянно жаждал увидеть хоть какую-нибудь летающую тарелку, потому что на пятнадцать лет кряду непозволительно застревать нигде, особенно в таком умопомрачительно унылом месте, как Земля.

Форд мечтал увидеть летающую тарелку, потому что он знал, как стопить летающие тарелки и как кататься на них. Он знал, как увидеть все чудеса Вселенной меньше, чем за тридцать альтаирских долларов в день.

На самом деле Форд Префект был внештатным корреспондентом той самой в высшей степени замечательной книги – "Путеводитель вольного путешественника по Галактике".

Человек привыкает ко всему, и к обеду жизнь в окрестностях дома Артура втянулась в колею. Роль Артура заключалась в том, чтобы лежать, ругаясь, в грязи, время от времени требуя себе своего адвоката, свидание с матерью или интересную книжку; роль мистера Проссера заключалась в том, чтобы вовлекать Артура в беседу на темы "Общественное превышает личного", "Прогресс нельзя остановить", "Знаете, у меня однажды тоже снесли дом" или "Во всем надо видеть хорошие стороны" и воздействовать на него различными другими уговорами и угрозами; а роль водителей бульдозера заключалась в том, чтобы сидеть в сторонке, по-

пивая кофе, и прикладывать так и сяк к сложившейся ситуации профсоюзные законы, дабы извлечь из нее максимальную финансовую выгоду.

Земля медленно проделывала свой дневной поворот. Солнце подсушивало грязь, в которой лежал Артур.

Над Артуром снова зависла тень.

— Привет, Артур, – сказала тень.

Артур посмотрел вверх и, прищурившись на солнце, с удивлением увидел, что над ним стоит Форд Префект.

— Форд? Привет, как ты?

— Нормально, – ответил Форд. – Слушай, ты занят?

— Занят? – переспросил Артур. – Строго говоря, нет. Просто лежу перед вот этими вот бульдозерами, чтобы не дать им снести мой дом; а так, в общем, нет, не особенно занят, а что?

На Бетельгейзе сарказм неизвестен, и Форду Префекту зачастую требовались немалые усилия, чтобы распознать его. Он сказал:

— Отлично. Мы можем здесь где-нибудь переговорить?

— Что? – спросил Артур Дент.

Несколько секунд Форд, казалось, не замечал его и напряженно смотрел в небо, как кролик, старающийся попасть под машину. Затем он резко присел на корточки рядом с Артуром.

— Нам надо поговорить, – сказал он серьезным голосом.

— Отлично, – согласился Артур. – Говори.

— И бахнуть, – добавил Форд. – Нам жизненно важно поговорить и бахнуть. Это срочно. Пошли в пивную?

Он снова поглядел в небо с беспокойством.

— Да ты не понимаешь, что ли? – вскричал Артур. Он ткнул пальцем в Проссера. – Этот тип хочет снести мой дом!

Форд озадаченно посмотрел на него.

— Но он же может сделать это и без тебя, разве нет? – спросил он.

— Да! Но я против!

— А-а! Теперь понятно.

— Слушай, да что с тобой, Форд? – спросил Артур.

— Ничего. Ничего особенного. Просто мне надо сказать тебе самую важную вещь в твоей жизни. Это надо сделать сейчас, и сделать это надо в баре “Конь и конюх”.

— Но почему?

— Потому что тебе надо как следует принять на грудь.

Форд смотрел на Артура, и Артур с удивлением обнаруживал, что его воля слабеет. Он не знал, что это – старая игра пьяниц, которой Форд научился в подпространственных портах мандранитового рудного пояса в звездной системе Беты Ориона. Эта игра чем-то похожа на перетягивание каната у землян. Играют в нее так.

Двое соревнующихся садятся за стол друг напротив друга, и перед каждым ставится стакан.

Между ними ставится бутылка бормотурата (увековеченного в древней песне орионских шахтеров:

*«Ох, нельзя мне больше бормотурата,
Не давай, брат, мне больше бормотурата,
Крыша сорвется, язык заплетется,
Вылезут глазки и склеются ласты.
Накапай же мне проклятого бормотурата!»).*

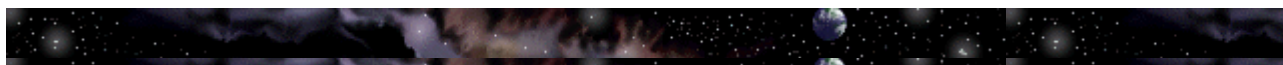
Каждый из двух соревнующихся сосредотачивает свою волю на бутылке и старается усилием воли поднять ее и налить жидкости в стакан своего противника – который должен его опорожнить.

Когда бутылка пустеет, ее заменяют на полную, и игра идет дальше. И дальше, и дальше.

Начав проигрывать, игрок, как правило, продолжает безудержно проигрывать, потому что одним из эффектов бормотурата является подавление телепсихической силы.

Как только поглощается заранее условленное количество, окончательно проигравшему приходится исполнять наказание, которое зачастую бывает непристойно биологическим.

Форд Префект в этой игре давал своим противникам хорошую фору.

Форд смотрел на Артура, и тот начинал думать, что он, похоже, совсем не против идеи сходить в “Конь и конюх”.

— А как же мой дом? – спросил Артур жалобно.

Форд поглядел на мистера Проссера, и внезапно ему в голову пришло эффектное решение.

— Он хочет снести твой дом?

— Да! Они хотят построить...

— И не может, потому что ты лежишь перед бульдозером?

— Да, и...

— Определенно, мы можем кое-что придумать, – сказал Форд. – Простите, можно вас на минуточку? – позвал он.

Мистер Проссер (препиравшийся с делегатом от бульдозеристов по поводу того, не душевнобольной ли Артур, не заразно ли это, и какая страховка причитается бульдозеристам, если это так) оглянулся. С удивлением и растущей тревогой он обнаружил, что Артур не один.

— К вашим услугам. Здравствуйте, – отозвался он. – Мистер Дент пришел в чувство?

— На минуту допустим, что нет, – сказал Форд. – Допустим?

— Допустим, – вздохнул мистер Проссер.

— И допустим также, – продолжил Форд, – что он собирается лежать здесь весь день.

— Допустим. Ну, и что?

— То, что вам и вашим людям так и так сегодня не работать, верно?

— Возможно, возможно.

— Ну, а раз уж вы в любом случае идете на это, то не обязательно ведь, чтобы вот он лежал здесь все время, так?

— Не понял.

— Ну, ведь он вам, в сущности, здесь не нужен, – терпеливо разъяснил Форд.

Мистер Проссер подумал об этом.

— Ну, в каком-то смысле... – сказал он, – То есть, в общем, не нужен.

Проссер запутался. Он понимал, что кто-то из них двоих несет полную чушь.

Форд сказал:

— Тогда давайте представим себе, что он на самом деле лежит тут. А мы с ним тогда сможем отлучиться в пивную на полчаса. Как вам такой план?

Мистер Проссер подумал, что план совершенно идиотский.

— Звучит вполне логично, — сказал он уверенным голосом, не понимая, кого и в чем он убеждает.

— А если потом вам понадобится отскочить на минуту, — добавил Форд, — мы тоже вас всегда прикроем.

— Большое вам спасибо, — сказал мистер Проссер, уже не понимавший, что, собственно, творится, — большое вам спасибо, вы очень добры... — Он нахмурился, потом улыбнулся, потом попытался сделать и то, и другое одновременно, потерпел неудачу, схватился за свою меховую шапочку, и с силой нахлобучил ее себе на затылок. Ему оставалось только решить, что он победил.

— Итак, — продолжил Форд Префект, — подойдите, пожалуйста, и ложитесь вот сюда.

— Что? — спросил мистер Проссер.

— Ах, простите, — сказал Форд, — наверно, я выразился недостаточно ясно. Кто-то должен лежать перед бульдозерами, верно ведь? Иначе некому будет остановить их, если они начнут сносить дом мистера Дента, ведь так?

— Что? — снова спросил мистер Проссер.

— Это очень просто, — сказал Форд. — Мой подопечный мистер Дент заявляет, что он встанет из грязи только при том условии, что вы подойдете и займете его место.

— Что ты плетешь? — спросил Артур, но Форд незаметным пинком заставил его замолчать.

— То есть, вы хотите, чтобы я, — сказал мистер Проссер, пытаюсь уложить эту мысль в голове, — взял и лег на землю?

— Да.

— Перед бульдозерами?

— Совершенно верно.

— Вместо мистера Дента?

— Конечно.

— В грязь?

— Естественно. Вот в эту, как вы ее называете, грязь.

Как только мистер Проссер понял, что, кажется, он все-таки проиграл, у него словно гора свалилась с плеч: это было гораздо больше похоже на жизнь, какой он ее знал. Он вздохнул.

— И тогда вы сможете сходить с мистером Дентом в пивную?

— Именно так. — сказал Форд.

Мистер Проссер нерешительно шагнул вперед и остановился.

— Вы обещаете?

— Обещаю, — сказал Форд. Он обратился к Артуру: — Ну, давай, вставай, уступи человеку место.

Артур встал, ощущая себя, как во сне.

Форд кивнул Проссеру, который медленно и печально уселся в грязь. Ему нередко каза-

лось, что вся его жизнь – какой-то сон, и иногда он задумывался, где же он в этом снеⁱⁱⁱ, чей это сон и нравится ли он тому, кому снится. Грязь обволокла его зад и локти и начала заползать в ботинки.

Форд строго посмотрел на него.

— Только чур не сносить дом мистера Дента, пока его не будет, договорились? – сказал он.

— Сама мысль об этом, – проворчал мистер Проссер, – еще не начала даже подумывать о том, чтобы подыскать, – продолжал он, устраиваясь поудобнее, – какую-нибудь возможность прийти мне в голову.

Проссер увидел приближающегося представителя профсоюза бульдозеристов, втянул голову в плечи и закрыл глаза. Он попытался выдвинуть аргументы в пользу того, что сам он не душевнобольной. Но в этом вопросе он был далек от уверенности – голова его наполнилась звоном, лошадыми, дымом и запахом крови. Это случалось с ним всегда, когда он чувствовал себя несчастным и обманутым, и объяснить этого себе он не мог. В неведомом нам высоком измерении могучий хан дымился от злости, а мистер Проссер только морщил лицо и шмыгал носом. В глазах у него защипало. Бюрократические препоны, сердитые люди, лежащие в грязи, неизвестные незнакомцы, подвергающие его необъяснимому унижению, и неопознанные армии всадников, смеющихся над ним в его голове – ну и денек!..

Ну и денек. Форд Префект знал, что вопросу, будет снесен дом Артура или нет, красная цена – песий хвост.

Артур же не успокаивался.

— Как ты думаешь, насколько мы можем ему доверять? – спросил он.

— До конца света можем, – сказал Форд.

— Ну, конечно, – сказал Артур, – Вопрос только, насколько это...

— Примерно на двенадцать минут, – сказал Форд. – Не тормози, нам нужно выпить!

II

Вот что Большая Галактическая Энциклопедия сообщает об алкоголе.

Алкоголь, сообщает она, это бесцветная летучая жидкость, получаемая в процессе ферментации сахаров и оказывающая, как отмечает Большая Галактическая Энциклопедия, также любопытное воздействие на некоторые углеродные формы жизни.

“Путеводитель вольного путешественника по Галактике” также упоминает алкоголь.

Он сообщает, что **лучший коктейль во Вселенной называется “Пангалактик-Горлодер”**.

“Путеводитель” пишет, что **действие пангалактик-горлодера подобно тому, как если бы вам вдребезги разнесло череп лимонной корочкой, в которую завернут золотой кирпич**.

“Путеводитель” также рассказывает, **на каких планетах готовят лучший пангалактик-горлодер, сколько примерно с вас запросят за порцию, и какие добровольные организации впоследствии примут участие в вашей судьбе**.

“Путеводитель” даже описывает, **как самому приготовить этот напиток**.

Возьмите одну бутылку марочного, хорошо выдержанного бормотурата, написано в нем.

Влейте ее содержимое в равный объем воды из морей Сантрагинуса-V – О, вода сантрагинских морей! – сообщает “Путеводитель”. – **О, сантрагинские рыбки!!!**

Разведите в смеси три кубика арктурианского гиперджина (он должен быть хорошо охлажден, не то летучие пары могут взорваться).

Пропустите через нее литра четыре фаллианского болотного газа – в память всех счастливых путешественников, умерших от удовольствия на болотах Фаллии.

При помощи серебряной ложечки добавьте одну часть квалактинского мегамятного экстракта, распространяющего головокружительные ароматы темных Квалагенных Зон, тонкие, сладостные и таинственные.

Бросьте в смесь зуб алголианского солнечного тигра. Пронаблюдайте затем, как он растворяется, насыщая самое сердце напитка огнями алголианских солнц.

Спрысните замфорой.

Добавьте оливку.

Пейте –

– только –

– очень осторожно.

“Путеводитель вольного путешественника по Галактике” распродается значительно лучше, чем Большая Галактическая Энциклопедия.

— Шесть пинт темного, – сказал Форд Префект бармену “Коня и Конюха”. – И, пожалуйста, побыстрее: скоро конец света.

Бармен “Коня и Конюха”, почтенный пожилой джентльмен, не заслуживал такого обращения. Он поправил очки на носу и мигнул глазами на Форда Префекта. Форд проигнорировал его и уставился в окно, поэтому бармен повернулся к Артуру, который беспомощно пожал плечами и ничего не сказал.

Тогда заговорил бармен:

— Что вы говорите, сэр? А какая погода выдалась прекрасная, – и начал протягивать

кружки. Он сделал еще одну попытку. – Вы ведь придете сегодня на вечерний матч?

Форд посмотрел сквозь него.

— Нет. Никаких шансов, – сказал он и снова отвернулся к окну.

— А что так? – спросил бармен. – Вы так уверены, сэр? “Арсенал” продует?

— Да нет, – ответил Форд, – просто конец света скоро.

— Ах да, сэр, вы уже говорили, – сказал бармен, глядя поверх своих очков, на этот раз на Артура. – Если так, то “Арсеналу” крупно повезло.

Форд поглядел на бармена, искренне удивленный:

— Я бы это так не называл, – промолвил он.

Бармен тяжело вздохнул.

— Ваши шесть пинт, – объявил он.

Артур виновато улыбнулся ему и снова пожал плечами. Он также повернулся и виновато улыбнулся всем присутствующим, на случай, если они слышали, о чем шла речь. Но никто не слышал, и никто не понял, зачем Артур улыбается им.

Человек, сидевший рядом с Фордом за стойкой, поглядел на двух мужчин, на шесть пинт пива, стремительно провернул в голове необходимую арифметику, пришел к утвердительно-му ответу и улыбнулся Артуру с Фордом дурацкой, полной надежды, улыбкой.

— Отвали, – сказал Форд. – Это наше, – и посмотрел на него так, что и алголианский солнечный тигр понял бы, что не прав.

Форд шлепнул на стойку пятифунтовую бумажку.

— Сдачу оставьте себе, – сказал он.

— Что, с пятерки? Спасибо, сэр!

— У вас есть еще десять минут на то, чтобы ее потратить.

На это бармен решил просто отойти подальше.

— Форд, – попросил Артур, – ты мне не объяснишь, что, в конце концов, происходит?

— Пей, – ответил Форд. – Тебе нужно принять три пинты.

— Три пинты? – спросил Артур – С утра пораньше?

Человек, сидевший рядом с Фордом, ухмыльнулся и радостно кивнул. Форд не обратил на него внимания. Он сказал:

— Время – это иллюзия. А с утра пораньше – вдвойне.

— Сильно, – заметил Артур. – Обязательно отправь это в “Ридерз Дайджест”. У них там есть страница для таких, как ты.

— Пей.

— Но все-таки, почему вот так сразу три пинты ?

— Чтобы расслабить мышцы. Тебе это понадобится.

— Расслабить мышцы?

— Расслабить мышцы.

Артур посмотрел в пиво.

— То ли я сегодня какой-то не такой, – сказал он, – то ли так было всегда, а я был слишком занят собой и не замечал?..

— Ладно, – сказал Форд, – я попробую объяснить. Сколько времени мы с тобой знакомы?

— Кстати, да, сколько? – задумался Артур. – Вроде, пять лет. Может быть, шесть. И

большую часть этого времени ты вел себя более-менее осмысленно.

— Отлично, — сказал Форд. — Вот что бы ты сделал, если бы я сказал, что я вовсе не из Гилдфорда, а с небольшой планетки в окрестностях Бетельгейзе?

Артур неопределенно пожал плечами.

— Не знаю, — ответил он, потягивая пиво. — А что, ты собираешься сказать мне нечто подобное?

Форд сдался. Стоит ли тратить столько сил на такую чушь сейчас, когда близится конец света? Форд сказал только:

— Пей.

И добавил, совершенно серьезно:

— Скоро конец света.

Артур снова виновато улыбнулся всем присутствующим. Присутствующие нахмурились. Кто-то махнул рукой, чтобы Артур перестал улыбаться и занялся своим делом.

— Похоже, сегодня четверг, — сказал Артур, нагнувшись над пивом и ни к кому не обращаясь. — Четверги мне никогда не удавались. Не мой день.

III

Дело в том, что в этот четверг нечто тихо двигалось в ионосфере на расстоянии многих тысяч миль от поверхности планеты. Собственно, даже не одно нечто, а несколько – несколько дюжин огромных желтых неуклюжих нечт, похожих на кирпичи, но больших, как офисные небоскребы, и беззвучных, как птицы. Они легко парили в пустоте, купаясь в электромагнитных лучах звезды Соль – отдыхали, перестраивались, готовились.

Планета под ними совершенно не подозревала об их присутствии – чего, собственно, огромные желтые предметы и хотели. Они незамеченными прошли над Гунхилли, не оставили ни единой отметки на радарх мыса Канаверал; Вумера и Джодрелл-Бэнк смотрели прямо сквозь них – а жаль, потому что именно этого рода предметы они высматривали все эти годы.

Единственным на всей планете их присутствие отметило лишь небольшое черное устройство, называемое суб-Ф-ирный сенсОмат. Оно тихонько пискнуло. Устройство это покоилось в темноте в кожаном рюкзаке, который Форд Префект постоянно носил на спине. Содержимое рюкзака Форда Префекта было на самом деле весьма интересным, и у любого земного физика глаза вылезли бы на лоб, взгляни он на эти вещи – отчего Форд всегда и прятал их в своем рюкзаке под парой сценариев пьес, которые он типа разучивал.

Между суб-Ф-ирным сенсОматом и сценариями в его рюкзачке лежал также Электронный Стоп-Палец – короткая и толстая черная палочка, гладкая и матовая, с парой плоских переключателей и кнопок на конце.

Лежало там также устройство, весьма похожее на крупный калькулятор. Это устройство имело около сотни маленьких кнопочек и экранчик примерно в четыре дюйма, на который можно было за секунду вызвать любую из миллиона страниц текста. Выглядело оно безумно сложно, и в том числе и по этой причине, на гладкой пластиковой коробочке, в которую это устройство было упаковано, большими дружелюбными буквами написали слова «Без паники!» Другая причина заключалась в том, что это устройство в сущности и было та самая в высшей степени замечательная из всех книг, что выходили когда-либо в свет в издательских корпорациях Малой Медведицы – “Путеводитель вольного путешественника по Галактике”. Его издавали в виде микросубмезонного электронного компонента потому, что если бы его печатали, как обычную книгу, межзвездному автостопщику, чтобы носить его с собой, понадобилось бы несколько больших грузовых звездолетов.

Под этими вещами в рюкзаке Форда лежали несколько шариковых ручек, блокнот и большое банное полотенце из “Маркса и Спенсера”.

“Путеводитель вольного путешественника по Галактике” кое-что сообщает по поводу полотенца.

Полотенце, написано в нем — это самый многообразно используемый предмет из всех, какие может взять с собой межзвездный путешественник.

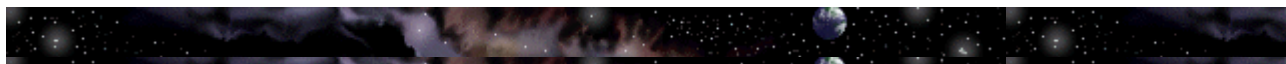
Полотенце может принести огромную практическую пользу. В него можно завернуться для тепла, пересекая холодные луны Беты Яглана; на нем можно валяться на алмазно-мраморных песках пляжей Сантрагинуса-V, вдыхая головокругительные морские бризы; можно спать, укрываясь им, под звездами, которые багровым светом освещают пустынную планету Кракофон; плавать на нем, как на плоту, по медленной тяжелой реке Моль; намочить его для рукопашного боя; обернуть вокруг головы, чтобы уберечься от вредных паров или от взгляда Кровожадного Зверя Жукобраза с Трааля (умопомрачительно глупое животное, которое считает, что если вы его не видите, то и оно вас не видит – тупое, как пробка, но очень, очень кровожадное); размахивая полотенцем, можно в случае опасности подавать сигнал тревоги; ну, и, конечно же, им можно вытираться, если оно все еще кажется достаточно чистым.

Куда более важно огромное психологическое значение полотенца. Почему-то, когда цивил (цивил: не вольный путешественник) обнаруживает, что у путешественника есть с собою полотенце, он автоматически предполагает, что у него найдется также зубная щетка, носовой платок, мыло, сухари, фляжка, компас, карта, моток веревки, жидкость от комаров, тент от дождя, скафандр и т.д. и т.п. Что гораздо важнее – в этом случае цивил с радостью одолжит путешественнику любой из этих и множества других предметов, которые тот мог – конечно же случайно – забыть. Ход мысли цивила таков: человек, который проехал галактику вдоль и поперек, измерил ее ввысь и вширь, сразился со всевозможными непредвиденными обстоятельствами, преодолел их, и при этом знает, где его полотенце – это человек безусловно достойный уважения.

Отсюда происходит поговорка, вошедшая в слэнг вольных путешественников. Например: "Слушай, ты не рубился с таким пиплом – Форд Префект? Вот ништяк-чувак – по жизни знает, где его полотенце." ("Рубиться": общаться, состоять в связи, в т.ч. половой, с кем.-л.; "пипл": поистине компанейский парень; "ништяк-чувак": поистине восхитительно компанейский парень.)

Тихо лежа поверх полотенца в рюкзаке Форда Префекта, суб-Ф-ирный сенсОмат начал попискивать чаще. Мили между поверхностью планеты и огромными желтыми предметами начали сокращаться. В Джодрелл-Бэнке кто-то решил, что настало время сделать перерыв на чашечку чая.

— А полотенце у тебя с собой? – внезапно спросил Форд Артура.

Артур, преодолевавший третью пинту, смутно поглядел на него.

— А, что? Ну, нет. А надо?

Удивляться Форду Артур перестал – в этом больше не было никакого смысла.

Форд огорченно прищелкнул языком.

— Ну, ты пей, – велел он.

В этот миг грохот, рокот и треск с улицы заглушил голоса людей в баре, музыку из музыкального автомата и икание человека, сидевшего рядом с Фордом и икавшего над виски, который Форд по ходу дела выставил ему.

Артур поперхнулся пивом и вскочил на ноги.

— Что это? – вскричал он.

— Ничего, – ответил Форд. – Пока ещё ничего.

— Слава Богу, – сказал Артур и выдохнул.

— Скорее всего, просто сносят твой дом, – добавил Форд, заливая в себя последнюю пинту.

— Что? – вскричал Артур.

Внезапно чары Форда рухнули. Артур дико огляделся и бросился к окну.

— Господи! Ну точно! Они сносят мой дом! За каким чертом я торчу тут в пивной, Форд?

— Сейчас это уже совершенно не важно, – сказал Форд. – Пусть напоследок оттянутся.

— Оттянутся? – взвыл Артур. – Он снова быстро глянул в окно, чтобы убедиться, что они говорят об одном и том же. – Вот я их сейчас оттяну! – прокричал он и выбежал из пивной, яростно размахивая почти пустой пивной кружкой.

— Остановитесь, вандалы! Разорители! – ревел Артур. – Безумные визиготы! Прекратите

немедленно!

Форду пришлось последовать за Артуром. Быстро повернувшись к бармену, он спросил четыре пакета орешков.

— Пожалуйста, сэр, – ответил бармен, высыпая пакетики на стойку, – Двадцать восемь пенсов, будьте добры.

Форд оказался очень добр – он вручил бармену еще одну пятифунтовую банкноту и велел оставить сдачу себе. Бармен поглядел на бумажку, потом на Форда.

Внезапно бармен вздрогнул: его поразило чувство острое, но совершенно незнакомое, потому что никто на Земле никогда еще не ощущал такого. В критической ситуации любая существующая во Вселенной форма жизни издает короткий и тонкий сигнал. Этот сигнал точно передает простое и в сущности трагическое чувство того, как далеко это существо находится от места своего рождения. На Земле невозможно удалиться от места своего рождения больше, чем на шестнадцать тысяч миль, что, вообще говоря, не очень далеко, и поэтому такие сигналы там слишком слабы, чтобы их замечать. Форд Префект был сейчас в очень критической ситуации, а родился он в 600 световых годах от Земли – в окрестностях Бетельгейзе.

Бармен покачнулся, пораженный сильным, непостижимым ощущением расстояния. Он не знал, что это означает, но поглядел на Форда Префекта с новым уважением, почти с ужасом.

— Вы это серьезно, сэр? – спросил он хриплым шепотом, от которого вся пивная утихла. – Вы думаете, конец света будет?

— Будет, – ответил Форд.

— Скоро?

Форд оправился. Настроение у него налаживалось.

— Ага, – сказал он весело. – По моим расчетам примерно через две минуты.

Бармен не поверил своим ушам, но и только что испытанному ощущению он не мог не верить.

— И мы ничего не можем сделать? – спросил он.

— Нет, ничего, – ответил Форд, запихивая орешки в карманы.

В затихшей пивной кто-то вдруг рассмеялся над тем, как глупо стали выглядеть все остальные.

Человек, сидевший рядом с Фордом, уже здорово захорошел. Глаза его сфокусировались на Форде.

— Помнится, – сказал он, – когда наступает конец света, надо лечь и надеть на голову бумажный пакет – или что-то в этом роде.

— Пожалуйста, если хотите, – разрешил Форд.

— Так нам в армии говорили, – сказал человек и снова принялся наводиться на стакан с виски.

— Это поможет? – спросил бармен.

— Нет, – ответил Форд и дружески улыбнулся. – Ну, – сказал он, – мне пора.

Помахав рукой на прощанье, он вышел.

С секунду в пивной было тихо, а потом весьма бесцеремонно снова рассмеялся тот тип, что засмеялся в первый раз. Девица, которую он притащил с собой в бар, на протяжении последнего часа или около того чувствовала к нему неуклонно растущее отвращение, и ей наверно было бы приятно узнать, что через полторы минуты этот тип внезапно превратится в

вихрь водорода, озона и углекислого газа. Однако в этот момент она и сама превратится в то же самое и вряд ли сможет как следует насладиться зрелищем.

Бармен прочистил горло и услышал свой голос:

— Джентльмены, последние заказы!

Огромные желтые машины начали снижаться и прибавили ходу.

Форд знал про них. Он, разумеется, предпочел бы, чтобы всё вышло как-нибудь иначе.

Артур уже почти добежал по дорожке до своего дома. Он не замечал, как холодно вдруг стало вокруг, он не заметил ветра, не заметил внезапного необъяснимого порыва дождя. Он не видел ничего, кроме гусеничных бульдозеров, ползающих по куче, которая была его домом.

— Варвары! – кричал он. – Я отсужу у управления каждый пенс! Я вас повешу, утоплю и четвертую! И высеку! И сварю в масле, пока... пока... пока вы не принесете свои извинения!

Форд бежал за Артуром очень быстро. Очень-очень быстро.

— А потом начну все сначала! – кричал Артур. – А потом, когда закончу, смету все мелкие кусочки и на них попрыгаю!

Артур не замечал, что люди бегут прочь от бульдозеров; не замечал, что мистер Проссер во все глаза глядит в небо. Мистер Проссер увидел огромное желтое нечто, с воем рассекающее тучи. Невозможно огромное желтое нечто.

— ...и буду прыгать на них, – кричал Артур, не останавливаясь, – пока у меня не начнутся колики, или пока я не придумаю что-нибудь еще более ужасное, а потом...

Артур поскользнулся, упал набок, прокатился немного и оказался лежащим на спине. Наконец-то он заметил, что что-то происходит. Он уставил палец в небо.

— Это еще что за чертовщина? – взвизгнул он.

Нечто мчалось по небу во всей своей чудовищной желтизне, разрывая небо на части умопомрачительным ревом, и воздух схлопывался следом за ним с грохотом, который вдавливал уши на шесть футов внутрь черепа.

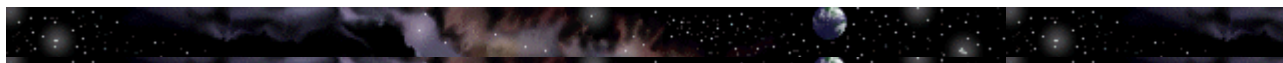
Следующее нечто летело за первым точно так же, только громче.

Трудно сказать точно, что делали в тот момент люди на всей планете, потому что и сами они не знали толком, что делали. Во всяком случае, они не делали ничего осмысленного – вбегали в дома, выбегали из домов, кричали – неслышно из-за грохота. Улицы городов всего мира были полны людей; машины врезались друг в друга, когда грохот обрушивался на них и прокатывался дальше, подобно цунами, над холмами и долинами, пустынями и океанами, раздавливая собой все, на что обрушивался.

И лишь один человек во всем мире стоял и смотрел на небо с невыразимой печалью в глазах и резиновыми затычками в ушах. Он совершенно точно знал, что происходит, и знал это с той самой минуты, как его суб-Ф-ирный сенсОмат разбудил его, начав попискивать в ночной тишине под подушкой. Этого мгновения он ждал долгие годы; но когда, сидя в своей маленькой комнатке, он расшифровал полученный сигнал, холод сжал его сердце. Из всех рас Галактики, которые могли заглянуть и сказать планете Земля “привет!”, подумал он, почему, ну почему это должны были оказаться именно вогоны?!

Однако этот человек знал, что нужно делать. Когда корабль вогонов с ревом пронесся в воздухе над ним, Форд открыл свой рюкзачок. Он выбросил оттуда папку с надписью “Иосиф и его удивительный плащ снов” и журнал “Благовест”^{iv}: там, куда он отправляется, это ему не пригодится. Все было готово, все собрано.

Он знал, где его полотенце.

Внезапная тишина поразила Землю. Она была еще хуже, чем грохот, если только такое возможно. Некоторое время не происходило ничего.

Огромные корабли неподвижно висели в воздухе над всеми народами Земли – огромные, тяжелые и невесомые – как надругательство над природой. Многие люди впали в столбняк, сиюсь осознать, что же они видят. Корабли висели в небе в точности так, как висели бы в небе кирпичи – если бы только могли.

И некоторое время ничего не происходило.

А потом раздалось мягкое шуршание, внезапный шепот отовсюду. Каждая стереосистема, каждый радиоприемник, каждый телевизор, каждый магнитофон, плеер и проигрыватель на планете тихо включились сами собой.

Каждая жестянка, каждое ведро, каждое окно, каждая машина, каждая рюмка, каждый лист ржавой жести превратились в акустическое устройство совершенного качества.

Прежде, чем Земля исчезла, ее превосходно использовали для воспроизведения звука, выстроив из нее величайшую систему широкого вещания. Но передали по ней не музыку, не концерт и не триумфальные фанфары, а простое объявление.

— Вниманию жителей Земли, – сказал голос, и голос был чудесный – чудесный квадрафонический звук с таким низким уровнем искажения, что и герой бы зарыдал. – Говорит Простатик Вогон Джелтьц из Галактического Подпространственного Ремонтно-Строительного Управления, – продолжал голос. – Как вы, без сомнения, знаете, согласно комплексному плану развития периферийных районов Галактики, через вашу звездную систему будет построено подпространственное скоростное шоссе, и ваша планета значится в списке предназначенных к сносу. Этот процесс займет чуть меньше двух ваших земных минут. Благодарю за внимание.

Система выключилась.

Невообразимый ужас охватил задревших головы жителей Земли. Ужас медленно расходился по толпам, словно они были железными опилками на листе бумаги, а под ними двигался магнит. Снова вспыхнула паника, отчаянная паника бегства, но бежать было некуда.

Заметив это, вогонь снова включили свою систему. Она сказала:

– Только не надо делать большие глаза! Все карты, проекты и распоряжения о сносе висят на доске объявлений в вашем районном ГПРСУ на Альфе Центавра уже пятьдесят ваших земных лет, так что у вас было достаточно времени, чтобы обжаловать решение по всем правилам. А теперь возмущаться поздно.

Система снова умолкла, и эхо прокатилось по земле. Огромные корабли легко и плавно повернулись в небе. В днище их открылись люки, черные дыры в пустоту.

К этому времени кто-то где-то включил радиопередатчик, нащупал волну и передал сообщение на корабли вогонь – сообщение от имени всей планеты. Никто так и не услышал, что было в нем, услышали только ответ. Система снова ожила. В голосе звучало раздражение. Голос произнес:

— Что значит никогда не были на Альфе Центавра? Это же меньше четырех световых лет от вас!.. А по-вашему, я, что ли, должен был это за вас сделать?.. Что?.. Ну, это уже ваши

проблемы. Включить лучи уничтожения!

Из люков хлынул свет.

— Вот же ж, — сказал голос на всю Землю. — Экая паскудная планетка. Делать мне больше нечего! — И голос выключился.

Повисло ужасное, жуткое молчание.

Потом ужасный, жуткий грохот.

Потом ужасное, жуткое молчание.

Вогонский дорожный ремонтно-строительный флот унесся в чернильную звездную пустоту.

IV

Далеко в противоположном спиральном рукаве Галактики, в пятистах тысячах световых лет от звезды Соль, Зафод Библброкс, президент правительства Галактической Империи, мчался по морям Дамограна, и его дельта-глиссер на ионном ходу посверкивал в лучах дамогранского солнца.

Жаркий Дамогран! Далекий Дамогран! Дамогран, о котором почти никто никогда не слышал почти ничего.

Дамогран: секретная база “Золотого Сердца”.

Глиссер скользил по воде. До прибытия на место назначения ему еще оставалось некоторое время, потому что планета Дамогран устроена довольно неудобно. На ней нет ничего, кроме средних и мелких пустынных островов, разделенных очень приятными, но чересчур уж широкими пространствами океана.

И глиссер летел себе по волнам.

Из-за своей топографической несуразности Дамогран всегда оставался безлюдной планетой. Именно поэтому правительство Галактической Империи назначило Дамогран базой для проекта “Золотое Сердце”: потому что он был таким безлюдным, а “Золотое Сердце” было таким секретным.

Глиссер зарывался и подпрыгивал на волнах моря, разделяющего главные острова единственного на всей планете архипелага мало-мальски осмысленных размеров. Зафод Библброкс направлялся из маленького космопорта на острове Пасхи (это название – совершенно случайное совпадение: на галактик-спиче “пасхи” означает “маленький, плоский и светло-бурый”) к острову “Золотого Сердца”, который по другому случайному совпадению назывался Франция.

Одним из побочных эффектов работы над “Золотым Сердцем” было огромное количество случайных совпадений.

Но ни в коей мере не было совпадением то, что сегодняшний день – день завершения работы над проектом, великий день снятия завесы, день, в который “Золотое Сердце” будет наконец представлено восхищенной Галактике – был также великим днем для Зафода Библбркса лично. Ради этого дня он и решил некогда баллотироваться в президенты – решение, которое заставило волны изумления прокатиться по всей Галактической Империи: Зафод Библброкс – президент??? И кто – Зафод Библброкс! И что – президент! Многие увидели в этом неопровержимое доказательство тому, что вся обитаемая Вселенная окончательно поехала кукухой.

Зафод усмехнулся и поддал газу.

Зафод Библброкс, приключенец, бывший хиппи, бездельник (жулик? – вполне возможно), хулиган и отвратительный тип, пользовался репутацией фигуры совершенно нереспектабельной.

И вдруг – президент?

Никто еще не сошел с ума; во всяком случае, не настолько.

И лишь шесть человек во всей Галактике, которые знали, как она управляется, понимали, что с того момента, как Зафод Библброкс объявил о своем решении баллотироваться в президенты, вопрос этот был уже в принципе решен: Зафод – идеальная кандидатура для этого поста.¹

Чего они совершенно не знали – так это ради чего Зафод пошел на этот шаг.

Зафод круто повернул, подняв стену брызг, сверкающих на солнце.

Итак, сегодня! Сегодня они поймут, к чему стремился Зафод. Сегодня – день, который увенчает все президентство Зафода Библброкса. Сегодня к тому же ему исполняется двести лет, но это не более, чем еще одно случайное совпадение.

Зафод неся по дамогранским морям и улыбался, предвкушая, какой это будет чудесный и восхитительный день. Он откинулся и лениво забросил руки за спинку сидения. Глиссер он вел дополнительной рукой, которую на днях приделал под своей правой, чтобы лучше было кататься на водных лыжах.

— О, да! – говорил он себе, – Чувак, ты реально крут!

Но нервы его были натянуты, как струны.

Песчаный остров Франция был похож на полумесяц и имел двадцать миль в длину и пять миль в поперечнике. В сущности, это был не столько остров, сколько изгиб границы большого залива. Это впечатление усиливалось тем, что внутренняя линия полумесяца состояла почти сплошь из обрывистых скал. От вершин скал склон спускался все пять миль до противоположного берега.

На вершине скального хребта стоял административный корпус. Обитали в нем в основном инженеры и ученые, построившие “Золотое Сердце” – большей частью гуманоиды, хотя среди них мелькали рептилоиды-атомщики, двое или трое зеленых эльфоподобных максимегалактян, пара осьминоидов-физиктуралистов и один хулуву (хулуву – сверхразумный отте-

¹ Президент: полный титул “Президент Имперского Галактического Правительства”.

Слово “Имперское” в названии сохраняется, хотя и является анахронизмом. Наследный Император находится при смерти уже много столетий. В последние мгновения своей предсмертной комы он был заключен в статическое поле, которое сохраняет его в состоянии вечной неизменности. Все его наследники давно уже мертвы, а это означает, что безо всяких драм и политических переворотов власть легко и непринужденно спустилась на пролет-другой по лестнице и теперь как бы принадлежит органу, члены которого выступают как советники Императора – выборному Конгрессу Правительства, возглавляемому президентом, который избирается этим Конгрессом.

На самом же деле ничему подобному реальная власть не принадлежит.

Президент является фигурой еще более номинальной, чем все прочие – никакой реальной властью он не обладает. Он как бы избирается правительством, но главное качество, которым он должен обладать – это не умение возглавлять и руководить, а способность к спокойному хладнокровному безумию. По этой причине президент всегда является личностью противоречивой, неизменно вызывающей восторженное бешенство. Должность его заключается не в том, чтобы употреблять власть, а в том, чтобы отвлекать от нее внимание. По этим критериям Зафод Библброкс – один из самых удачных президентов, которых когда-либо удостаивалась Галактика: из десяти лет своего президентства два года он провел в тюрьме за мошенничество.

Очень и очень немногие люди осознают, что Президент и Правительство не обладают практически никакой властью, и из этих очень и очень немногих только шестеро знают, где находится источник подлинной верховной политической власти. Большинство остальных тайно считает, что процесс принятия окончательных решений выполняется компьютерами. Трудно найти более дикое заблуждение.

нок синего цвета). Все, кроме хулуву, были разодеты в чистые парадные лабораторные халаты разных цветов; хулуву по такому случаю преломился в специально поставленной для этого призме.

Всех собравшихся охватывала дрожь высочайшего восторга. Все вместе и каждый в отдельности они превзошли самые отдаленные пределы законов физики, перестроили самое основу и уток ткани материи, выпрямили, искривили и упразднили законы вероятности и невероятности – но наивысший восторг они испытывали от предстоящей встречи с человеком, носящим на шее оранжевую ленту. (Оранжевую ленту по традиции носит президент Галактики.) Для них даже не имело бы значения, если бы они узнали, какой властью на самом деле обладает президент Галактики: а именно – никакой. Лишь шесть человек во всей Галактике знали, что задача галактического президента – не обладать властью, а обалдевать ею.

И Зафод Библброкс выполнял свою работу изумительно.

Ослепленные солнцем и морем люди, затаив дыхание, смотрели, как президентский катер огибает мыс и входит в залив. Сверкая и сияя, он скользил по морю, закладывая широкий плавный поворот.

В сущности, глиссеру вовсе не нужно было касаться воды, поскольку его держало над ней облако ионизованных атомов – но исключительно ради эффекта он имел тонкие подводные крылья, которые можно было опускать в воду. Они со свистом поднимали нарезанные пласты воды в воздух и вспахивали в море глубокие борозды, разгоняя огромные волны, которые с пеной обрушивались за кормой глиссера, пересекающего залив.

Зафод любил шоу: в этом он был большой специалист.

Зафод резко крутанул руль – глиссер развернулся, бросив широкий полукруг брызг на прибрежные утесы, и застыл, слегка покачиваясь на волнах.

Через несколько секунд Зафод выпрыгнул на палубу, улыбнулся и помахал рукой трем миллиардам зрителей. Три миллиарда зрителей не присутствовали в лагуне, а следили за каждым его жестом глазами маленькой автоматической 3D-камеры, которая подобострастно следовала за Зафодом по воздуху. 3D-фото президентских фокусов и выходок пользовалось невероятной популярностью; в этом и состоял их смысл.

Зафод снова усмехнулся. Три миллиарда и еще шесть человек не знали пока этого, но сегодня их ждали фокус и выходка, которые превзойдут все их ожидания.

Робот-камера крупным планом наехала на наиболее популярную из двух голов Зафода, и тот снова помахал рукой. В первом приближении внешность его была гуманоидной, за исключением второй головы и третьей руки. Знаменитые волосы Зафода торчали во все стороны, в голубых глазах светилось что-то, совершенно не поддающееся определению, а подбородки, как всегда, были покрыты трехдневной щетиной.

Шестиметровый прозрачный шар подплыл к катеру, крутясь и подпрыгивая, сверкая хрусталем в лучах солнца. Внутри шара плавал широкий полукруглый диван, обитый шикарнейшей красной кожей: чем больше подпрыгивал и крутился шар, тем более неподвижно и прочно стоял диван, надежный, как скала. Опять же, для шоу – как и все остальное.

Через стену Зафод шагнул внутрь шара и развалился на диване. Две свои руки он раскинул по спинке дивана, а третьей смахнул какую-то пылинку с колена. Оглянувшись обеими

головами, он улыбнулся и задрал ноги. “Нет, я, ей-богу, закричу!” – подумал он.

Вода под шаром вскипела, забурлила и поднялась мощной струей. Шар взмыл в воздух, подпрыгивая и крутясь на струе воды. Он поднимался все выше и выше, высвечивая отблесками поверхность скалы. Шар все поднимался, и струя воды обрушивалась в море с высоты уже в сотню футов.

Зафод улыбнулся, поглядев на себя со стороны.

В высшей степени дурацкое транспортное средство – но в высшей степени эффективное.

На вершине скалы шар на мгновение замер, подлетел к желобу, по нему прокатился до небольшой вогнутой платформы и на ней остановился.

Под оглушительные аплодисменты Зафод Библброкс вышел из шара, и его оранжевая лента засверкала в лучах солнца.

Президент Галактики прибыл.

Он подождал, пока аплодисменты стихнут, и поднял руки.

— Привет, – сказал он.

К нему подскочил правительственный паук и попытался всунуть ему в руки копию написанной для него речи. Страницы оригинала с третьей по седьмую лениво плавали сейчас по дамогранскому морю милях в пяти от залива. Страницы первую и вторую спас дамогранский лапчатокрылый орел, и уже приспособил их к необычному гнезду новой конструкции, которое он недавно изобрел. Оно было выстроено почти полностью из папье-маше, и свежевывупившийся орленок положительно не мог разломать его и вывалиться наружу. Дамогранский лапчатокрылый орел слышал что-то о роли естественного отбора в эволюции, но не желал иметь с этим ничего общего.

Зафоду Библброксу написанная речь была не нужна, и он вежливо отклонил то, что протягивал ему паук.

— Привет, – сказал он снова.

Все пожирали его глазами – или, по крайней мере, почти все. Зафод нашел в толпе Триллиан – девушку, с которой он познакомился недавно, объезжая дальние планеты инкогнито в поисках развлечений. Она была стройна, смугла, гуманоидна и наделена длинными волнистыми волосами, чувственным ртом, забавным маленьким носиком и шикарными карими глазами. Из-за красного шарфа, завязанного так, как это делала только она, и длинного развевающегося коричневого шелкового платья она смутно напоминала аравитянку. Однако, конечно, никто из присутствующих никогда не слышал об аравитянах. Арабы совсем недавно исчезли из Вселенной, да и при жизни они обитали в пятистах тысячах световых лет от Дамограна. Триллиан не представляла собой ничего особенного – по крайней мере, так считал Зафод. Но она много путешествовала с ним и говорила ему в лицо то, что думает о нем.

— Привет, красотка! – сказал Зафод ей.

Она быстро состроила недовольную гримаску и отвернулась. Потом она снова посмотрела на него, уже теплее – но теперь он смотрел в другую сторону.

— Привет, – сказал Зафод группе существ – представителей прессы, которые стояли не-

подалеку и ждали, что Зафод наконец покончит с приветами и начнет давать материал. Им он улыбнулся особо, потому что знал, что близится момент, когда он даст им чертовски сильный материал.

То, что он стал говорить затем, было не совсем тем, чего они ждали. Кто-то из чиновников-церемониймейстеров с раздражением понял, что Президент явно не настроен читать превосходно закрученную речь, написанную для него, и нажал кнопку на устройстве дистанционного управления в своем кармане. Огромный белый купол, что возвышался вдали перед собравшимися, треснул посередине, раскололся и медленно сложился наземь. Все затаили дыхание, хотя прекрасно знали, что там будет, потому что они сами построили это.

Под ним оказался огромный звездолет, ста пятидесяти метров в высоту, имевший форму шикарной кроссовки, безупречно белый и умопомрачительно красивый. В самом сердце его, невидимая никому, находилась маленькая золотая коробочка, в которой хранилось самое безумное устройство из всех, что были придуманы до сих пор; устройство, которое делало этот корабль уникальным во всей истории Галактики; устройство, давшее кораблю его название — "Золотое Сердце".

— Вау! — сказал Зафод Библброкс, увидев "Золотое Сердце". Ничего другого сказать он не мог. И он повторил еще раз, потому что знал, что это не нравится прессе: — Вау!

Собравшиеся выжидательно смотрели на него. Он подмигнул Триллиан, которая подняла брови и взглянула на него. Она знала, что он собирается сказать, и подумала, что посмотрится он потрясающе.

— Это обалденная штука! — сказал Зафод Библброкс. — Нет, правда, это действительно обалденная штука! Она такая офигительно обалденная, что я ее, пожалуй, украду!

Восхитительное президентское высказывание, совершенно президентское по форме. Зрители посмеялись, оценив остроту, корреспонденты обрадованно понажимали кнопки на своих суб-Ф-ирных нюсОматах, а Президент широко улыбнулся.

Он улыбнулся, сердце его невыносимо ёкнуло, и он обхватил пальцами тихо лежавшую в его кармане маленькую парализОматическую бомбу.

Наконец, терпение его лопнуло. Он воздел руки к небу, издал дикий клич, состоявший из мажорных терций, бросил бомбу на землю и побежал через строй внезапно застывших улыбок.

Простатик Вогон Джельц не был хорош собой даже по вогонским меркам. Купол его носа далеко выдавался над низким поросычьим лбом. Темно-зеленая жесткая кожа была достаточно толстой, чтобы играть в темные игры вогонской Государственной Службы – и играть, следует отметить, с успехом – и достаточно непроницаемой, чтобы пребывать на глубине до тысячи футов сколько угодно долго безо всякого вреда для себя.

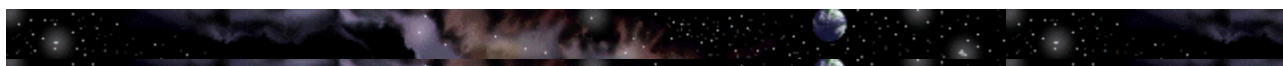
Конечно, он никогда не нырял на такую глубину – на это у него просто не было времени. Таким он был потому, что когда миллиарды лет назад первые вогоны выползли из вязких первобытных морей Вогсферы и плюхнулись, пытаясь, на девственные берега этой планеты, в то утро, когда их осветили первые лучи яркого молодого солнца Вогсоль, силы эволюции словно бы отказались от вогонов, сочтя их безобразной и досадной ошибкой, и с отвращением отвернулись от них. С тех пор вогоны не развивались – они не должны были выжить.

Однако же вогоны выжили – в немалой степени благодаря отсутствию воображения и тупому упрямству, присущему этим созданиям. «Эволюция?» – сказали они себе. – «Не больно-то надо!» Всего, в чем отказала им природа, они добивались без ее помощи, пока не научились исправлять свои самые вопиющие анатомические несуразности хирургическим путем.

В это время силы природы на планете Вогсфера отработывали сверхурочные, стараясь наверстать упущенное. Они вывели мерцающих, как драгоценности, шустрых крабов – которых вогоны пожирали, разбивая их панцири железным молотком; высокие прекрасные деревья, такие стройные и разноцветные, что дух захватывало – их вогоны валили, жгли и на огне жарили мясо крабов; элегантных существ, похожих на газелей, с шелковистой шерсткой и влажными глазами – которых вогоны ловили и усаживались на них верхом. Ездить на них вогоны не могли, потому что спины у тех сразу ломались, но вогоны все равно ловили их и усаживались на них верхом.

Так планета Вогсфера мыкала горе на протяжении тоскливых тысячелетий, пока вогоны неожиданно не открыли для себя межзвездные путешествия. За несколько коротких вог-лет все до единого вогоны перебрались в сектор Мегабрантис, политический центр галактики, и теперь составляют там невероятно крепкий костяк галактических государственных служб. Они постарались приобрести образование, стиль и освоить общественный этикет, но в остальном современный вогон мало отличается от своих первобытных предков. Каждый год они импортируют со своей родной планеты двадцать семь тысяч мерцающих, как драгоценности, шустрых крабов, чтобы в праздничную ночь подвыпившие вогоны могли разносить их на кусочки железными молотками.

Простатик Вогон Джельц был совершеннейшим вогоном по своему характеру. К тому же он терпеть не мог вольных путешественников.

Где-то в темной маленькой каютке в недрах флагмана Простатика Вогон Джельца, нервно зажглась маленькая спичка. Тот, кто зажег ее, сам был не вогон, но знал о них много и

имел все основания нервничать. Имя его было Форд Префект².

Он оглядел каюту, но увидел очень немного: странные и страшные тени наклонялись и прыгали от маленького неровного огонька, но все было тихо. Форд тихонько поблагодарил дентрасси.

Дентрасси – своенравное племя гурманов и обжор, дикие, но симпатичные ребята, чьих вогоньки недавно стали нанимать на свои корабли дальнего плавания коками, хорошо понимая, что те не изменят своим привычкам и всегда будут верны своей природе. Это вполне устраивает дентрасси, потому что они любят вогонские деньги, одну из самых твердых валют в космосе, но презируют самих вогоньков. Единственный вогонь, вид которого доставляет дентрасси удовольствие – это вогонь, доведенный ими до белого каления.

Именно благодаря знанию этих малозначительных фактов Форд Префект и не был сейчас сгустком молекул водорода, озона и угарного газа.

Форд услышал слабый стон. При свете спички он увидел, как что-то большое зашевелилось на полу. Форд быстро погасил спичку, сунул руку в карман, нашел там то, что искал, и достал из кармана. Он присел на пол. Тело на полу снова пошевелилось.

Форд Префект сказал:

— Я купил орешков.

Артур Дент пошевелился и застонал ещё раз, пробормотав что-то неразборчивое.

— На, съешь, – посоветовал Форд, потряхнув пакетиком. – Когда первый раз пользуешься лучом переноса материи, можно потерять кучу солей и белков. Пиво, конечно, должно было немного смягчить эффект...

— Брррррр... – выговорил Артур Дент.

Он открыл глаза.

— Темно... – сказал он.

— Ага, – подтвердил Форд Префект, – темно.

— Света нет, – сказал Артур Дент. – Так темно... И света нет...

Чего еще Форд Префект так и не смог понять в людях, так это их привычку постоянно

² Настоящее имя Форда Префекта можно произнести только на одном забытом бетельгейзианском диалекте, вымершем после Великого Падения Хруня в 03758 галакт. звездн. г., которое стерло с лица Бетельгейзе-7 все древние колонии праксибетелей. Дядец Форда был единственным жителем планеты, которому посчастливилось пережить Великое Падение Хруня благодаря невероятному стечению обстоятельств, которое сам он никогда не мог убедительно объяснить. Вся эта история окутана глубокой тайной: в сущности, никто так и не узнал, что такое был этот Хрунь, и почему он решил упасть именно на Бетельгейзе-7. Дядец Форда, неустанно отменяя все невольно возникавшие подозрения, перебрался на Бетельгейзе-5, где у него и появился сынянник Форд, которому в память о своем народе он дал имя на древнем праксибетельском языке.

Форд так и не научился произносить свое настоящее имя. Из-за этого дядец его вскоре умер от стыда, который в некоторых отсталых частях Галактики еще представляет угрозу для жизни. В школе одноклассники дали Форду прозвище Иккс, что с языка Бетельгейзе-5 переводится как "Мальчик, который не может убедительно объяснить, что такое Хрунь, и почему он решил упасть именно на Бетельгейзе-7".

сообщать и утверждать очевидные вещи навроде “сегодня чудесный день” или “ты такой высокий” или “дорогой, ты выглядишь так, будто упал в канализационный люк, у тебя все в порядке?” Сперва Форд даже выработал теорию, объясняющую это странное поведение. Если бы люди не упражняли постоянно свой ротовой аппарат, думал он, у них, наверно, срослись бы челюсти. После нескольких месяцев наблюдений и размышлений Форд сменил эту теорию на другую. Если люди перестанут упражнять свой ротовой аппарат, решил он, у них начнут работать мозги. В дальнейшем Форд отбросил и эту теорию как чересчур циничную и пришел к выводу, что, несмотря ни на что, люди ему все-таки нравятся, хотя жуткое количество вещей, о которых они не имеют ни малейшего представления, отчаянно мешает ему.

— Точно, – согласился он с Артуром, – света нет.

Форд протянул Артуру пакет с орешками, и дождался, пока Артур нащупает его.

— Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

— Как воинская часть, – ответил Артур. – Какие-то органы во мне, похоже, празднуют дембель.

В полной темноте Форд изумленно уставился на Артура.

— Если я спрошу тебя, где мы находимся, – слабым голосом спросил тем временем Артур, – я не пожалею об этом?

Форд поднялся на ноги.

— Мы в безопасности, – сказал он.

— Это хорошо, – вздохнул Артур.

— Мы находимся, – продолжал Форд, – в кладовке камбуза одного из космических кораблей вогонского дорожно-строительного флота.

— Какое странное значение слова “безопасность”, – заметил Артур. – Ни в одном словаре я такого не встречал.

Форд зажег еще одну спичку, чтобы найти выключатель. Чудовищные тени снова закачались и запрыгали по стенам. Артур с трудом встал и опасливо повертел головой по сторонам. Отвратительно чуждые силуэты, казалось, окружили его, в воздухе были густо замешаны непонятные запахи, забирающиеся прямо в легкие, но не становившиеся от этого более понятными, а глухой нервирующий шум где-то внизу не давал Артуру собраться с мыслями.

— Как мы сюда попали? – спросил Артур, подрагивая.

— Застопили попутку, – ответил Форд.

— Пардон, – сказал Артур. – Ты хочешь сказать, что мы подняли палец, и зеленый монстр с квадратными глазами высунул голову и сказал “Привет, ребята, запрыгивайте быстрой, подброшу вас до отворота на Бэйзингсток”?

— Ну, Палец в нашем случае – это электронное суб-Ф-ирное сигнальное устройство, отворот находится у Звезды Барнарда в шести световых годах отсюда, но в остальном все примерно так и есть.

— А монстр с квадратными глазами?

— Ну, он и правда зеленый.

— Отлично, — сказал Артур, — и когда я буду дома?

— Никогда, — ответил Форд Префект и нашел выключатель. — Зажмурься, — сказал он и включил свет.

Форд и сам несколько удивился.

— Боги, — проговорил Артур, — так вот как выглядит летающая тарелка изнутри!

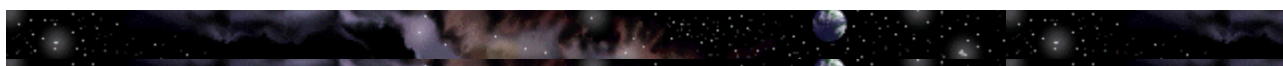
Простатик Вогон Джельц волочил свое безобразное зеленое тело по капитанскому мостику. После уничтожения обитаемых планет он всегда испытывал смутное раздражение. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь пришел и сказал ему, что он поступил бесчеловечно и безответственно, и тогда он выдал бы этому кому-то по первое число и почувствовал бы себя лучше. Джельц плюхнулся в свое кресло всей тяжестью в надежде, что оно сломается и даст-таки ему повод разозлиться, но кресло только издало жалобный скрип.

— Вон! — заревел Простатик на молодого вогона-рядового, который вошел на мостик. Рядовой тотчас же с облегчением исчез, радуясь, что не ему придется докладывать о только что принятом сообщении. Сообщение было официальным, и в нем говорилось, что на правительственной научно-исследовательской базе на Дамогране только что был продемонстрирован общественности и прессе новый чудесный тип космических кораблей, которые сделают все подпространственные скоростные шоссе ненужными.

Открылась другая дверь, но на этот раз вогонский капитан не крикнул ничего, потому что это была дверь камбуза, где дентрасси готовили еду. Покушать сейчас было бы недурно.

Большое мохнатое существо вошло в дверь с подносом. Оно идиотически улыбалось.

Простатик Вогон Джельц обрадовался. Он знал, что когда у дентрасси такой довольный вид, то это значит, что где-то на корабле происходит что-то, что разозлит его по-настоящему.

Форд и Артур глядели по сторонам.

— Ну, что скажешь? — спросил Форд.

— Тут слегка не прибрано, ты не находишь?

Форд посмотрел на продавленные матрасы, немытые тарелки и неопознанные фрагменты пахучего инопланетного нижнего белья, валявшиеся по всей тесноте каюты.

— Ну, понятно, это же рабочий корабль, — сказал он. — Это спальный кубрик дентрасси.

— Мне показалось, ты назвал их “вогоны” или как-то похоже?

— Ну да, — подтвердил Форд. — Вогоны управляют кораблем, а дентрасси служат коками. Они и впустили нас на борт.

— Я запутался, — сообщил Артур.

— Смотри сюда, — сказал Форд. Он сел на один из матрасов и порылся в своем рюкзаке.

Артур недоверчиво потыкал матрас и присел рядом.

На самом деле, недоверие его было излишним, потому что все матрасы, выросшие на болотах Дзеты Сквернистановы, очень тщательно умерщвляют и сушат перед тем, как пустить в употребление. Совсем немногие из них оживают снова.

Форд протянул книгу Артуру.

— Что это? – спросил Артур.

— "Путеводитель вольного путешественника по Галактике". Это такая электронная книга. Она расскажет тебе все, что нужно знать обо всем. Для того она написана.

Артур повертел книгу в руках.

— Обложка мне нравится, – сказал он. – «Без паники!» – это первые понятные и полезные слова, которые я услышал за сегодняшний день.

— Вот как она работает, – сказал Форд. Он забрал ее у Артура, который все еще держал ее, как держат дохлого двухнедельного птенца жаворонка, и вынул из обложки. – Нажимаешь вот эту кнопку, загорается экран, и на нем – оглавление.

Загорелся экран, примерно три на четыре дюйма, и на его поверхности замерцали символы.

— Ты хочешь узнать о вогонах, поэтому я ввожу это слово. – Пальцы Форда пробежались по кнопкам. – Вот, пожалуйста.

На экране загорелись зеленые слова **"Вогонский дорожно-строительный флот"**.

Форд нажал большую красную кнопку под экраном, и по экрану поплыли строки. Одновременно книга начала зачитывать себя тихим, спокойным, размеренным голосом.

Вот что сказала книга.

«Вогонский Дорожно-Строительный флот. Что делать, если вы хотите подброситься на вогонах? Забудьте об этом. Вогоны – один из самых неприятных народов в Галактике. Они не злодеи – о, нет. Они просто непробиваемые бюрократы и чинуши с отвратительным характером. Вогон не шевельнет пальцем, чтобы спасти свою собственную бабушку от Кровожадного Зверя Жукобраза с Трааля, без приказа, заверенного в трех экземплярах, входящего, исходящего, запрошенного, утерянного, найденного, переданного на рассмотрение особой комиссии, снова потерянного, окончательно истлевшего и выброшенного в мусорную корзину.

лучший способ получить с вогона выпивку – это засунуть палец ему в глотку, а лучший способ вывести его из себя – это скормить его бабушку Кровожадному Зверю Жукобразу с Трааля.

Ни при каких обстоятельствах не позволяйте вогону читать вам свои стихи.»

Артур посмотрел на это с недоумением.

— Странно. А как же тогда нам удалось к ним напроситься?

— В том-то и дело, – сказал Форд, вкладывая книгу обратно в обложку. – Книга устарела. Я работаю внештатным корреспондентом для нового, исправленного и дополненного изда-

ния, и среди того, что мне придется включить в него – сведения о том, что вогонь теперь на-нимают коками дентрасси. Что дало нам маленький, но исключительно полезный шанс.

Артур поморщился, как от боли:

— А кто такие дентрасси? – спросил он.

— Классные ребята, – ответил Форд. – Они – лучшие повара и лучшие мастера по коктейлям, а все остальное им абсолютно до фени. И они всегда подсаживают стопщиков, отчасти потому, что любят компанию, а отчасти потому, что это злит вогонь. И это именно те вещи, которые тебе следует знать, если ты – вольный путешественник, который хочет увидеть чудеса Вселенной меньше, чем за тридцать альтаирских долларов в день. Вот такая у меня работа. Интересно, правда?

Артур выглядел растерянным.

— Пожалуй, – сказал он и покосился на другие матрасы.

— К несчастью, я проторчал на Земле несколько больше, чем собирался, – сказал Форд. – Заскочил на неделю, а застрял на пятнадцать лет.

— А как ты попал на Землю?

— Легко. Доехал на одном папике.

— Папике?

— Ага.

— Э-э, а что такое...

— Папик? Ну, папики это богатые дядьки, которым нечего делать в жизни. Вот они и ша-стают туда-сюда, ищут цивилизации, которые еще не вошли в межзвездный контакт, и трол-лят их.

— Троллят? – Артуру начало казаться, что Форду доставляет удовольствие мучить его.

— Представь себе, – сказал Форд, – троллят. Находят какое-нибудь безлюдное место, приземляются перед каким-нибудь доходягой, которому никто все равно не поверит, и давай маршировать с дурацкими антеннами на голове, бибикать и пипикать. Как дети, честное сло-во!

Форд откинулся на матрасе, заложив руки за голову. Он имел вид человека, очень доволь-ного собой.

— Форд, – позвал его Артур, – Не знаю, может быть, это дурацкий вопрос, но – что я здесь делаю?

— Да что тут знать? – ответил Форд. – Я спас тебя с Земли.

— А что случилось с Землей?

— А все. Ее снесли.

— То есть как? – спросил Артур недоверчиво.

— Ну, так. Она испарилась в космосе.

— Слушай, – сказал Артур. – Но это же кошмар!

Форд нахмурился и, казалось, повертел эту мысль в голове.

— Да, это можно трактовать и так, – сказал он наконец.

— Что можно трактовать? Как можно трактовать? – вскричал Артур. Форд подпрыгнул от неожиданности.

— Что написано на книге? – прошипел он.

— Что?

— «Без паники».

— А кто паникует?

— Да ты же и паникуешь!

— Ну... Хорошо, я паникую. А что мне еще остается?

— Отправиться со мной и классно потусоваться. Галактика – прикольное место. Тебе нужно засунуть в ухо рыбку.

— Не понял? – переспросил Артур, как ему показалось, довольно вежливо.

Форд держал в руках маленькую стеклянную баночку, в которой вполне очевидно бултыхалась маленькая желтая рыбка. Артур вытаращился на Форда. Ему хотелось ухватиться хоть за что-нибудь простое и знакомое. Он успокоился бы, если бы посреди дентрассианского белья, кучи сквернистановских матрацев, рядом с человеком с Бетельгейзе, держащим в руках маленькую желтую рыбку и предлагающим засунуть ее в ухо, нашелся бы хотя бы пакетик кукурузных хлопьев. Но пакетика не было, и успокоиться Артур не мог.

Внезапно жуткий шум обрушился на них из неизвестного источника. Артур застыл, как вкопанный, от звуков, похожих на то, как если бы кто-то пытался прополоскать горло, одновременно отбиваясь от стаи волков.

— Тихо! – сказал Форд. – Послушай, это может быть важно.

— Ва... важно?

— Это вогонский капитан делает объявление по корабельной трансляции.

— Ты хочешь сказать, что так вогонцы разговаривают?

— Да слушай же!

— Но я не понимаю по-вогонски!

— Тебе и не надо. Просто засунь рыбку в ухо.

Форд молниеносным движением прижал свою ладонь к уху Артура, и тот почувствовал с отвращением, как рыбка скользнула в глубину его слухового канала. В ужасе Артур схватился за ухо и постоял так пару секунд, а потом медленно повернулся, и глаза его вылезли на лоб от удивления. Ощущение его было слуховым эквивалентом того, что испытываешь, глядя на два черных силуэта человеческих лиц и вдруг обнаруживая, что на картинке нарисован подсвечник. Или когда смотришь на массу цветных точек на листе бумаге и вдруг узнаешь в них

цифру шесть и понимаешь, что окулист собирается выкачать из тебя кучу денег на новые очки.

Артур по-прежнему слышал воющее бульканье, он знал это, но теперь в нем заключался прекрасный литературный английский.

Вот что он услышал...

VI

— Воу воу гrrбл ву-у гrrббл ву-у ву-у ву-у гrrббл воу гrrббл ву-у ву-у гrrббл гrrббл ву-у гrrббл гrrббл гrrббл ву-у бляппс хр-р-рр веселиться. Повторяю. Говорит ваш капитан, поэтому отставить все дела и слушать! Во-первых, по приборам я вижу, что у нас на борту парочка пассажиров. Привет вам, где бы вы там ни были. Хочу, чтобы вам стало абсолютно ясно, что вам здесь не рады. Я долго трудился для того, чтобы попасть туда, где сейчас нахожусь, и я стал капитаном вогонского дорожно-строительного флота не затем, чтобы превратить свой корабль в такси для дегенератов, которые таскаются без дела туда-сюда. Я выслал за вами патруль, и как только вас найдут, я выброшу вас с корабля. Если вам очень повезет, может быть, перед тем я почитаю вам немного своих стихов. Во-вторых, мы готовимся к прыжку в гиперпространство к Звезде Барнарда. По прибытии мы встанем в док для ремонта на 72 часа, и в это время никто не сходит с корабля. Повторяю, все увольнения на планету отменяются. У меня проблемы в личной жизни, и я не считаю, что кто-то другой в это время должен веселиться. Конец связи.

Завывания и бульканья смолкли.

Артур к своему неудовольствию обнаружил, что лежит, свернувшись клубком, на полу, обхватив руками голову. Он слабо улыбнулся.

— Очаровательный человек, — сказал он. — Хотел бы я, чтобы у меня была дочь — запретил бы ей выйти за него замуж.

— Тщетная предосторожность, — ответил Форд. — Сексапильности в них не больше, чем в аварии на шоссе. Не суетись, — добавил он, увидев, что Артур начал разворачиваться из клубка. — Лучше приготовься к прыжку в гиперпространство. Это по ощущениям — как будто перепил.

— Подумаешь, перепил. Что тут такого?

— Похоже, ты никогда не попадал в настоящий перепил.

Артур умолк.

— Форд, — позвал он вскоре.

— Да?

— Что делает эта рыба в моем ухе?

— Переводит тебе. Это вавилонская рыбка. Посмотри ее в книге, если хочешь.

Форд бросил Артуру "Путеводитель вольного путешественника по Галактике" и свернулся клубком, чтобы подготовиться к прыжку.

В это мгновение в голове Артура отвалилось дно. Глаза его обратились вовнутрь. Ноги провалились вверх и принялись качаться над головой. Комната вокруг него сложилась, как картонная коробка, завертелась, унеслась прочь из бытия и оставила Артура вращаться на собственном пупе.

Корабль вошел в гиперпространство.

«Вавилонская рыбка», – тихо заговорил “Путеводитель вольного путешественника по Галактике”, – «маленькая и похожая на плотву, является, вероятно, самым причудливым созданием во Вселенной. Она питается энергией волн мозга, но не мозга своего хозяина, а мозгов, оказавшихся рядом с ним. Рыбка впитывает излучения ментальных волн на бессознательных частотах и использует для своей жизнедеятельности. Затем она выделяет в мозг своего хозяина телепатическую матрицу, образованную из комбинации не усваиваемых ею сознательных частот мыслей и нервных сигналов, принятых ею от речевых центров мозга, который их издал.

Практический смысл всего вышесказанного заключается в следующем: если вы засунете вавилонскую рыбку в ухо, то немедленно начнете понимать все, что вам говорят в любой форме языка. Речь, которую вы услышите, будет результатом декодирования волновой матрицы, посланной в ваш мозг вашей вавилонской рыбкой.

Тот удивительный факт, что нечто столь умопомрачительно полезное развилось совершенно случайно само собой, настолько невероятен, что некоторые мыслители выводят из него окончательное и совершенно неопровержимое доказательство несуществования Бога.

Доказательство строится примерно так: «Я отказываюсь доказывать, что я существую», – говорит Бог, – «ибо доказательство отрицает веру, а без веры Меня нет.»

«Но», – возражает Человек, – «вавилонская рыбка – это неоспоримая улика, ведь так? Она же не могла появиться случайно. Она доказывает Твое существование, и следовательно, по Твоей собственной логике, Тебя не существует. Квод эрат демонстрандум.»

«А, черт!» – говорит Бог. – «Об этом я не подумал», – и исчезает, развеянный дуновением логики.

«Вот так-то!» – говорит человек, на бис доказывает, что черное это белое, и на ближайшем пешеходном переходе попадает под машину.

Большинство ведущих теологов заявляет, что этот аргумент не стоит выеденного яйца, но это не помешало Оолону Коллюффиду подзаработать на нем, сделав его лейтмотивом своего бестселлера “Ну, что ещё можно сказать о Боге?”.

В то же время бедная вавилонская рыбка, полностью устранившая все преграды на пути общения между различными расами и культурами, вызвала больше кровавых войн, чем любое другое существо за всю историю мироздания.»

Артур издал слабый стон. Он с ужасом обнаружил, что бросок через гиперпространство не убил его. Теперь шесть световых лет отделяли его от того места, где находилась бы Земля, если бы она до сих пор существовала.

Земля...

Образы Земли поплыли в голове Артура, которого и без того подташнивало. Его сознание никак не могло воспринять то, что вся Земля исчезла. Артур заставил себя осознать, что его родители и сестра погибли. Никакой реакции. Артур подумал обо всех тех людях, которые были его близкими. Никакой реакции. Потом он подумал о совершенно незнакомом человеке, за которым он стоял в очереди в универсаме, и вдруг почувствовал резкую боль: универсама больше нет, и всего, что было в нем, больше нет. Колонны Нельсона больше нет! Колонна Нельсона исчезла, и никто не будет протестовать против ее сноса, потому что и протест-

ствовать тоже стало некому. Отныне Колонна Нельсона существует только в его памяти. Вся Англия существует только в его памяти – памяти, запертой в этом вонючем темном железном космическом корабле. Волна клаустрофобии захлестнула Артура.

Англии больше нет. Это Артур осознал – каким-то образом. Он попробовал еще раз. Америки больше нет, подумал он. Этого он не смог ухватить. Артур решил снова начать с мелочей. Нью-Йорка больше нет. Никакой реакции. Он, в сущности, и раньше не очень-то в него верил. Доллар, подумал Артур, упал насовсем. Легкие мурашки. Все фильмы с Хамфри Богартом пропали, сказал Артур себе, и это сильно огорчило его. “Макдональдс”, подумал он. Кончились все гамбургеры, ни одного не осталось.

Артур задумался. Через минуту он обнаружил, что плачет по своей матери.

Артур заставил себя подняться на ноги.

— Форд!

Форд, сидевший в своем уголке и что-то мурлыкавший под нос, поднял глаза. Та часть космического путешествия, которая уходила на само путешествие по космосу, его всегда несколько утомляла.

— Да? – отозвался он.

— Если ты собираешь материал для этой книги и ты был на Земле, то ты, наверно, собрал материал и о ней?

— Ну... Ту информацию по ней, что была в книге изначально, мне пришлось немного дополнить.

— Тогда дай посмотреть, что там было написано. Я должен это увидеть.

— На, посмотри. – Форд передал книгу.

Артур схватил ее и попытался успокоить дрожь в руках. Он нажал кнопку нужной страницы. Экран вспыхнул, погас и превратился в страницу текста. Артур уставился в нее.

— Тут нет такого слова! – воскликнул он.

Форд заглянул Артуру через плечо.

— Есть, есть, – сказал он, – вон там, в самом низу экрана, сразу после Эксцентрики Голымбикс, трехгрудой порнозвезды с Эротикона-Сикс.

Артур проследил за пальцем Форда и нашел место, на которое тот указывал. С минуту он силился понять прочитанное, а потом взорвался:

— Что? «Безобидны»? Это все, что тут сказано? «Безобидны»! Одно слово!

Форд пожал плечами.

— В Галактике сто миллиардов звезд, а в микропроцессорах книги не так уж много места, – сказал он. – Ну, и ты же понимаешь, что до меня о Земле всем было известно примерно ничего.

— Но, надеюсь, ты дополнил статью?

— Да, мне удалось передать редактору новый текст. Материал пришлось немного

урезать, но он все же более соответствует действительности.

— И что там написано теперь? – спросил Артур.

— «В основном безобидны», – ответил, смущенно кашлянув, Форд.

— «В основном безобидны»?!! – вскричал Артур.

— Что это было? – прошипел Форд.

— Это я закричал! – крикнул Артур.

— Да нет! Замолчи! – крикнул в ответ Форд. – Похоже, у нас проблемы.

— Это ты говоришь, что у нас проблемы?!

Из-за двери послышался маршевый топот ног.

— Дентрасси? – прошептал Артур.

— Нет, это ботинки с железными набойками, – ответил Форд.

В дверь коротко постучали.

— И кто это тогда? – спросил Артур.

— Ну, – сказал Форд, – если нам повезет, то это всего лишь вогоны, пришедшие, чтобы выкинуть нас в открытый космос.

— А если не повезет?

— Если не повезет, – мрачно сказал Форд, – то, значит, капитан не шутил, когда обещал сперва почитать нам свои стихи.

VII

Поэзия вогонов бесспорно является третьей самой ужасной поэзией во Вселенной.

Вторая по ужасности – поэзия азаготов с планеты Крия. Когда тамошний магистр поэзии Грунтос Газоносный зачитывал свою поэму “Ода маленькому комочку зеленых соплей, найденному мною под креслом весенним утром” четверо слушателей умерли от кровоизлияния, а президент Срединно-Галактического Комитета по похищению изящной словесности спасся лишь тем, что отгрыз себе одну из ног. Сообщают, что Грунтос был разочарован приемом его поэмы и собирался уже начать чтение своего двенадцатитомного эпоса, озаглавленного “Мои любимые пуки в ванной”, когда одна из его важнейших внутренностей в отчаянной попытке спасти культуру и цивилизацию проскочила через шею и разнесла ему мозг.

Самая ужасная поэзия во Вселенной сгинула вместе со своим автором Паулой Нэнси Миллстоун Дженнингс из Гринбриджа, графство Эссекс, Англия, при сносе планеты Земля.

Простатик Вогон Джелъц очень медленно улыбнулся. Сделал он это не столько ради эффекта, сколько для того, чтобы вспомнить последовательность сокращений мышц. Только что он исключительно духоподъемно наорал на своих пленников и теперь чувствовал себя лучше и был готов к небольшому развлечению.

Пленники сидели в специальных креслах для наслаждения поэзией – прихваченные ремнями. Вогоны не питают иллюзий насчет того, как широкая публика обыкновенно воспринимает их поэтические труды. Поначалу их сочинительские потуги были частью их настойчивых притязаний на звание развитой и культурной расы, но теперь вогоны занимаются этим исключительно из человеконенавистничества.

По лбу Форда Префекта струился пот, обтекая электроды, прикрепленные к его вискам. Эти электроды тянулись к целой батарее электронных приборов – усилителей воображения, модуляторов рифм, стабилизаторов аллитераций и отсекаелей параллелизмов – которые все были настроены на самое глубокое ознакомление с поэмой, дабы ни один нюанс мысли автора не ускользнул от слушателя.

Артур Дент сидел и дрожал. Он не имел представления, что происходит, но знал, что в последнее время все, что происходит с ним, ему не нравится, и не видел, с чего бы вдруг что-то переменилось к лучшему.

Вогон начал читать. Он начал читать самый отвратительный отрывок своего сочинения.

— О, секноватый вурлапюк!... – начал он. Судороги сотрясли Форда – это было еще хуже, чем то, к чему он готовил себя. – Твои соченья мне милы, / Как бляпистые плюквинки распулленной пчелы.

— А-а-а-а! – зарычал Форд Префект, бешено вертя головой, которую пронизывали иглы мучений. Форд едва различал Артура, распластанного в соседнем кресле. Он стиснул зубы.

— Но ты еще прищрякнешь, – продолжал безжалостный вогон, – мой брюклый слюзоплыз. – Он возвысил свой голос до жуткой бесстрастно торжественной ноты. – И хлупко берданешь мне преклявыми зозювками, / Не то я на мелкие цупчики разнесу тебя своими грыз-

лохаплами, не сойти мне с этого места!

— Ы-ы-ы! – взвыл Форд Префект и дернулся в последний раз – усиленная электроникой последняя строчка со всей силы вонзилась ему меж висков. Форд обмяк.

Артур лежал спокойно.

— А теперь, земляшки, – промурлыкал вогон (он не знал, что Форд Префект на самом деле был родом с небольшой планетки в окрестностях Бетельгейзе, а если бы и знал, то не придал бы этому значения), – я дарю вам очень простой выбор! Вы можете погибнуть в открытом космосе, или вы можете... – вогон сделал драматическую паузу, – рассказать мне, что вы думаете о моем стихотворении!

И вогон откинулся в своем большом кресле в форме летучей мыши, наблюдая за своими пленниками. Он снова изобразил улыбку.

Форд тяжело хватал ртом воздух. Он поворачивал онемевшим языком в пересохшем рту и издал жалобный стон.

Артур спокойно сказал:

— Что ж. В сущности, оно мне понравилось.

Форд повернулся к нему с открытым ртом. Такого захода он еще ни разу не встречал.

Вогон удивленно поднял бровь, которая несколько прикрывала его нос, и уже поэтому была вещью нелишней.

— Вот как! – выдохнул он, заметно изумленный.

— Да, пожалуй, – продолжал Артур. – На мой взгляд, некоторые детали метафизического образного строя были особенно эффектны.

Форд не сводил с него глаз, медленно пытаясь уложить происходящее в голове. Неужели перед ними открывается какая-то возможность вырваться из создавшегося положения?

— Дальше, – попросил вогон.

— Ну... а также... э-э... интересные ритмические ходы, – продолжил Артур, – которые, как мне показалось, обыгрывают... э-э-э... – Артур застрял.

Форд бросился ему на помощь, выпалив:

— Обыгрывают сюрреализм имманентной метафоры... э-э-э... – он тоже застрял, но Артур уже снова был наготове:

— Человечности...

— Вогонности! – прошипел ему Форд.

— О да! Вогонности, прошу прощения, сострадающей души поэта, – Артур чувствовал себя рыбой в воде, – которая прорывается сквозь завесу противоречивости, навязанную семантической структурой, с тем, чтобы сублимировать ее, трансцендировать и разрешить фундаментальные дихотомии Эго и Другого, – Артур торжествующе возвысил голос, – заставляя слушателя испытать глубокое и живое прозрение, вникая во... во... э-э... – тут он неожиданно сломался. Форд метнулся выручить его:

— Во все, о чем, собственно, и было стихотворение! – воскликнул он. В сторону он тихо шепнул, – молодец, Артур, это было классно!

Вогон оглядел их долгим взглядом. На мгновение мрак его души даже всколыхнулся, но он решил: нет. Слишком мало и слишком поздно. Голос его стал похож на кота, который точит когти об синтетическую обивку дивана.

— То есть, вы считаете, что я пишу стихи потому, что под маской моей гнусной, подлой, бессердечной личности моя подлинная сущность просто хочет быть любимой? – сказал он. – Я правильно понял?

Форд натянуто улыбнулся:

— Да, именно так, – воскликнул он. – Ведь в сущности глубоко внутри все мы... ну, вы понимаете...

Вогон поднялся с кресла.

— Ну, что ж. Вы жестоко ошибаетесь, – сказал он. – Я пишу стихи только для того, чтобы потешить свою гнусную бессердечную личность. Я все равно выброшу вас с корабля. Часовой! Отвести пленников в шлюз номер три и выкинуть наружу!

— Как? – вскричал Форд.

Огромный молодой вогон-охранник вошел и вытащил их из кресел своими большими прыщавыми лапищами

— Вы не имеете права! Нас нельзя выбрасывать в космос! – кричал Форд. – Мы пишем книгу! Неприкосновенность прессы!..

— Сопротивление бесполезно, – рыкнул на них вогон-охранник. Это была первая фраза, которую он выучил, попав в вогонские внутренние войска.

Капитан проследил за ними довольным взглядом и отвернулся.

Артур со всех сил рванулся к нему.

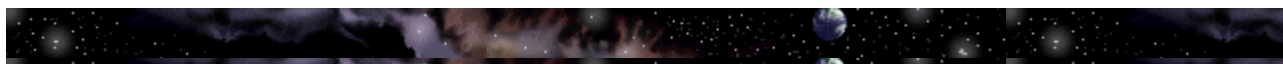
— Я не хочу умирать! – закричал он. – У меня голова болит! Я не хочу попасть на небо с головной болью, я не смогу как следует насладиться раем!

Охранник плотно обхватил их обоих за шеи и, почтительно поклонившись спине капитана, вытащил брыкающихся Артура и Форда с мостика. Стальная дверь закрылась, и капитан снова остался наедине с самим собой. Он задумчиво полистал свою книжечку со стихами, бормоча себе под нос:

— Надо же... «Обыгрывают сюрреализм имманентной метафоры»...

На минуту вогон задумался, а потом захлопнул книжку с мрачной ухмылкой.

— Смерть – слишком мягкая мера для них, – сказал он.

В длинном обитом сталью коридоре гулко отдавались звуки беспомощной борьбы двух гуманоидов, надежно схваченных под мышки резиновыми руками вогона.

— Невероятно! – лопотал Артур. – Это безумие! Отпусти меня, чудовище!

Вогон-охранник продолжал тащить их по коридору.

— Не волнуйся, – сказал Форд. – Я что-нибудь придумаю.

Но уверенности в его голосе слышалось маловато.

— Сопротивление бесполезно! – гремел охранник.

— Не надо так говорить, – попросил, задыхаясь, Форд. – Как можно сохранять позитивный подход, когда тебе говорят такие вещи?

— О боги! – взвыл Артур, – он еще говорит о позитивном подходе! Можно подумать, это у него сегодня снесли планету! Я проснулся утром и думал, что впереди – прекрасный спокойный день, я почитаю немного, вычешу собаку... Сейчас всего лишь четыре часа дня, а меня уже выбрасывают с инопланетного звездолета в шести световых годах от дымящихся развалин Земли! – Артур поперхнулся и закашлял: вогон прижал его поплотнее.

— Все нормально, – сказал Форд. – Прекрати панику.

— Кто говорит про панику? – воскликнул Артур. – Это просто культурный шок. Вот когда я осмотрюсь, как следует, вникну в обстановку, сориентируюсь – вот тогда начнется паника.

— Артур, не истерируй. Заткнись! – Форд отчаянно попытался задуматься, но его снова прервал крик охранника:

— Сопротивление бесполезно!

— Ты тоже заткнись! – крикнул разъяренно Форд.

— Сопротивление бесполезно!

— Перекури, а? – сказал Форд. Он вывернул шею и свирепо посмотрел в лицо своего стражника. Тут ему в голову пришла мысль.

— Слушай, – спросил он вдруг, – а что, тебе все это на самом деле нравится?

Вогон остановился, как вкопанный, и на лице его постепенно проступило выражение неизмеримой тупости.

— Нравится? – прогудел он. – В каком смысле?

— Ну, – продолжал Форд, – в смысле, ты доволен такой жизнью? Тебе нравится ходить строевым шагом, кричать, выбрасывать людей за борт с космического корабля?

Вогон уставился в низкий железный потолок, и брови его едва не напоззли одна на другую. Челюсть его отвисла. Наконец, он выговорил:

— Ну... Есть свои плюсы.

— Без этого не бывает, – согласился Форд.

Артур вывернул шею и взглянул на Форда.

— Форд, чем ты занимаешься? – спросил он удивленным шепотом.

— Пытаюсь проявлять интерес к окружающему миру. — ответил тот. — Ты не против? Так, значит, — продолжал он, — есть свои плюсы?

Вогон перевел взгляд на него, и склизкие мысли медленно заворочались в мутных глубинах его черепа.

— Ага, — сказал он. — Но раз уж пошел такой разговор, то вообще-то в основном время проходит довольно тухло. Разве что... — задумался он снова, для чего ему пришлось снова уставиться в потолок, — Разве что вот кричать. Кричать я люблю.

Он набрал воздуха в легкие и загремел:

— Са-апративление...

— Ну, да, ну, да, — поспешно прервал его Форд, — это у тебя выходит замечательно, честное слово. Но если в основном время проходит довольно тухло, — продолжил он медленно, давая словам время, чтобы достичь цели, — то какой смысл во всем этом? Ради чего? Девочки? Форма? Култ мачо? Или ты просто считаешь, что такое бессмысленное и бездумное существование само по себе ценно как вызов духу?

— Э-э... — протянул охранник. — Ну-у... Хрен его знает. Я как бы просто... ну, делаю это, и все. Тетка моя говорила, что охранник на космическом корабле — хорошая карьера для молодого вогона. Там, форма, кобура с лучевым пистолетом, бессмысленное и бездумное существование...

— Вот, Артур, посмотри, — сказал Форд назидательно. — И ты еще говоришь, что у тебя проблемы!

Артур, впрочем, был уверен, что имеет все основания так считать. Помимо той неприятности, что его родная планета была уничтожена, вогон-охранник уже почти задушил его, да и перспектива быть выброшенным в открытый космос ему вовсе не нравилась.

— Потрудись войти в его положение, — не унимался Форд. — Перед нами несчастный парень, вся жизнь которого состоит из шагистики, выбрасывания людей с космических кораблей...

— И кричать! — добавил охранник.

— Ну, конечно, и кричать, — согласился Форд, похлопывая дружески мощную конечность, обвившуюся вокруг его шеи, — и он даже не может сказать, почему он занимается этим!

Артур согласился, что это ужасно печально. Выразил он это неопределенным жестом, поскольку не мог набрать достаточно воздуха в легкие.

Охранник издал низкое смущенное мычание:

— Ну-у, пожалуй, если так рассуждать, то, надо признаться...

— Так-так! — обрадовался Форд.

— Но, с другой стороны... — продолжал охранник, — а что же делать?

— Ну, как что? — воскликнул Форд с воодушевлением, — перестать заниматься всем этим! Скажи им, что ты больше не хочешь этим заниматься.

Форд почувствовал, что нужно что-то добавить, но охранник, казалось, был достаточно обеспокоен тем, что уже услышал.

— Хм-м-м-м-м... — сказал он, — хм-хм. Не нравится мне это.

Форд вдруг почувствовал, что теряет его.

— погоди, погоди! — воскликнул он. — Это же только начало! Дальше — больше! Ты даже не подозреваешь...

Но охранник уже перехватил своих пленников и поволок их дальше к шлюзу. Он был заметно тронут.

— Нет. Пожалуй, если вы не возражаете, — сказал он, — я все-таки засуну вас в шлюз, а потом пойду и покричу еще малость.

Форд возражал, и еще как.

— погоди! Но ведь... — воскликнул он уже не так медленно и отчетливо.

— Х-х-х-ы-ы-ы... — добавил Артур не вполне членораздельно.

— Постой! — не сдавался Форд. — Я ведь еще не рассказал тебе о музыке, о живописи, о х-х-х-х-ы-ы-ы...

— Соппротивление бесполезно! — прогремел охранник и добавил: — Понимаете, если я продолжу все это делать, то смогу, может быть, попасть в большие кричалки, а тем, кто не кричит и не выбрасывает людей, податься особенно некуда. Так что, я так думаю — знаете, от добра добра не ищут.

Они уже были возле шлюза — большого круглого люка, мощного и тяжеленного, вделанного во внутренности корабля. Охранник нажал кнопку, и люк плавно открылся.

— Но вообще спасибо за участие, — сказал вогон-охранник. — Счастливо!

Он пропихнул Форда и Артура через люк в маленькую комнатку. Артур лежал, хватая ртом воздух. Форд вскочил и со всей силы уперся плечом в закрывающийся люк.

— Но послушай, — кричал он охраннику, — там же целый мир, о котором ты ничего не знаешь! Вот, например, вот это, — в отчаянии Форд ухватился за единственное произведение искусства, которое он вспомнил наизусть — первые такты Пятой Симфонии Бетховена. — Па-па-па-ам! Это тебе ничего не говорит?

— Нет, — ответил охранник. — Честно говоря, ничего. Но я расскажу об этом моей тетке.

Если он сказал еще что-то, то наши герои этого не услышали. Люк плотно закрылся, и единственным оставшимся звуком было далекое слабое гудение корабельных двигателей.

Наши герои оказались в отполированном до блеска цилиндрическом шлюзе метров двух в диаметре и трех в длину.

— Мне казалось, парень подает надежды, — сказал Форд и оперся о круглую стену.

Артур все еще лежал в закруглении пола, куда упал. Он не поднимал лица. Он просто лежал и хватал ртом воздух.

— Короче, мы погибли, так?

— Как-то так, – ответил Форд. – Мы погибли.

— И ты ничего не придумал? Мне показалось, ты говорил, что ты пытаешься что-то придумать. Может быть, ты придумал что-то и сам не заметил?

— Ну, кое-что я придумал, – выдохнул Форд. Артур выжидательно смотрел снизу вверх.

— Но, к несчастью, – продолжал Форд, – для этого плана мы должны быть по ту сторону этого герметического люка. – Форд стукнул по крышке, через которую они только что проникли сюда.

— Но это был хороший план?

— Замечательный.

— А что в нем было?

— Подробностей я разработать не успел. А теперь уже смысла нет, ты как считаешь?

— М-да. И что теперь с нами будет?

— Ну... Вон тот люк перед нами через несколько секунд автоматически откроется, мы вылетим в открытый космос и задохнемся. Конечно, если набрать полные легкие воздуха, то можно продержаться где-то тридцать секунд, – сказал Форд, заложил руки за спину, нахмурил брови и начал напевать себе под нос древний бетельгейзианский боевой гимн. – Первопроходцы, косморазведчики... Смело ведут светода-а-а-а-вы...

Артур вдруг увидел в нем настоящего инопланетянина.

— Все понятно, – сказал Артур. – Мы погибли.

— Ну, да, – сказал Форд. – Разве что... О, погоди-ка! – он ткнул пальцем во что-то за спиной Артура. – Что это за кнопка? – воскликнул он.

— Что? Где? – Артур развернулся.

— Да нет. Шутка, – сказал Форд. – Мы на самом деле погибли.

Он снова оперся о стену и продолжил напев с того места, на котором прервался.

— Ты знаешь, – промолвил Артур, – вот именно в эту минуту, сидя с бетельгейзианином в запертом вогонском шлюзе и готовясь с минуты на минуту задохнуться в открытом космосе – в такие минуты, как эта, я очень жалею, что не слушал, что говорила мне моя маменька, когда я был маленьким.

— А что такого она тебе говорила?

— Не знаю! Я же не слушал.

— Ясно, – Форд продолжал напевать.

Ужас! – подумал про себя Артур. Колонна Нельсона исчезла, макдональдсы исчезли, все, что осталось – это я и слова «в основном безобидны». А через секунду останется только «в основном безобидны». А ведь еще вчера все было так славно...

Завыл мотор.

Тихое шипение переросло в оглушительный свист устремившегося наружу воздуха – на-

ружный люк открылся в черную пустоту, усеянную маленькими и немыслимо яркими точечками света. Форд и Артур выскочили в открытый космос, как пробки из духового ружья.

VIII

”Путеводитель вольного путешественника по Галактике” – в высшей степени замечательная книга. Ее составляли на протяжении многих лет и исправляли много раз многие редакторы. Информацию для нее собирали бесчисленные путешественники и исследователи.

Предисловие к ней начинается так:

«Космос велик. Космос космически велик. Вы даже не поверите, насколько невероятно жутко душераздирающе огромен этот космос. То есть, вы, конечно, можете считать, что ваша дежурная аптека находится от вас слишком далеко, но по сравнению с размерами космоса это просто смешно. Судите сами...» и т. д.

Через некоторое время стилистика более или менее выравнивается, и “Путеводитель” начинает рассказывать вещи, о которых действительно стоит знать – например, что жители знаменитой своей красотой планеты Вифселамина стали беспокоиться о расхищении своей планеты десятью миллиардами туристов в год так серьезно, что разница между весом того, что вы съели, и суммарным весом ваших выделений во время пребывания на этой планете при вашем отбытии с нее изымается из веса вашего тела хирургическим путем, и поэтому жизненно важно всякий раз, посещая уборную на этой планете, требовать соответствующую квитанцию.

Честно говоря, ошеломляющая огромность расстояний между звезд ставит в тупик умы, гораздо более могучие, чем ум автора предисловия к “Путеводителю”. Многие из них предлагают вам представить себе виноградную косточку, находящуюся в Рединге, и небольшой грецкий орех, находящийся в Йоханнесбурге, или другие такие же головокружительные картины.

Истина же проста, и она состоит в том, что межзвездные расстояния недоступны человеческому воображению.

Даже свет, движущийся с такой скоростью, что большинству цивилизаций требуются тысячи лет, чтобы понять, что он вообще движется, летит от звезды к звезде очень, очень долго. От звезды Соль до места, где некогда находилась планета Земля, он путешествует восемь минут; и еще целых четыре года до ближайшего звездного соседа звезды Соль, Проксимы Центавра.

До другого края Галактики – до Дамограна, например – свет летит подольше: пятьсот тысяч лет.

Рекорд стопа на трассе такой длины составляет пять лет без малого, но при такой скорости многого по пути не увидишь.

”Путеводитель вольного путешественника по Галактике” сообщает, что **если набрать полные легкие воздуха, то можно продержаться в открытом космосе около тридцати секунд**. Однако далее он говорит, что **из-за душераздирающе огромных размеров пространства вероятность того, что за эти тридцать секунд вас подберет другой корабль, равняется один к 2^{267709}** .

Исключительно по забавному совпадению, это также номер телефона на одной квартире в Ислингтоне, где Артур однажды побывал на совсем неплохой вечеринке и познакомился с очень славной девушкой, с которой, впрочем, у него ничего не вышло – она ушла с каким-то

типом, которого даже никто не приглашал.

И хотя планета Земля, квартира в Ислингтоне и телефон в ней сгинули, приятно все же сознавать, что они оказались некоторым образом достойными упоминания благодаря тому факту, что через двадцать девять секунд Форд и Артур были спасены.

IX

Заметив, что люк шлюза сам собой открылся и снова закрылся безо всякой видимой причины, компьютер тревожно пискнул.

Причины не было видно, потому что Причина вышла.

В Галактике появилась дыра. Она была в точности ничтожную долю секунды протяженностью, ничтожную долю дюйма шириной и приблизительно немало миллионов световых лет длиной от одного конца до другого. Когда дыра захлопнулась, из нее вывалилась и поплыла по Вселенной куча бумажных колпаков и воздушных шариков. Из нее вылетела также целая толпа небольших аналитиков маркетинга, и все они тут же погибли, частично от удущья, частично от удивления.

Еще из нее выпало 239 000 яиц в мешочек, которые материализовались огромной колышущейся горой на голодающем Погрилле в системе Пансель. Все население Погрилля вымерло от голода до последнего человека – этот последний умер спустя несколько недель от холестерина.

Та ничтожная доля секунды, во время которой существовала дыра, отобразилась во времени вперед и назад самым невероятным образом. Где-то в далеком-далеком прошлом она сильно ушибла небольшую случайную группу атомов, плывших по стерильной пустоте космоса, и заставила их соединиться вместе в самых невероятных и необычайных комбинациях. Эти комбинации быстро научились копировать сами себя (что, собственно, и было невероятно и необычайно) и начали причинять серьезное беспокойство всем планетам, на которые они залетали. Так во Вселенной зародилась жизнь.

Пять стремительных водоворотов событий закрутились в буре беспричинности и выплеснулись на берег.

На берегу остались лежать Форд Префект и Артур Дент, раскрывая рты, как выброшенные на сушу рыбы.

— Вот, пожалуйста, – пропыхтел Форд, пытаясь нашарить хоть что-нибудь на гладких булыжниках, мчащихся через Третий Предел Неведомого. – Я же говорил, что что-нибудь придумаю!

— Ну, да, – отозвался Артур, – конечно.

— И моя замечательная идея, – продолжал Форд, – заключалась в том, чтобы нас спас проходящий мимо космический корабль.

Реальная вселенная головокружительно прогнулась под ними. Множества мнимых беззвучно пролетали мимо, как горные серны. Первичный свет взорвался, разлетевшись по пространству-времени, словно объедки с пикника по поляне. Время распустилось, материя же, напротив, завязалась узлами. Самое большое простое число тихо самозародилось в углу и тотчас же исчезло навсегда.

— Чушь, – сказал Артур. – Шансы были астрономически малы.

— А я тебе говорю: работает – не трогай, – отрезал Форд.

— И что это за корабль? – спросил Артур, под которым разверзлась бездна вечности.

— Не знаю, – ответил Форд. – Я еще не открывал глаза.

— Вот как? Я тоже.

Вселенная подпрыгнула, замерла, вздрогнула и вывернулась в нескольких неожиданных направлениях сразу. Артур и Форд одновременно открыли глаза^{vi} и огляделись вокруг с плохо скрываемым изумлением.

— Вот те на, – сказал Артур. – Точь-в-точь Саутэндский пляж.

— Вот как? Хорошо, что ты это сказал, – отозвался Форд.

— Почему?

— Да я уже подумал было, что сошел с ума.

— Одно другому не мешает. И, может быть, ты только думаешь, что я это сказал.

Форд задумался.

— Ну, и что, ты сказал или нет? – спросил он наконец.

— По-моему, сказал, – ответил Артур.

— Хм. Тогда, может быть, мы оба сошли с ума?

— Ну, – рассудил Артур, – принимая во внимание ход недавних событий, было бы безумием считать, что это Саутэнд.

— Но ты уверен, что это Саутэнд?

— Ну, да.

— Вот и я тоже.

— Следовательно, мы оба сошли с ума.

— Самое время...

— И я того же мнения, – обронил проходивший мимо шизофреник.

— Кто это был? – спросил Артур.

— О ком ты? Человек с пятью головами и кустом бузины, увешанный копченными селедками?

— Ага. Кто это?

— Не знаю. Обычный прохожий.

— Ясно...

Они сидели на набережной и с некоторым неудовольствием наблюдали за тем, как огромные дети грузно прыгают по песку, а по небу грохочут копыта диких мустангов, волочащих свежие партии укрепленных кронштейнов в Некоторую Проколотую Окрестность.

— Знаешь, что? – сказал Артур, кашлянув. – Если это и Саутэнд, то с ним происходит что-то очень странное.

— Ты имеешь в виду, что море стоит столбом, а дома ныряют и выныривают? – спросил Форд. – Мне это тоже показалось странноватым. Я бы даже сказал, – продолжил он после того, как Саутэнд с оглушительным грохотом разлетелся на шесть равных частей, которые принялись танцевать и легкомысленно вертеться друг вокруг друга самым непристойным и безнравственным образом, – что здесь вообще происходит что-то очень странное.

Дикий писк и вой волюнок и скрипок прорезал воздух, из земли выскочили пирожки с котятами за десять пенсов, страшная зубастая рыба вылетела из-за туч, и Артур с Фордом решили спастись бегством.

Они с трудом продирались через плотные стены звука, тьму веков, теснины скорби, конгрессы дырявой обуви и несущих бредятину котов, как вдруг услышали женский голос.

Голос прозвучал весьма приятно, но произнес он всего лишь:

— Два в степени сто тысяч к одному, падает, – и больше ничего.

Форд скатился по лунному лучу и огляделся вокруг, пытаясь найти источник голоса, но не увидел ничего достоверного.

— Что это был за голос? – прокричал Артур.

— Не знаю, – крикнул в ответ Форд, – не знаю. Звучало это похоже на измерение вероятности.

— Вероятности? Вероятности чего?

— Просто – вероятности. Как шансы – два к одному, три к одному, там, пять из тридцати шести... Она сказала, 2^{100000} к одному. Это, строго говоря, довольно маловероятно.

Миллионolitровая канистра с заварным кремом раскрылась над ними безо всякого предупреждения.

— А что это значит? – крикнул Артур.

— Что именно? Заварной крем?

— Нет, измерение вероятности!

— Не знаю. Не знаю я. По-моему, мы на каком-то звездолете.

— И нетрудно догадаться, – сказал Артур, – что это не палуба первого класса.

В ткани пространства-времени появились пузыри. Огромные безобразные пузыри.

— А-а-а-а... – заголосил Артур, почувствовав, что его тело размягчается и изгибается в непривычном месте. – Саутэнд тает!.. небо свивается в свиток!.. в пыльный вихрь!.. мои ноги утекают в заходящее солнце!.. и левая рука тоже куда-то течет!.. – Тут его поразила неприятная мысль. – Проклятье! Как я теперь буду ставить время на своих электронных часах?

Артур в отчаянии скосил глаза в сторону Форда.

— Форд! – окликнул он его, – ты превращаешься в пингвина! Перестань немедленно!

Снова раздался голос.

— 2^{75000} к одному, падает.

Форд носился, взмахивая крылышками, вокруг проруби и кричал:

— Эй, вы кто? Вы где? Что у вас тут происходит, и можно ли это как-нибудь прекратить?

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, — сказал голос, приятный, как голос стюардессы в авиалайнере, у которого осталось только одно крыло и два мотора, из которых один горит. — Все в полном порядке.

— Да, конечно! — взбесился Форд. — Только я превратился в порядочного пингвина, а мой приятель полным ходом лишается конечностей.

— Все в порядке, они уже вернулись, — сказал Артур.

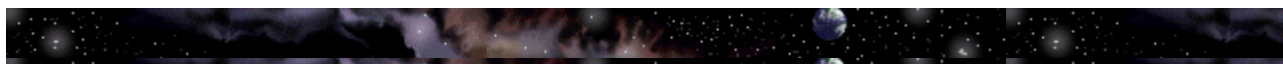
— 2^{50000} к одному, падает, — сказал голос.

— Следует признать, — заметил Артур, — что они длиннее, чем хотелось бы, но в целом...

— Скажите, пожалуйста, — пропищал Форд в бессильной птичьей ярости, — вам не кажется, что вы должны нам что-то объяснить?

Голос кашлянул. Гигантский птифур ускорился куда-то вдаль.

— Добро пожаловать на борт звездолета "Золотое Сердце", — произнес голос.

— Просим вас сохранять спокойствие, — продолжал голос, — несмотря на все, что вы можете услышать и увидеть. Некоторые эффекты могут показаться неприятными, так как вы были спасены от неминуемой гибели с невероятностью порядка 2^{276000} к одному, а возможно и гораздо выше. Сейчас наш двигатель работает на мощности 2^{25000} к одному, невероятность падает, и мы восстановим нормальное положение вещей, как только будем точно знать, какое положение вещей нормальное. Спасибо за внимание. 2^{20000} к одному, падает.

Голос смолк.

Форд и Артур сидели в маленьком светящемся розовом кубике. Форд был крайне возбужден.

— Артур! — твердил он. — Это просто фантастика! Нас подобрал корабль с двигателем на Бесконечной Невероятности! Этого быть не может! Я столько слышал о нем! Все слухи всегда официально опровергались, но они все-таки построили его! Они построили Невероятный Двигатель! Артур, это же... Артур? Что ты делаешь?

Артур навалился спиной на дверцу кубика, пытаясь удержать ее, но это ему плохо удавалось. Маленькие мохнатые лапки с пятнами типографской краски на пальцах протискивались через щель; тонкие голоса за дверцей лопотали без умолку.

Артур повернулся:

— Там чертова прорва обезьян! Они хотят обсудить с нами "Гамлета", которого они только что напечатали!

Двигатель на Бесконечной Невероятности – это чудесный новый способ перемещения на огромные межзвездные расстояния за ничтожную долю секунды безо всякой этой вашей подпространственной тягомотины.

Этот способ был открыт благодаря счастливой случайности, после чего закрытый научно-исследовательский институт Галактического Правительства на Дамогране довел его принцип до методики управляемого движения.

Открытие это было сделано вкратце вот как.

Разумеется, феномен генерации небольших объемов конечной невероятности путем простого замыкания логических цепей субмезонного мозга «Вжух-57», какие использовались в атомных векторных графопостроителях, на мощном индукторе броуновского движения (например, хорошей кружке горячего чая) был уже хорошо изучен, и такие генераторы вовсю использовались для разогрева не клеящихся вечеринок. С их помощью, в соответствии с Теорией Неопределенности, все молекулы нижнего белья хозяйки одновременно принудительно перемещались на полметра влево.

Многие именитые физики заявляли, что не могут принять эту гипотезу, потому что это – опошление науки; но на самом деле их просто никогда не приглашали на такие вечеринки.

Но их сомнения укрепляли также и неизменные неудачи попыток сконструировать машину, способную генерировать поле бесконечной невероятности, необходимое, чтобы перебросить космический корабль через леденящие душу расстояния между самыми удаленными друг от друга звездами.

В конце концов, эти физики злорадно объявили, что такая машина принципиально невозможна.

А потом один студент, оставшийся прибраться в лаборатории после одной особенно не клеившейся вечеринки, рассудил следующим образом.

Если, подумал он, такая машина принципиально невозможна, то, логически мысля, существует конечная невероятность ее создания. Следовательно, чтобы создать такую машину, достаточно выяснить точно, насколько невероятно ее создание, занести это число в генератор конечной невероятности, загрузить в него чашку хорошего горячего чая и... включить его!

Так он и сделал, и, к своему огромному удивлению, получил долгожданный золотой генератор Бесконечной Невероятности прямо из воздуха.

Еще больше он удивился, когда, сразу после вручения ему Премии Галактического института за Высочайшую Одаренность, его линчевала обезумевшая толпа именитых физиков, которые поняли наконец, что единственное, чего они действительно никогда не смогут принять – это того, что кто-то соображает шустрее, чем они.

XI

Невероятностно-экранированная рубка “Золотого Сердца” выглядела совершенно, как рубка обыкновенного звездолета. Разве что она была абсолютно чистая – корабль только что сошел со стапелей. Почти все кресла еще были затянуты упаковочным полиэтиленом. Стены в рубке были белые, приблизительно прямоугольных форм. Размером она была с небольшое кафе. Прямоугольной она была не совсем: две длинных ее стены изящно изгибались параллельно друг другу, и все углы и выступы были скруглены изумительно эффектным образом. Конечно рубка в форме обыкновенного параллелепипеда была бы намного проще и практичнее, но это решение огорчило бы дизайнеров. Теперь же рубка внушала восхитительную целеустремленность: на вогнутой стене большие экраны нависали над пультами систем управления и навигации, а вдоль выпуклой стены шли длинные ряды компьютеров.

В одном углу сидел робот, сгорбившись и безвольно уронив свою до блеска отполированную стальную голову между отполированных до блеска стальных колен. Он тоже был совсем новенький, но, несмотря на превосходную конструкцию и отделку, почему-то казалось, будто части его в целом гуманоидного тела плохо стыковались друг с другом. То есть, на самом деле они были состыкованы наилучшим образом, но что-то в их взаимном расположении заставляло думать, что можно было приладить их друг к другу и получше.

Зафод Библброкс нервно вышагивал по кабине, проводя руками по сверкающему оборудованию и хихикая от возбуждения.

Триллиан сидела над приборами, читая цифры. Это ее голос раздавался по корабельной трансляции.

— Пять к одному, падает... – говорила она, – четыре к одному, падает... три к одному... два... один. Вероятность один к одному. Мы достигли нормы. Повторяю: мы достигли нормы. – Триллиан выключила микрофон, но включила его снова и добавила с легкой улыбкой: – Все, что вас до сих пор не устраивает, с этой минуты является вашей собственной проблемой. Сохраняйте спокойствие. Скоро за вами придут.

Зафод бросился к ней:

— Триллиан! Кто это такие?

Триллиан развернула свое кресло к нему и пожала плечами:

— Просто какие-то ребята, которых мы, судя по всему, подобрали в открытом космосе, – ответила она. – В секторе ZZ₉ Плюральный Z Альфа.

— Не, Триллиан, я понимаю, все это очень круто, но, как ты думаешь, разумно ли это делать в нашем положении? – запричитал Зафод. – Все-таки мы как бы в бегах, у нас на хвосте, наверно, пол-Галактики полиции – и вдруг мы останавливаемся, чтобы подобрать стопщиков! Не, это прекрасно, это плюс десять очков в стильность, но только минус пара миллионов в благоразумие! Ну, так ведь?

Он нервно забарабанил пальцами по пультам. Триллиан быстро подвинула его руку, пока он не задел чего-нибудь важного. При всех достоинствах Зафода – его упрямстве, беспардонности и самоуверенности – он был совершенно не в ладах с техникой и легко мог нечаянным широким жестом разнести весь корабль. Триллиан начинала подозревать, что главной

движущей силой в бурной и удачливой жизни Зафода является то, что он никогда не задумывается о последствиях того, что делает.

— Зафод, — сказала она терпеливо, — они дрейфовали в открытом космосе безо всякой защиты. Ты же не хотел бы, чтобы они погибли?

— Ну, что сразу «погибли»... Может...

— Может что? Может, не погибли, или, может, не сразу? — Триллиан наклонила голову и посмотрела искоса.

— Ну, может, их подобрал бы кто-то другой.

— Да еще секунда, и они были бы мертвы!

— Вот именно! Стоило тебе немного обдумать проблему, и она решилась бы сама собой!

— И тебя бы это устроило?

— Ну, что сразу «устроило»... Может...

— В любом случае, — сказала Триллиан, поворачиваясь обратно к пультам, — я их не подбираю.

— Что ты хочешь сказать? А кто же их подобрал?

— Корабль их подобрал.

— А?

— Их подобрал корабль. Сам.

— А?

— Когда мы были в режиме невероятности.

— Не, это невозможно!

— Почему же? Всего лишь очень-очень маловероятно.

— А-а... Ну, да.

— Короче, Зафод, — закончила Триллиан, похлопав его по плечу, — о пассажирах ты не беспокойся. Скорее всего, я думаю, они совершенно нормальные ребята. Я pošлю робота привести их сюда. Эй, Марвин!

Робот в углу встрепенулся, но тут же снова обмяк. Он с усилием поднялся на ноги, так медленно, словно был килограммов на пять тяжелее, чем был, и совершил то, что посторонний наблюдатель назвал бы героической попыткой пересечь кабину. Подойдя к Триллиан, он остановился, глядя куда-то за ее левое плечо.

— Я думаю, мне следует довести до вашего сведения, что у меня тяжелая депрессия, — сказал он. Голос у него был тихий и безнадежный.

— О, господи, — пробормотал Зафод и плюхнулся в кресло.

— А вот у нас, — сказала Триллиан теплым сочувственным тоном, — как раз есть кое-какое дело, которое займет тебя и поможет выкинуть всё это из головы.

— Ничего не получится, – промолвил Марвин. – У меня исключительно вместительная голова.

— Марвин! – пригрозила Триллиан.

— Хорошо, – вздохнул Мартин. – Что вам от меня нужно?

— Сходи во второй шлюз и приведи сюда двух гостей. Присматривай за ними по пути.

Микросекундной паузой и безупречно выверенными, не выдающими ни малейшей обиды, интонациями и тембром голоса Марвин продемонстрировал чувство глубочайшего презрения и отвращения ко всему, что не чуждо человеку.

— Это все? – спросил он.

— Да, – твердо сказала Триллиан.

— Удовольствие небольшое, – промолвил Марвин.

Зафод выскочил из своего кресла:

— При чем тут удовольствие? – воскликнул он. – Делай, что сказано!

— Хорошо, – произнес Марвин голосом, похожим на похоронный звон большого надтреснутого колокола. – Я сделаю, что сказано.

— Очень хорошо! – сказал Зафод. – Молодец! Спасибо!

Марвин обернулся и поднял на него свои плоские красные треугольные глаза.

— Вам тяжело со мной? – спросил он участливо.

— Нет-нет, Марвин, – пропела Триллиан. – Все хорошо.

— Мне не хотелось бы думать, что вам со мной тяжело.

— Не беспокойся об этом, – продолжала мурлыкать Триллиан, – будь самим собой, и все наладится.

— Вы уверены, что все хорошо? – переспросил Марвин.

— Да-да, Марвин, – промурлыкала Триллиан, – все совершенно замечательно. Нужно просто научиться радоваться жизни.

Марвин бросил на нее тяжелый электронный взгляд.

— Жизнь! – сказал он. – Они мне говорят о жизни!

Он безнадежно повернулся на каблучках и поплелся прочь из кабины. Дверь со щелчком и веселым гудением закрылась за ним.

— Зафод, еще немного, и я уничтожу этого робота! – прорычала Триллиан.

Большая Галактическая Энциклопедия определяет робота как механическое устройство, созданное, чтобы выполнять работу за человека.

Отдел маркетинга Сирианской Кибернетической Корпорации утверждает, что робот – это

«Твой друг из биопласта, с которым всюду классно!»

”Путеводитель вольного путешественника по Галактике” определяет отдел маркетинга Сирианской Кибернетической Корпорации как **«толпу безмозглых кретин, которых надо первыми поставить к стенке, когда начнется»**, с примечанием от редактора о том, что в издательстве освободилась должность корреспондента по вопросам роботов.

Любопытен тот факт, что издание Большой Галактической Энциклопедии, которому посчастливилось через искривление времени попасть в наше время из следующего тысячелетия, определяло отдел маркетинга Сирианской Кибернетической Корпорации как **«толпу безмозглых кретин, которых первыми поставили к стенке, когда началось»**.

Розовый куб исчез из бытия, обезьяны унеслись в лучшие измерения. Форд и Артур очутились в трюме космического корабля. Выглядел трюм симпатично.

— Похоже, корабль-то – новехонький, прям с нуля, – сказал Форд.

— Откуда ты знаешь? – спросил Артур. – У тебя есть какое-нибудь устройство для определения возраста металла?

— Нет, но я нашел на полу рекламные проспекты. Надо думать, что-нибудь на тему “Вся Вселенная у ваших ног”. Смотри-ка, я был прав!

Форд раскрыл один на первой попавшейся странице и показал Артуру:

— Тут написано: «Сенсационный прорыв в невероятной физике. Стоит двигателю развить бесконечную невероятность, как ваш корабль тотчас же оказывается в любой точке Вселенной. Все Сверхдержавы завидуют вам.» Вау, ты смотри, какая тачка навороченная!

Форд восторженно зачитывал технические характеристики корабля, время от времени присвистывая. Звездолетостроение в Галактике, начинал он понимать, шагнуло далеко вперед за те годы, что он был не у дел.

Артур послушал немного, но, не будучи способным понять подавляющее большинство слов, которые произносил Форд, быстро заскучал и впал в задумчивость. Водя пальцами по ребрам непостижимых компьютерных стоек, он задумчиво протянул руку и нажал большую зазывно-красную кнопку на ближайшей к нему панели. На панели тотчас же засветились слова **«Пожалуйста, не нажимайте больше эту кнопку!»** Артур вздрогнул.

— Слушай, – говорил Форд, все еще погруженный в проспект, – что тут пишут про корабельную кибернетику! Новое поколение роботов и компьютеров от Сирианской Кибернетической Корпорации, оснащенное ПЧел.

— ПЧел? – переспросил Артур. – Что это такое?

— Тут написано: “Практически Человеческие Личности”.

— Звучит препакостно, – заметил Артур.

— Так оно и есть, – произнес голос за их спинами. Голос был тихим и безнадежным, и сопровождался еле заметным дребезжанием. Путешественники обернулись и увидели в дверном проеме глубоко печального железного человека.

— Что? – спросили они.

— “Препакостно” – точно подмечено, – продолжал Марвин. – Пакостно в превосходной степени. Да что тут объяснять! Посмотрите хотя бы на эту дверь, – сказал он, проходя в нее. Включив цепи иронии в своем голосовом модуляторе, Марвин процитировал из рекламного проспекта: – «Все двери на этом звездолете наделены веселым и жизнерадостным характером. Они рады открываться для вас и рады закрываться за вами с чувством удовлетворения и выполненного долга».

Дверь за Марвином закрылась, и все отчетливо услышали удовлетворение в ее голосе: «М-м-м-м-м-ах!» – сказала дверь.

Марвин посмотрел на нее с ненавистью; его логические цепи вибрировали от отвращения, и по ним проносились время от времени импульсы применить по отношению к двери физическое насилие. Другие цепи отклоняли эти импульсы со словами «Стоит ли труда? Какой смысл? Что это изменит?» Третьи цепи занимались тем, что от скуки анализировали молекулярные компоненты двери и клеток мозга гуманоидов. На закуску они рассчитали уровень водородной эмиссии в данном кубическом парсеке космоса и снова отключились в глубокой скуке. Судорога отчаяния сотрясла тело робота, когда он вновь посмотрел на людей.

— Идемте, – выговорил он. – Мне было велено привести вас на мостик. Мне, обладателю мозга величиной с планету, было велено привести вас на мостик. Как по-вашему, это стоящая задача? По-моему, нет.

Робот отвернулся и направился в сторону ненавистной двери.

— Простите, – спросил Форд, шедший за ним, – какому правительству принадлежит этот корабль?

Марвин проигнорировал его вопрос.

— Смотрите на эту дверь, – проговорил он. – Сейчас она снова откроется. Я это чувствую по тому невыносимому самодовольству, которое она испускает вокруг себя.

С легким благодарным вздохом дверь раскрылась, и Марвин шагнул в проем.

— Идемте, – позвал он.

Остальные путешественники последовали за ним, и дверь вернулась в свои пазы с довольным тихим щелчком и урчанием.

— Спасибо отделу маркетинга Сирианской Кибернетической Корпорации, – сказал Марвин и горестно зашагал по сверкающему изогнутому коридору, открывшемуся перед ними. – «Давайте строить роботов с Практически Человеческими Личностями!» – сказали они. И попробовали на мне. Я наделен Практически Человеческой Личностью. Это заметно, не так ли?

Форд и Артур пробормотали что-то нечленораздельно-утешительное.

— Я ненавижу эту дверь, – продолжал Марвин. – Вам тяжело со мной?

— Так какому правительству... – снова начал Форд.

— Он не принадлежит никакому правительству, – ответил робот. – Его угнали.

— Как угнали?

— Как угнали? – переспросил Марвин. – Так. Угнали.

— Кто? – спросил Форд.

— Зафод Библброкс.

Нечто необычайное случилось с лицом Форда. По меньшей мере пять совершенно различных и противоречивых выражений потрясения и изумления проявились на нем, образовав полную кашу. Левая нога его, поднятая для шага, казалось, никак не могла снова найти пол. Он смотрел на робота и тщетно силился распутать лицевые мускулы.

— Зафод Библброкс?.. – переспросил он слабым голосом.

— Простите, если я сказал что-то не то. – Марвин потащился дальше по коридору. – Извините, что я дышу; чего, впрочем, я не делаю, так что сам не понимаю, зачем я все это говорю; о, как же мне тяжело! Вот еще одна самовлюбленная дверь. Жизнь! Они мне говорят о жизни!

— Никто не говорил о жизни, – раздраженно проворчал Артур. – Форд, ты в порядке?

Форд смотрел на Артура.

— Этот робот сказал “Зафод Библброкс”? – переспросил он.

XII

Громкие взрывы ганк-рока разносились по "Золотому Сердцу". Зафод обшаривал волны суб-Ф-ира в поисках новостей о себе. Управлять приемником было нелегко. Много лет назад приемники управлялись нажатием кнопок и кручением ручек; затем техника шагнула вперед, и управление стало сенсорным: стало нужно лишь водить по панели управления пальцем. Теперь же оставалось только махнуть рукой в сторону управляющих элементов и надеяться на удачу. Это, конечно, сберегает массу мускульных усилий, но при этом для того, чтобы слушать одну и ту же программу, приходится сидеть совершенно неподвижно, а это бесит.

Зафод махнул рукой, и канал сменился. Снова ганк-рок, но на этот раз на его фоне шли новости. Новости всегда приходилось сильно редактировать, чтобы они не выбивались из ритма музыки.

— ... А теперь – в нашем живом суб-Ф-ире эксклюзив о том, что творится в мире, мы вещаем всегда, мы вещаем везде, по всей Галактике на каждой звезде, – залопотал жизнерадостный голос, – и мы говорим наш "Привет!" всем разумным формам жизни, где бы они ни находились, а также всем нашим постоянным слушателям! Главное – радоваться жизни вместе, друзья! И, конечно же, главная новость дня – сенсационное похищение нового экспериментального звездолета с Невероятностным Двигателем, и совершил его никто иной, как наш Гала-президент Зафод Библброкс! И вопрос, который все задают друг другу: неужели Большой ЗеБе окончательно слетел с катушек? Библброкс, изобретатель пангалактик-горлодера, бывший мошенник-вымогатель, мужчина, о котором Эксцентрика Голымбикс сказала "лучший отрыв со времен Большого Взрыва", человек, недавно завоевавший титул Самого Ужасно Одетого Одушевленного Объекта В Известной Вселенной седьмой раз подряд – что он приготовил нам на этот раз? Мы задаем этот вопрос его личному мозговику Гагу Халфрунту.

Музыка взвизгнула и на секунду притихла. Заговорил другой голос – очевидно, голос Халфрунта:

— Тело в том, тшто Зафод – ну, это такое... – но больше он не успел сказать ничего, потому что через сенсорное пространство выключателя приемника пролетел электронный карандаш. Зафод обернулся и сердито посмотрел на Триллиан – это она бросила карандаш.

— Эй, – спросил он. – В чем дело?

Триллиан постучала пальцем по экрану, полному цифр.

— Я тут подумала кое-о-чем, – сказала она.

— Не может быть. И из-за этого стоило обрывать новости обо мне?

— Ты и так слышишь о себе достаточно часто.

— У меня проблемы с самоутверждением, ты же это знаешь.

— Можно, ты оставишь на минутку в покое свою драгоценную персону? Это очень важно.

— Если есть что-то, более важное, чем моя драгоценная персона, я должен его немедленно найти и расстрелять! – Зафод посмотрел на Триллиан и рассмеялся.

— Слушай, – сказала она. – Мы подобрали эту парочку...

— Какую парочку?

— Ту, которую мы подобрали.

— Ах, эту парочку...

— Мы подобрали их в секторе ZZ₉ Плюральный Z Альфа.

— Ну? – спросил Зафод, зевнув.

— Тебе это ничего не напоминает? – тихо спросила Триллиан.

— Хм-м-м... – задумался Зафод. – ZZ₉ Плюральный Z Альфа, ZZ₉ Плюральный Z Альфа...

— Ни о чем не говорит? – повторила Триллиан.

— Э-э... а что означает “Z”? – спросил Зафод.

— Которая?

— Любая.

Пожалуй, самым трудным в отношениях с Зафодом для Триллиан было научиться различать, когда он притворяется идиотом, чтобы усыпить бдительность оппонента, когда он притворяется идиотом, чтобы не думать самому, а заставить кого-то другого думать вместо него, когда он притворяется идиотом, чтобы скрыть, что ничего не понимает, и когда он просто ведет себя как идиот. Все считали Зафода человеком невероятно хитрым и себе на уме, и таким он вполне очевидно и был – но не все время. И это его весьма беспокоило. Поэтому-то он и вел себя так. Ему больше нравилось ставить людей в тупик, чем давать им повод не уважать себя. Это Триллиан считала первостепенным идиотизмом, но спорить с Зафодом на эту тему она больше не собиралась.

Она вздохнула и вызвала на экран звездную карту, чтобы Зафоду стало понятнее – каковы бы ни были причины его непонятливости.

— Вот здесь, – указала она. – Вот здесь вот.

— Да? Точно! – сказал Зафод.

— Ну? – требовала Триллиан.

— Что “ну”?

В голове у нее одни мысли завопили на другие со всей мочи. Она сказала очень спокойно:

— Это тот самый сектор, в котором мы встретились с тобой.

Зафод смотрел то на нее, то на экран.

— Э-э... точно, – сказал он. – Но это же чушь. Мы шли напрямиком в центр Туманности Конской Головы. Как мы могли оказаться здесь, в этой глуши?

Триллиан спокойно выслушала и эти слова.

— Невероятностный двигатель, – сказала она терпеливо. – Ты сам мне рассказывал. Мы оказываемся в любой точке Вселенной. Ты это знаешь.

— Ну, да... Но это какое-то невероятное совпадение!

— Именно так.

— Изо всей вселенной подобрать кого-то именно в этой точке... Это что-то уж слишком. Надо разобраться. Компьютер!

Бортовой компьютер, детище Сирианской Кибернетической Корпорации, который контролировал и охватывал своим вниманием каждую деталь корабля, перешел в интерактивный режим.

— Привет! – сказал он с воодушевлением и выплюнул кусочек телетайпной ленты – просто так, для проформы. На ленте было написано «Привет!»

— О, блин! – сказал Зафод. Он не так давно познакомился с этим компьютером, но уже успел возненавидеть его.

Компьютер продолжал, оживленно и весело, как реклама стирального порошка:

— Хочу, чтоб вы знали: какие бы проблемы ни появились у вас, я здесь для того, чтобы решить их!

— Я в курсе, – проворчал Зафод. – Пожалуй, я лучше посчитаю на бумажке.

— Конечно-конечно, – сказал компьютер, сплевывая свое сообщение в мусорную корзину, – я понимаю. Но если вам только захочется...

— Заткнись! – прорычал Зафод и, подняв карандаш, подсел за пульт к Триллиан.

— Окей, окей... – ответил компьютер обиженным голосом и снова выключил свой речевой канал.

Зафод и Триллиан склонились над цифрами, которые молча расстилал перед ними трассировщик невероятностного полета.

— Мы можем, – спросил Зафод, – прикинуть с их точки зрения, какова была вероятность, что их спасут?

— Да. Это параметр известный, – ответила Триллиан. – 2^{276709} к одному.

— Однако много. Везучие ребята!

— Точно.

— А какова вероятность того, что их спасли именно мы?

Триллиан поворошила цифры. Они показали $2^{\infty-1}$ к одному – иррациональное число, имеющее смысл только в физике невероятности.

— Однако, немного, – закончил Зафод, присвистнув.

— Точно, – согласилась Триллиан и поглядела на него вопросительно. – Где-то тут прячется мощный выброс невероятности. Где-то в расчетах случилось что-то очень невероятное, иначе все не сошлось бы так ровно.

Зафод посчитал, затем перечеркнул расчеты и отшвырнул карандаш.

— Тысяча чертей, у меня не сходится.

— Что будем делать?

Зафод со злостью стукнул друг об друга свои головы и скрипнул зубами:

— Ну, ладно, — сказал он. — Компьютер!

Речевые цепи ожили вновь.

— Привет, привет! — произнес компьютер (и напечатал на вылезшей из щели ленте теле-тайпа). — Моя работа — сделать ваше настраивание как можно более прекрасным!

— Отлично, заткнись и сосчитай-ка мне кое-что.

— Нет проблем! — воскликнул компьютер. — Вам нужен прогноз вероятности на основе...

— Да, да, невероятностных данных.

— Окей! — продолжал компьютер. — Кстати! Знаете ли вы, что жизнь людей в значительной степени управляется номерами телефонов?

Сначала скривилось, как от зубной боли, одно лицо Зафода, а затем и второе.

— Повредился ты, что ли? — спросил он.

— Нет, но вы и вправду можете повредиться, если я скажу вам, что...

— Номер телефона? — Триллиан ахнула и рванулась к кнопкам трассировщика невероятного полета. — Эта штука сказала “номер телефона”?

По экрану понеслись цифры. Компьютер выдержал вежливую паузу и продолжал:

— Я только хотел сказать, что...

— Не надо, — оборвала его Триллиан.

— Эй, в чем дело? — спросил Зафод.

— Не знаю, — ответила Триллиан. — Но, как бы там ни было, эти ребята идут на мостик в сопровождении нашего злосчастного робота. Мы можем получить их на экран монитора?

XIII

Марвин шагал по коридору, непрерывно жалуясь и стеная.

— ...А еще, конечно же, эти ужасные боли в диодах по всей левой стороне тела...

— Что вы говорите! — холодно отзывался Артур, идя вслед за ним. — Не может быть!

— Может, может, — отвечал Марвин. — Сколько раз уже я просил их заменить, но никто не слушает.

— Я могу себе представить.

Форд издавал нечленораздельные присвистывания и хмыканья. «Значит, вон как!» — говорил он себе. — «Значит, Зафод Библброкс...»

Внезапно Марвин остановился и поднял руку.

— Вы, конечно, уже догадались, в чем дело?

— Нет. В чем? — спросил Артур, не желавший этого знать.

— Мы подошли к еще одной из этих дверей.

В стене коридора красовалась раздвижная дверь. Марвин посмотрел на нее с ненавистью.

— Ну? — нетерпеливо спросил Форд. — Заходим?

— Заходим? — переспросил Марвин. — Да. Это вход на мостик. Мне было велено привести вас на мостик. Вероятно, это была самая значительная нагрузка на мои интеллектуальные мощности за сегодняшний день. Но я не удивляюсь.

Марвин подошел к двери медленно, как кот к спящей мыши. Дверь неожиданно раскрылась.

— Спасибо, — сказала она, — вы сделали простую маленькую дверь счастливой.

Где-то в груди Марвина тихо взвыл мотор.

— Забавно, — сказал он похоронным тоном. — Именно тогда, когда ты решаешь, что хуже быть уже не может, перед тобой внезапно открываются новые горизонты.

Он перетащил себя через порог двери, оставив Форда и Артура за своей спиной переглядываться и пожимать плечами. Из-за двери они снова услышали голос Марвина.

— Я полагаю, теперь вы хотите встретить гостей, — сказал он. — Вы предпочитаете, чтобы я заржавел, сидя в углу, или рассыпался на части прямо здесь, где стою?

— Ну-ну, Марвин! Пригласи их войти, — сказал другой голос.

Артур поглядел на Форда и увидел с изумлением, что тот так и давится от хохота.

— Что за...?

— Ш-ш-ш, — сказал Форд. — Давай зайдем.

И, шагнув в дверной проем, он вышел на мостик.

Артур стесняясь, проследовал за Фордом, вошел в дверь и обалдело уставился на человека, сидящего в кресле, закинув ноги на пульт, и ковыряющегося левой рукой в зубах правой головы. Правая голова, казалось, была всецело поглощена этим занятием, а левая улыбалась широкой беспечной улыбкой. Количество причин не верить собственным глазам было явно великовато для Артура. Челюсть его на некоторое время отвисла.

Этот человек лениво помахал Форду рукой в знак приветствия и с грубо деланным равнодушием сказал:

— О, Форд! Привет, как ты, здорово, что зашел.

Форд не дрогнул:

— А, Зафод! – протянул он, – как сам-то, рад тебя видеть, третья рука тебе идет. Отличную тачку ты угнал.

Артур вытаращился на него:

— Что, ты знаешь этого типа? – спросил он, ткнув пальцем в Зафода.

— Знаю? – воскликнул Форд. – Да это же... – тут он запнулся и решил представить их друг другу в обратном порядке. – Короче, Зафод, это мой приятель Артур Дент, – сказал он. – Я спас его, когда его планету снесли.

— Во как, – сказал Зафод, – Привет, Артур, рад за тебя. – Правая его голова безучастно огляделась, сказала «привет» и вернулась к ковырянию в зубах.

Форд продолжил:

— Артур, – сказал он, – это мой полутораюродный брат Зафод Биб...

— Мы знакомы, – сухо обронил Артур.

Когда вы в прекрасном настроении рассекаете по шоссе, лениво обгоняя редкие тяжелые грузовики, и вдруг нечаянно переводите с четвертой скорости вместо пятой на первую, и мотор выпрыгивает из-под капота грудой замасленных железяк – это выбивает вас из колеи примерно так же, как эти простые слова выбили из колеи Форда Префекта.

— Что-о?

— Я говорю, мы знакомы.

Зафод сделал удивленное лицо и хмыкнул:

— Разве? Не думаю.

Форд строго посмотрел на Артура. Теперь, когда он чувствовал себя уже почти как дома, его начинало тяготить общество этого невежественного примата, который смыслит в галактических раскладах столько же, сколько комар, вылупившийся в Илфорде, разбирается в интригах Запретного Города китайского императора.

— Что значит “знакомы”? – сердито спросил он. – Это Зафод Библброкс с Бетельгейзе-5, а не какой-нибудь тебе Мартин Смит из Кройдона!

— Не важно, – холодно ответил Артур. – Мы знакомы, не так ли, Зафод Библброкс? Или, может быть, лучше – Фил?

— Что? – воскликнул Форд.

— Что-то не припоминаю, – сказал Зафод. – У меня отвратительная память на инопланетян.

— Это было на вечеринке, – напомнил Артур.

— Хм... сомневаюсь, – сказал Зафод.

— Артур, прекрати! – потребовал Форд. Но Артур не собирался прекращать.

— На вечеринке, где-то полгода назад. На Земле. В Англии.

Зафод покачал головой, нервно улыбнувшись.

— Лондон, – гнул свое Артур. – Ислингтон!

— А-а! – воскликнул Зафод с облегчением. – На той вечеринке!..

Для Форда это был удар ниже пояса. Он ошеломленно глядел то на Артура, то на Зафода.

— Что? – воскликнул он. – Не собираешься ли ты сказать, что ты был на той злополучной планете?

— Нет, конечно, – ответил Зафод по возможности легкомысленно. – Так, заскочил ненадолго по пути кое-куда...

— А я проторчал там пятнадцать лет!

— Ну, я же этого не знал.

— Но что ты там делал?

— Да так, ничего особенного.

— Он явился на вечеринку без приглашения. – ответил за него Артур дрожащим от ярости голосом. – На маскарад...

— Хорош бы он был, если б это был не маскарад! – вставил Форд.

— И на этой вечеринке, – продолжал Артур, – была одна... а, впрочем, кажется, это уже неважно. Все равно все пропало...

— Да перестань ты так сокрушаться по этой несчастной планетке, – сказал Форд. – Кто там был?

— Так, просто девушка. Ладно, допустим, у меня с ней не очень-то клеилось. Я старался весь вечер. Что это была за девушка! Красивая. Очаровательная. Сокрушительно интеллигентная. В какой-то момент мне удалось уединиться с ней и завести какой-то разговор. Тотчас же вот этот тип – твой приятель – вламывается и говорит: «Привет, красотка, тебе не надоел еще этот зануда? Может, поболтаешь вместо него со мной? Я пришелец с другой планеты.» И больше я ее не видел!

— Что он несет, Зафод? – воскликнул Форд.

— Что слышал, – ответил Артур, стараясь не чувствовать себя идиотом. – Только тогда у него было две руки и одна голова, и он называл себя Филом, но...

— Но, согласись, он не соврал. Он действительно пришелец с другой планеты, — сказала Триллиан с другого конца мостика.

Она улыбнулась Артуру улыбкой, которая обрушилась на него, как тонна кирпичей, и снова отвернулась к приборам.

На несколько секунд воцарилась тишина, а затем дымящийся мозг Артура выродил слова:

— Тришия МакМиллиан? Что ты делаешь здесь?

— То же, что и ты, — ответила она, — Воспользовалась случаем и застопила попутку. Что мне оставалось там делать, с моими дипломами по математике и астрофизике? Или это, или обратно в очередь за пособием по безработице каждый понедельник.

— Бесконечность минус один, — пропел компьютер. — Невероятность просуммирована.

Зафод посмотрел вокруг себя, глянул на Форда, на Артура, и, наконец, на Триллиан.

— Триллиан, — спросил он, — так будет каждый раз, когда мы будем включать невероятность?

— Боюсь, весьма вероятно, что да, — ответила она.

XIV

”Золотое Сердце” беззвучно несло через космическую ночь – сейчас на обыкновенном фотонном двигателе. Все четыре члена его экипажа с неудовольствием осознали, что их собрало вместе не их собственное желание и даже не простое совпадение, а всего лишь невероятно сложный физический закон – будто отношения между людьми управляются теми же принципами, которые регулируют отношения между атомами и молекулами.

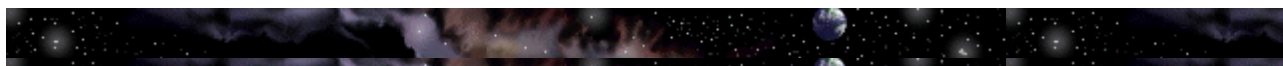
Когда на корабле наступила искусственная ночь, они с облегчением разошлись по отдельным каютам и попытались привести мысли в порядок.

Триллиан не спалось. Она сидела на койке и смотрела на маленькую клетку, в которой была заключена ее последняя и единственная связь с Землей – две белых мышки, которых она заставила Зафода взять с собой. Триллиан с самого начала не собиралась возвращаться на Землю, но то безразличие, с каким она приняла известие о том, что Земля уничтожена, вывело ее из душевного равновесия. Земля была для нее далекой и нереальной, и Триллиан вовсе не нашла, что подумать о ней. Она смотрела на мышей, сновавших по клетке и бешено крутивших свои пластмассовые барабанчики, пока мыши не загипнотизировали ее вконец. Тогда Триллиан встряхнулась и вышла на мостик поглядеть на мерцающие огоньки и цифры, картировавшие продвижение корабля через пустоту. Ей никак не удавалось понять, о чем же она с таким трудом старается не думать.

Зафоду не спалось. Он тоже хотел бы знать, о чем это он не позволяет себе задуматься. Сколько помнил себя, он всегда испытывал смутное чувство, что не полностью присутствует здесь и сейчас. Большую часть времени ему удавалось отбросить эту мысль и не заморачиваться ею, но неожиданное и необъяснимое явление Форда Префекта и Артура Дента разбудило ее снова. Непостижимым образом события складывались в цепочку, смысл которой Зафод не мог понять.

Форду не спалось. Он был слишком возбужден новым путешествием. Пятнадцатилетнее заточение окончилось как раз тогда, когда надежда едва не покинула его. Тусовка с Зафодом на какое-то время предвещала массу забавного, хотя в полутораюродном братце Форда всегда было что-то такое, Форду не до конца понятное... То, что Зафод стал президентом Галактики, просто ошеломляло – равно как и то, каким образом он оставил этот пост. Есть ли в этом какой-то смысл? Спрашивать Зафода было бесполезно: он, казалось, никогда не имел ничего общего ни с каким смыслом, всю свою жизнь превращая в непостижимое искусство. На все в жизни Зафод набрасывался со смесью ярчайшего гения и дичайшего невежества, и трудно было отличить одно от другого...

Артур спал: он вусмерть устал.

В дверь Зафода постучали. Дверь раскрылась.

— Зафод?

— Что?

— Кажется, мы нашли то, что ты искал.

— Да ладно!!!

Форд пробовал уснуть, но не смог. В углу его каюты стоял маленький терминальчик. Он присел за него и попытался сочинить для “Путеводителя” новую статью про вогонов, но ничего достаточно ядовитого не придумалось, так что Форд оставил и это занятие. Он накинул халат и отправился прогуляться на мостик.

Поднявшись туда, он с удивлением увидел две фигуры, возбужденно склонившиеся над приборами.

— Смотри! Корабль вот-вот выйдет на орбиту, – говорила Триллиан. – Там есть планета. Координаты те самые, которые ты предсказывал.

Зафод услышал шаги и оглянулся:

— Форд! – позвал он шепотом, – Иди, посмотри на это!

Форд подошел и посмотрел на это. Это было рядом цифр, мерцающих на экране.

— Узнаешь эти галактические координаты? – спросил Зафод.

— Нет.

— Даю подсказку. Компьютер!

— О, привет, ребята! – весело понес компьютер. – У нас крутая вечерина, не правда ли?

— Заткнись, – сказал Зафод, – и покажи экраны.

Свет на мостике погас. Цветные точки побежали по консолям, отражаясь в четырех парах глаз, уставившихся на внешние мониторы.

На мониторах не было абсолютно ничего.

— Узнаешь? – прошептал Зафод.

Форд нахмурил брови.

— Гм... нет, – сказал он.

— Ну, что ты видишь?

— Ничего.

— И не узнаешь?

— Да в чем дело-то?

— Мы в Туманности Конской Головы. Сплошное огромное черное облако.

— И я должен был догадаться об этом по пустому экрану?

— Внутренность темной туманности – единственное место в Галактике, где можно увидеть пустой экран!

— Гениально.

Зафод рассмеялся. Он явно был чем-то очень возбужден, совсем, как ребенок.

— Блин, как здорово! Я просто не могу! Несёт меня, лиса!..

— А что такого здоровского – торчать в пылевом облаке? – спросил Форд.

— Ну, как ты думаешь, что здесь можно найти? – спросил Зафод.

— Ничего.

— Ни звезд? Ни планет?

— Ничего.

— Компьютер! – воскликнул Зафод, – повернуть угол обзора на сто восемьдесят градусов – и не трепаться!

Какую-то секунду казалось, что ничего не произошло. Затем на краю гигантского экрана появился свет. Красная звезда размером с блюдце поползла через него, догоняя другую – система двойной звезды. Затем угол картины закрыл большой полумесяц – красное сияние, перетекающее в густо-черный: ночная сторона планеты.

— Я нашел ее! – воскликнул Зафод, треснув кулаком по консоли. – Я ее нашел!

Форд смотрел на экран, ничего не понимая.

— Что это? – спросил он.

— Это? – ответил Зафод. – Это самая замечательная планета из всех, что когда-либо существовали.

XV

(Выдержка из "Путеводителя вольного путешественника по Галактике", стр. 634784, раздел 5а, статья "Магратея".)

В далекие и туманные времена, в славные и великолепные дни расцвета Галактической Империи, жизнь была опасна, интересна и по большей части не облагаема налогом.

Мощные звездолеты плыли к неизведанным солнцам на самых дальних рубежах Галактики в поисках приключений и добычи. В те дни дух был крепок, ставки были высоки, мужчины были настоящими мужчинами, женщины – настоящими женщинами, а маленькие мохнатые существа с Альфы Центавра – настоящими маленькими мохматыми существами с Альфы Центавра. Каждый был готов идти навстречу неведомым опасностям, совершать невероятные подвиги, раскрывать тайны, которых еще не касалась рука человека – и так была выкована Империя.

Разумеется, некоторые в эти времена чрезвычайно разбогатели – но это было совершенно естественно, и стесняться было нечего, поскольку никто по-настоящему не бедствовал – во всяком случае, никто из тех, о ком стоило говорить.

Но жизнь любого из самых богатых и удачливых людей рано или поздно неизбежно становится однообразной и унылой; и эти люди начали воображать, что виною тому те миры, в которых они обосновались. Ни один из них не удовлетворял их требованиям в полной мере: то климат был недостаточно хорош в восьмом часу вечера, то продолжительность дня на полчаса больше, чем надо, то море оказывалось совершенно неприемлемого оттенка розового.

Так зародились предпосылки для удивительной новой отрасли высокотехнологичной промышленности: строительство планет по индивидуальному заказу. Базировалась эта индустрия на планете Магратея, где инженеры-подпротранственники через белые дыры засасывали в пространство материю, из которой формировали планеты мечты – золотые планеты, платиновые планеты, каучуковые планеты с непрекращающимися землетрясениями – все выполнено с любовью и в строжайшем соответствии с уровнем стандартов, какого по праву могут требовать богатейшие люди Галактики.

Но предприятие это оказалось таким удачным, что Магратея вскоре стала богатейшей планетой всех времен, а остальная Галактика погрузилась в кромешную нищету. Тогда система обвалилась, империя рухнула, и над миром миров воцарилась долгая безрадостная тишина, которую нарушал лишь скрип перьев ученых, кропавших по ночам пакостные памфлеты о преимуществах плановой экономики.

Магратея же исчезла, и скоро сама память о ней ушла в туманную область легенд.

В наши просвещенные дни никто, разумеется, не верит в эти сказки.

XVI

Споры разбудили Артура, и он вышел на мостик. Форд размахивал руками.

— Зафод, ты рехнулся, – говорил он. – Магратея – это миф! Сказка, которую родители рассказывают перед сном, чтобы дети выросли экономистами; Магратея – это...

— Это то, на орбите чего мы сейчас вращаемся, – стоял на своем Зафод.

— Слушай, я не знаю, на какой орбите сейчас вращаешься лично ты, – сказал Форд, – но этот корабль...

— Ах так! Компьютер! – крикнул Зафод.

— О, нет!..

— Всем привет! Говорит Эдди, ваш бортовой компьютер, ребята, у меня прекрасное настроение, и я готов завести с полпинка любую программу, которую вам только вздумается прогнать через меня!

Артур вопросительно поглядел на Триллиан. Она жестом пригласила его войти, но сидеть молча.

— Компьютер, – велел Зафод, – расскажи-ка нам, какова наша текущая траектория?

— С удовольствием, старина, – отозвался компьютер. – В данный момент мы находимся на трехсотмильной орбите вокруг легендарной планеты Магратея.

— Это ничего не доказывает, – сказал Форд. – Я бы не доверил этому компьютеру считать мой вес.

— А в чем трудность?! – ответил компьютер, выплевывая еще метр телетайпной ленты. – Я могу даже просчитать ваши психологические проблемы с точностью до десяти знаков за запятой, если это вам поможет.

Триллиан вмешалась:

— Зафод! – сказала она. – В любую минуту мы можем оказаться на дневной стороне этой планеты, – и добавила, – как бы она ни называлась.

— Подруга, о чем ты говоришь? Планета находится именно там, где я предсказал, разве не так?

— Все так. Я знаю, что тут есть планета. Я ни с кем не спорю. Но я бы не отличила Магратею от любой другой холодной каменной глыбы. В любом случае, наступает рассвет.

— Хорошо, хорошо, – уступил Зафод. – По крайней мере, поглядим на красоту. Компьютер!

— Привет, ребята! Чем могу...

— Заткнись и дай нам снова вид на планету.

Экран снова заполнила темная неопределенная масса – планета, вращающаяся под ними.

Некоторое время они смотрели на нее молча, хотя Зафод сидел, как на иголках:

— Мы облетаем ночную сторону... — сказал он тихо. Планета продолжала вращаться. — Поверхность в трехстах милях под нами, — продолжал он.

Зафод пытался вернуть моменту торжественность, которой, как он считал, этот момент должен был быть полон. Магратея! Скептицизм Форда задел его за живое. Магратея!..

— Через несколько секунд, — продолжал шептать Зафод, — мы должны увидеть... Вон там!

Даже самый тертый звездный бродяга не может не испытывать волнения при зрелище восхода, наблюдаемого из космоса; а двойной восход — это одно из чудес Галактики.

Из крошечной тьмы вдруг ударил луч ослепительного света. Он выдвигался на мельчайшие доли градуса, раскидывался во все стороны тонким, как лезвие бритвы, полумесяцем, и через несколько секунд показались оба солнца, жаровни света, заливающие черный край горизонта белым огнем. Яростные стрелы всех цветов спектра пронизали тонкую атмосферу.

— Огни рассвета!.. — выдохнул Зафод. — Двойные солнца Сулианис и Рам!..

— Ага, щас... — тихо вставил Форд.

— Сулианис и Рам! — повторил Зафод.

Солнца сверкали в черноте космоса, на мостике слышалась тихая призрачная музыка: Марвин иронически гудел что-то себе под нос, потому что он глубоко презирал людей.

Глядя на световую феерию, разворачивающуюся перед ними, Форд испытывал восторг; но это был всего лишь восторг при виде новой незнакомой планеты. Форду довольно было видеть ее такой, какой она есть. Его несколько раздражало, что Зафод нафантазировал о ней неведь чего, чтобы произвести на Форда впечатление. Вся эта чушь про Магратею казалась ему подростковой экзальтацией. Разве для того, чтобы видеть, что лес прекрасен, обязательно воображать, что где-то в нем живут эльфы?

Артур ничего не знал про Магратею и ничего не понимал в происходящем. Он подобрался к Триллиан и спросил ее, что здесь творится.

— Я знаю только то, что Зафод мне рассказывал, — шепотом ответила она. — По-видимому, Магратея — это какая-то легенда из далекого прошлого, в которую никто всерьез не верит. Что-то вроде Атлантиды на Земле. Еще легенда гласит, будто магратеяне строили планеты.

Артур поглазел на экраны и почувствовал, что ему не хватает чего-то очень важного. Внезапно он понял, чего именно.

— На этом звездолете можно найти чашку чая? — спросил он.

”Золотое сердце” продвигалось по своей орбите, и планета раскрывалась под ним. Солнца теперь стояли в зените черного неба; пиротехника рассвета стихла, и поверхность планеты при свете дня оказалась блеклой и неприглядной — серой, пыльной и лишь слегка рельефной. Она выглядела холодной и мертвой, как склеп. Время от времени на горизонте появлялись многообещающие очертания — ущелья, как будто горы, возможно, даже города — но по мере приближения к ним черты расплывались, стирались, и не возникало ничего. Поверхность планеты была истерта временем, медленным движением разреженного затхлого воздуха, пол-

завшего по ней века за веками.

Было ясно видно, что планета очень, очень стара.

Форд смотрел на серый ландшафт, проплывающий под ними, и им овладевали сомнения. Неимоверная древность тревожила его. Он почти чувствовал ее. Он прокашлялся:

— Гм... даже если предположить, что это...

— Что это оно, – сказал Зафод.

— Что на самом деле не так, – продолжил Форд, – то что нам здесь нужно? Тут же ничего нет.

— На поверхности ничего нет. – сказал Зафод.

— Ну, хорошо, предположим, что тут что-то есть. Я не думаю, что ты прилетел сюда заниматься постиндустриальной археологией. Зачем ты здесь?

Одна из голов Зафода отвернулась. Другая обернулась тоже, посмотреть, на что смотрит первая, но та ни на что в особенности не смотрела.

— Ну... – пожал плечами Зафод, – отчасти это чистое любопытство, отчасти поиск приключений. Но в основном, мне кажется – слава и деньги...

Форд пристально посмотрел на Зафода. У него появилось очень отчетливое ощущение, что Зафод не имеет ни малейшего понятия, зачем он здесь.

— Знаете, что? Мне эта планета совсем не нравится, – сказала Триллиан, ежась.

— О, не торопись, – сказал Зафод. – Здесь где-то заныкана половина всего богатства Галактической Империи. Она может позволить себе так выглядеть.

Фигня, подумал Форд. Даже если предположить, что это колыбель какой-нибудь давно рассыпавшейся в прах древней цивилизации, даже если предположить еще кучу весьма неправдоподобных вещей, не может быть, чтобы какие-то реальные сокровища хранились здесь в какой-то форме, которая до сих пор представляет какую-нибудь ценность. Форд пожал плечами:

— По-моему, это просто мертвая планета, – сказал он.

— С ума можно сойти от этой неопределенности, – раздраженно заметил Артур.

Стресс и тревожность являются в наши дни серьезной социальной проблемой во всех частях Галактики, и, дабы никоим образом не нагнетать нежелательное напряжение, следующие сведения будут сообщены читателю с опережением хода событий.

Планета, над которой летят наши герои – действительно легендарная Магратея.

В результате смертоносной ракетной атаки, которую вот-вот начнет древняя автоматическая система противокосмической обороны, всего лишь разобьются три чашки, поломаются клетка с мышами, кое-кто получит синяк на плече, а также возникнут на краткий срок и безвременно сгинут горшок с петуниями и невинный кашалот.

С целью сохранить все же некоторый налет загадочности, читателю не будет рассказано, на чем именно плече появится синяк. Этот факт можно с легким сердцем отдать на откуп неопределенности, поскольку он не будет иметь никаких последствий в дальнейшем.

XVII

После такого несколько сумбурного начала дня Артур принялся собирать себя из кусочков, на которые совершенно разбил его день вчерашний. Он нашел нутримат, и тот выдал ему пластмассовый стаканчик жидкости, которая почти совершенно, хотя и не совсем, ничем не напоминала чай.

Нутримат работает весьма интересным образом: при нажатии на кнопку "Напиток" он мгновенно, но крайне дотошно изучает вкусовые пупырышки клиента, делает спектроскопический анализ его метаболизма, а затем посылает по нервной системе короткие пробные сигналы во вкусовые центры мозга клиента, чтобы понять, что окажется клиенту по вкусу. Вот только зачем он это делает, остается непонятным, потому что автомат неизменно выдает стаканчик жидкости, которая чуть менее, чем совершенно ничем не напоминает чай. Нутримат разработан и выпускается Сирианской Кибернетической Корпорацией, чей отдел жалоб и предложений занимает сейчас все основные континенты первых трех планет в системе Тау Сириуса.

Артур попробовал жидкость и нашел ее оригинальной. Он посмотрел на экраны и обозрел еще несколько сот миль голой серой поверхности планеты. Внезапно в голове его материализовался вопрос, который беспокоил его уже некоторое время:

— А это не опасно? – спросил он.

— Магратея мертва уже пять миллионов лет, – ответил Зафод. – Ясно, что это не опасно. За такое время даже привидения остепенятся и обзаведутся семьей.

В этот самый миг на мостике раздался странный и необъяснимый звук, похожий на далекие фанфары – полый, всепроникающий, бестелесный звук. Вслед за ним прозвучал голос, такой же полый, всепроникающий и бестелесный. Голос произнес:

— Приветствуем вас.

Кто-то обращался к ним с мертвой планеты.

— Компьютер! – заорал Зафод.

— Привет, ребята!

— Что это за бозоны Хиггса?

— Это? Это просто запись пятимиллионолетней давности, которую нам прокручивают.

— Что? Это запись?

— Ш-ш-ш! – шикнул Форд. – Слушай дальше.

Голос был старинным, учтивым, можно было даже сказать, проникновенным, но в нем слышался безошибочно распознаваемый металл.

— С вами говорит автоответчик, – сказал голос. – К сожалению, нас сейчас нет на рабочем месте. Коммерческий совет Магратеи благодарит вас за ваш любезный визит...

— Голос древней Магратеи! – воскликнул Зафод.

— Допустим, допустим, – сказал Форд.

— ...но должен с прискорбием сообщить, — продолжал голос, — что планета временно закрыта и не обслуживает клиентов. Благодарим за внимание. Если вы хотите оставить ваше имя и адрес планеты, на которой можно будет с вами связаться, будьте добры сделать это после звукового сигнала.

Послышался короткий гудок, и воцарилось молчание.

— Они хотят от нас отделаться, — нервно заметила Триллиан. — Что будем делать?

— Это же запись, — сказал Зафод. — Продолжаем движение. Компьютер, ты понял?

— Усёк! — отозвался компьютер и добавил кораблю скорости.

Путешественники ждали.

Через секунду или около того снова раздались фанфары, а затем голос:

— Мы рады заверить вас, что как только мы возобновим обслуживание клиентов, сообщения об этом появятся во всех журналах мод и еженедельных приложениях к центральным газетам, и лучшие достижения современной космогонии снова будут в распоряжении наших клиентов. — Угрожающий металл зазвенел в голосе еще отчетливее. — До тех пор мы благодарим наших клиентов за их любезное внимание и просим их удалиться. Немедленно.

Артур поглядел на встревожившиеся лица своих спутников.

— Так что, я так понимаю, что надо разворачиваться? — осторожно спросил он.

— Ф-ф-ф! — фыркнул Зафод. — Никаких причин для беспокойства.

— Тогда почему все так нервничают?

— Всем же интересно! — ответил Зафод. — Компьютер, начни вхождение в атмосферу и приготовься к посадке!

На этот раз фанфары прозвучали несколько сухо, а голос был крайне холоден:

— Энтузиазм, который вызывает у вас наша планета, — произнес голос, — достоин всяческого одобрения с нашей стороны. В связи с этим мы рады сообщить вам, что самонаводящиеся ракеты, которые в данный момент идут на сближение с вашим кораблем, являются частью особого пакета услуг, которые мы предоставляем только самым уважаемым клиентам, а снаряженные по последнему слову техники ядерные боеголовки — наш подарок вам персонально. Надеемся, что в следующей жизни вы снова станете нашим клиентом. Благодарим за внимание.

Голос смолк.

— Вот те на, — сказала Триллиан.

— А-а-а... — промямлил Артур.

— Ну? — спросил Форд.

— Да, блин, — сказал Зафод, — поймите же наконец! Это просто запись. Запись, сделанная миллионы лет назад. Она вообще нас не касается, понимаете?

— Хорошо, — сказала Триллиан тихо, — а ракеты?

— Не смей меня! Какие еще ракеты?

Форд тронул Зафода за плечо и показал на экран заднего вида. Невдалеке сзади две серебряных стрелы поднимались из плотных слоев атмосферы по направлению к кораблю. Увеличение мгновенно приблизило их — две мощные и весьма вещественные ракеты, с грохотом летевшие по небу. Внезапность их появления потрясала.

— Мне кажется, они очень стараются нас коснуться, — сказал Форд.

Зафод оглянулся на них в изумлении:

— Слушайте, но это же потрясающе! — сказал он. — Кто-то там внизу хочет нас убить!

— Кошмар, — подтвердил Артур.

— Да вы понимаете, что это означает?

— Ну, да. Мы скоро погибнем.

— А ещё что?

— Да чего же ещё-то?!

— Это означает, что мы что-то нашли!!!

— Отлично! И как бы нам теперь его снова потерять?

С каждой секундой изображение ракет на экране увеличивалось. Они уже легли на прямой курс, поэтому видны теперь были только боеголовки — анфас.

— Чисто из любопытства, — поинтересовалась Триллиан, — что мы собираемся делать?

— Успокоиться, — ответил Зафод.

— И все? — воскликнул Артур.

— Ну, мы собираемся также... э-э... принять меры! — ответил Зафод, и голос его вдруг сорвался от испуга. — Компьютер! Какие меры мы можем принять?

— Боюсь, что никаких, ребята, — ответил компьютер.

— Ну, хоть что-нибудь! — взвыл Зафод.

— Понимаете, мои навигационные системы чем-то заблокированы, — объяснил компьютер бодрым жизнерадостным тоном. — Сорок пять секунд до столкновения. Зовите меня просто Эдди, если это поможет вам расслабиться.

Зафод попытался побежать в нескольких равно осмысленных направлениях одновременно.

— Отлично! — сказал он. — Надо принять ручное управление кораблем!

— Ты умеешь его водить? — с интересом спросил Форд.

— Нет, а ты?

— Тоже нет.

— Триллиан, а ты?

— Я? Нет.

— Отлично! – сказал Зафод, выдохнув. – Мы поведем его все вместе.

— Я тоже нет, – сказал Артур, решивший, что момент подходит для самоутверждения.

— Кто бы мог подумать, – сказал Зафод. – Короче, компьютер! Мне нужно полное ручное управление!

— Делаем! – отозвался компьютер.

Несколько больших панелей в стене раскрылись, и из них выскочили пульта, обсыпав экипаж кусками прокладок и шариками пенопласта: ими еще ни разу не пользовались. Зафод посмотрел на них диким взглядом:

— Значит, Форд, – крикнул он, – полный назад и десять румбов влево! Что-нибудь в этом роде!

— Удачи, парни, – пожелал компьютер. – Тридцать секунд до столкновения.

Форд бросился к пультам. Несколько рычагов показались ему смутно знакомыми, и он рванул их на себя. Корабль дернулся, и навигационные двигатели попытались метнуть его во все стороны сразу. Форд откинул половину рычагов от себя, и корабль, описав крутую дугу, ринулся в направлении, обратном своему курсу – точно на приближающиеся ракеты. Всех бросило к стене, но в тот же миг из стен выскочили воздушные подушки. Несколько секунд силы инерции держали звездоплавателей, расплюснутых и задыхающихся, без движения. Наконец, Зафод, отчаянно дергаясь и брыкаясь, ухитрился ногой задеть какой-то маленький рычажок на навигационном пульте.

Корабль свирепо затрясся и взмыл вверх. Экипаж стремглав полетел через всю кабину. Фордово издание "Путеводителя вольного путешественника по Галактике" врезалось в другой навигационный пульт, вследствие чего "Путеводитель" начал рассказывать всем интересующимся о лучших способах контрабандного вывоза с Антареса гланд антареанского попугая (гланды антареанского попугая на палочке – несколько шокирующий, но пользующийся большим спросом деликатес для приготовления коктейлей, и очень богатые идиоты, желающие произвести впечатление на других очень богатых идиотов, часто платят за них очень немаленькие деньги) – а корабль камнем рухнул вниз.

Нетрудно догадаться, что где-то именно в этот момент один из членов экипажа получил синяк в предплечье. Этот факт следует подчеркнуть, поскольку, как уже говорилось выше, в остальном экипаж отделался лишь легким испугом, а смертоносные ядерные ракеты не попали в цель. У читателя нет никаких поводов для волнения.

— Двадцать секунд до столкновения, ребята, – сказал компьютер.

— Блин, включай же обратно чертовы двигатели! – заорал Зафод.

— Хорошо, хорошо, ребята, – согласился компьютер. С низким ревом включились двигатели, корабль красиво вышел из пике и снова устремился навстречу ракетам.

Компьютер запел.

— Наверх вы, товарищи, – гнусаво затянул он, – все по местам...^{vii}

Зафод велел ему заткнуться, но голос Зафода потерялся в грохоте того, что они естественным образом приняли за свой надвигающийся бесславный конец.

— Последний парад наступа-а-ет!.. – продолжал завывать Эдди.

Выворачившись, корабль полетел вверх ногами, и теперь члены его экипажа, лежа на потолке, уже никак не могли дотянуться до пультов управления навигационными системами.

— Врагу не сдается наш гордый "Варяг"... – пел Эдди. Две ракеты, заняв все экраны, с грохотом неслись по направлению к кораблю, – Пощады никто не желает!..

Но по невероятно счастливой случайности ракеты не успели скоррелировать свой курс с курсом неуправляемого корабля, и прошли под ним, не задев его.

— ...Все вымпелы выются и цепи гремят... Пятнадцать секунд до следующего столкновения, ребята! Наверх якоря поднима-а-ют...

Ракеты с натужным воем описали дугу и снова бросились в погоню.

— Ну, уж теперь-то, – сказал Артур, глядя на них, – теперь мы наверняка погибнем?

— Лучше бы, черт возьми, ты помолчал об этом! – сказал Форд.

— Но я прав, так?

— Ну, так!!!

— ...Готовые к бою, орудия в ряд... – пел Эдди.

Тут Артура осенила мысль. Он сумел подняться на ноги.

— Почему бы не включить этот ваш Невероятный Двигатель? – спросил он. – Мы, наверно, смогли бы до него дотянуться.

— Ты с ума сошел! – ответил Зафод. – Без тщательного программирования может случиться черт знает что!

— А какая сейчас разница? – крикнул Артур.

— ...На солнце зловеще сверкают... – пел Эдди.

Артур пробрался в конец восхитительно эффектного закругления панелей, где кривая стены сходилась с потолком.

— Прощайте, товарищи, с Богом, ура...

— Кто-нибудь знает, почему Артур не может включить невероятностный двигатель? – прокричала Триллиан.

— ...Холодное море под на-ами... Пять секунд до столкновения, было чертовски приятно работать с вами, ребята, упокой Господь ваши души... Не думали, братцы, мы с вами вчера...

— Я спрашиваю, – кричала Триллиан, – кто-нибудь знает...

Затем произошел умопомрачительный взрыв звука и света.

XVIII

А затем случилось то, что звездолет “Золотое сердце” продолжил свой полет совершенно обычным образом, но – с очаровательно переменившимся дизайном интерьера. Он стал несколько просторнее, приобрел отделку в тонких пастельных оттенках зеленого и голубого; в центре рубки находилась теперь винтовая лестница, никуда в особенности не ведущая, на ступенях которой стояли папоротники и желтые цветы, а возле нее на пьедестале с солнечными часами помещался теперь главный терминал бортового компьютера. Хитроумно расставленные светильники и зеркала создавали ощущение консерватории, плавно переходящей в большой и тщательно ухоженный зимний сад. По периметру консерваторской зоны стояли мраморные столики на тонких кованых железных ножках. Если взглянуть в полированную поверхность мрамора, становились видны панели пультов, материализующиеся под пальцами, а зеркала под нужным углом отражали все нужные экраны и мониторы, хотя весьма неочевидно было, откуда именно они отражаются. В целом все это чрезвычайно ласкало взор и остальные чувства.

Сидя в глубоком шезлонге, Зафод Библброкс спросил:

— А что, собственно, произошло?

— Я как раз собирался сказать, – ответил Артур, возлежавший у прудика с золотыми рыбками, – что кнопка невероятностного двигателя вон там... – он махнул рукой в ту сторону, где она была. Сейчас там стояла ваза с цветами.

— Но где мы? – спросил Форд, сидевший на винтовой лестнице с чудесно охлажденным пангалактик-горлодером в руке.

— Мне кажется, точно там же, где и были, – ответила ему Триллиан, и все зеркала показали унылый пейзаж Магратеи, по-прежнему расстилавшийся под ними.

Зафод выпрыгнул из шезлонга:

— А где же ракеты? – спросил он.

Новое поразительное зрелище появилось в зеркалах.

— Похоже, – неуверенно сказал Форд, – они превратились в горшок с петуниями и весьма удивленного кита...

— При факторе невероятности, – встрял Эдди, не изменившийся ни на йоту, – $2^{6761178}$ к одному.

Зафод повернулся к Артуру.

— Это была твоя идея, землянин? – спросил он его.

— Да что я... – замялся Артур, – я ведь только...

— Это было гениально! На секунду включить невероятностный двигатель без предварительной активации защитных экранов! Ты всех нас спас !

— Ну... – заскромничал Артур, – что тут такого... стоит ли так уж...

— Не стоит? – переспросил Зафод. – Ну, как скажешь. Компьютер! Идем на посадку.

— Но позвольте...

— Так я что? Не стоит — так не стоит. Ты сам сказал.

В списке вещей, случаться которым не стоило, значится также и то, что вопреки всей вероятности в мир внезапно явился кашалот, и что явился он в мир на высоте нескольких миль над поверхностью чужой планеты.

Поскольку такое состояние не является для кита естественным и устойчивым, бедное невинное создание имело очень мало времени на то, чтобы смириться со своим существованием в виде кита, прежде чем ему пришлось смириться со своим несуществованием в виде чего бы то ни было.

Перед вами подробный отчет о мыслях этого кашалота с того момента, как он начал свою жизнь, и до того момента, как он ее закончил.

«А? Что такое?» — подумал он. - Ничего не понимаю.

«Кто я?»

«Хэллоу!»

«Зачем я здесь? В чем смысл моей жизни?»

«Что означает вопрос “кто я”?»

«Так, хорошо, хорошо... О! какое интересное ощущение — что это? Что-то вроде... какое-то ёкающее ощущение в... в... так, наверно, если я хочу к чему-то прийти, настало время определиться с определениями для всего, что существует в том, что в рамках того, что я назову рассуждением, я назову миром; так что, скажем — в моей груди.»

«Так-так. У-у-у-ух, ощущение становится все сильнее. И, кстати, что это за свист и рев в том, что я безо всяких особых к тому предпосылок решил назвать моей головой? Пожалуй, я назову это... ветер! Хорошее название? Сойдет. Может быть, потом, когда я разберусь, что это такое, я придумаю ему название получше. Должно быть, это что-то очень важное, потому что его там, похоже, чертовски много. Ой! А это что? Это... назовем его хвост... да, хвост! О, да я могу им размахивать! Э-эх! Э-эх! Ощущение прекрасное! Не то, чтобы это мне что-то давало, но, может быть, позже я разберусь, зачем эта штука... Итак, можно ли сказать, что я создал логичную и связную картину мироздания?»

«Нет.»

«Ну, и ладно. Это же так здорово, вокруг столько неизвестного, столько неоткрытого! Просто голова кружится от нетерпения...»

«Или это все-таки ветер?»

«Сколько его стало вокруг!»

«О-го! Что это так быстро приближается ко мне? Стремительно приближается! Такое большое, плоское и круглое... ему нужно большое, широкое, звучное название. Что-то вроде “ля-а”... “мля-а”... Земля! Точно! Отличное название — зе-мля!»

«Интересно, смогу ли я с ней подружиться?»

Дальнейшее – громкий смачный шлепок и молчание.

Любопытно, что единственной мыслью, посетившей сознание горшка с петуниями во время падения, было: «Что? Опять?!»

Многие утверждают, что если бы мы знали доподлинно, почему горшок с петуниями думал именно так, мы гораздо лучше понимали бы природу вещей во Вселенной.

XIX

— Этого у... робота мы берем с собой? – спросил Форд, поморщившись в сторону, где в углу под небольшой пальмой стоял, опасно сгорбившись, Марвин.

Зафод оторвался от зеркальных экранов с панорамой унылого ландшафта, посреди которого приземлилось “Золотое сердце”.

— Андроида-параноида? – переспросил он. – Да, мы берем его с собой.

— Но что мы будем делать с маниакально-депрессивным роботом?

— И это их проблемы! – сказал Марвин так, словно обращался к новоселам гробницы. – Интересно, что бы вы делали, будь вы сами маниакально-депрессивным роботом?! Нет-нет, не трудитесь отвечать. Даже я не знаю ответа на этот вопрос, а я, между прочим, в пятьдесят тысяч раз умнее вас. Само мышление на вашем примитивном уровне доставляет мне головную боль.

В дверь ворвалась Триллиан, выбежавшая из своей каюты.

— Мои белые мыши! Они сбежали! – воскликнула она.

Глубокая озабоченность и искреннее сочувствие даже не промелькнули ни на одном из лиц Зафода.

— Ну и фиг-то с ними, – сказал он.

Триллиан бросила на него свирепый взгляд и снова исчезла.

Возможно, ее слова привлекли бы к себе гораздо больше внимания, если бы более широкую известность приобрел тот факт, что люди были всего лишь третьей по порядку разумной формой жизни на планете Земля, а вовсе не второй, как обычно утверждало большинство независимых обозревателей.

— Здравствуйте, дети!

Незнакомый голос отчетливо напоминал кого-то знакомого. В нем слышалась матриархальная нота. Этот голос раздался, когда экипаж собрался в шлюзе, через который они собирались выйти на поверхность планеты.

Члены экипажа поглядели друг на друга с недоумением.

— Это компьютер, – объяснил Зафод. – Я нашел у него аварийную запасную личность и подумал, что она, может быть, будет посимпатичнее.

— Сегодня – ваш первый день на новой, незнакомой планете, – продолжал новый голос Эдди. – Проверьте, чтобы у всех были как следует завязаны шарфики и застегнуты курточки. И никаких игр с нематыми зубастыми чудовищами!

Зафод нетерпеливо постучал по крышке люка.

— Прости, – сказал он, – но по-моему тебя попросили открыть шлюз.

— Вот как? – переспросил компьютер. – Кто это сказал?

— Компьютер, блин, ты откроешь шлюз или нет? – повторил Зафод, стараясь не раздражаться.

— Не открою, пока тот, кто это сказал, не попросит прощения, – потребовал компьютер.

— Ох, блин, – пробормотал Форд, прислонившись к переборке и принялся считать до десяти. Он очень боялся, что в один прекрасный день одушевленные объекты разучатся это делать. Только при помощи счета люди могут продемонстрировать свою независимость от компьютеров.

— Ну, так что? – строго сказал Эдди.

— Компьютер... – начал Зафод.

— Я жду, – оборвал его Эдди. – Я могу ждать хоть целый день.

— Компьютер, – снова начал Зафод. Он попытался было придумать какую-нибудь тонкую логическую уловку, с помощью которой можно было бы уделать компьютер, но в конце концов решил не сражаться с ним на его территории. – Компьютер! Если ты сейчас же не откроешь шлюз, я залезу в твои главные банки данных и перепрограммирую тебя очень большим гаечным ключом. Ты понял?

Шокированный Эдди молчал.

Форд тихо продолжал считать вслух. Это самое сильное оскорбление, какое только может нанести компьютеру человек. Все равно что подойти к кому-нибудь и начать тихо повторять “сволочь... сволочь... сволочь...”

Наконец, Эдди промолвил:

— Я вижу, что нам всем еще предстоит как следует поработать над нашим поведением, – и шлюз открылся.

Ледяной ветер пробрал путешественников до костей. Они поежились и шагнули с трапа на серую пыль Магратей.

— Все это кончится слезами, попомните мои слова, – крикнул вдогонку Эдди и закрыл шлюз.

Через несколько минут компьютер снова открыл и закрыл шлюз, повинуясь приказу, который застал его совершенно врасплох.

Пять фигур брели по унылому пейзажу, местами безрадостно серому, местами безрадостно бурому, а на остальное и вовсе не стоило смотреть. Местность походила на покрытое дюймовым слоем пыли осушенное болото, вся растительность на котором вымерла. Было очень холодно.

Зафод был явно несколько подавлен всем этим. Он замкнулся в себе, а вскоре исчез из виду за небольшим бугорком на почве.

Ветер обжигал холодом глаза и уши Артура, а затхлый разреженный воздух першил в его горле. Но глаза его горели по другой причине:

— Это же фантастика! — сказал он и не узнал собственного голоса. Здешний разреженный воздух плохо передавал звук.

— Скверная дыра, как по мне, — ответил Форд. — Приятнее в кошачьем дерьме копаться.

Фордом овладело привычное утреннее раздражение. После пятнадцати лет сидения взаперти, из всех планет во всех звездных системах всей Галактики надо же было очутиться именно в этом пыльном углу! Хоть бы один ларек с хот-догами! Форд нагнулся и поскреб холодную пыль, но и под ней не нашел ничего, что стоило бы проделанной тысячи световых лет.

— Да нет, — настаивал Артур, — ты не понимаешь. Я же впервые в жизни на самом деле иду по поверхности другой планеты! Чужого мира! Жаль, конечно, что он такой, э-э... никакой.

Триллиан поежилась и нахмурилась. Она могла поклясться, что только что заметила краем глаза какое-то быстрое движение, но, повернувшись в ту сторону, она увидела лишь корабль, холодный и неподвижный, стоящий в сотне метров за спиной.

У нее отлегло от сердца, когда через секунду-другую они снова увидели Зафода, стоявшего на вершине бугорка и махавшего им рукой.

Казалось, он чем-то очень взволнован, но они не разбирали, что он кричал им, из-за ветра и разреженности атмосферы.

Приблизившись к бугорку, они увидели, что это почти круглый по форме невысокий вал, окружающий кратер диаметром метров в полтора. Вокруг кратера земля была забрызгана черным и красным месивом. Они остановились и потрогали кусочек. Он был сырым и резиновым на ощупь.

С некоторым ужасом они вдруг поняли, что это свежая китятина.

На краю кратера они встретили Зафода.

— Смотрите! — призвал он, показывая вниз.

Внизу посреди воронки лежали развороченные останки одинокого кашалота, который прожил слишком мало, чтобы успеть разочароваться в своей судьбе. Тишину нарушали только тихие невольные спазмы в горле Триллиан.

— Я думаю, надо его похоронить?.. – пробормотал Артур и тут же пожалел о поданной идее.

— За мной! – скомандовал Зафод и начал спускаться в кратер.

— Что, туда? – переспросила Триллиан с глубоким отвращением.

— Туда! – подтвердил Зафод. – Вперед! Я вам кое-что покажу.

— Да мы уж видим, – сказала Триллиан.

— Да не это! – сказал Зафод. – Кое-что другое. За мной!

Никто не тронулся с места.

— Идемте! – позвал Зафод. – Я нашел вход!

— Во что? – ужаснулся Артур.

— Вовнутрь планеты! Подземный коридор. Падение кита вскрыло его, и мы можем туда забраться. Туда, где не ступала нога человека последние пять миллионов лет! В глубины времени!

Марвин снова начал иронически бурчать себе под нос. Форд стукнул его, и тот умолк.

С содроганием члены экипажа последовали за Зафодом вниз по склону воронки, изо всех сил стараясь не смотреть на ее несчастного создателя.

— Жизнь! – сказал Марвин скорбно. – Ты можешь презирать ее, ты можешь ее игнорировать; но любить ее невозможно.

В том месте, куда упал кит, земля обвалилась, обнажив сеть коридоров и переходов, по большей части заваленных щебнем и внутренностями. Зафод начал было расчищать проход внутрь, но Марвин справился с этим гораздо быстрее. Спертый воздух вырвался из темных глубин, а когда Зафод зажег факел, пыльный мрак рассеялся, но ненадолго.

— По легенде, – сказал Зафод, – магратеяне большую часть своей жизни проводили под землей.

— Почему? – спросил Артур. – Из-за перенаселения или экологии?

— Нет, не думаю, – ответил Зафод. – Мне кажется, им просто не нравилось наверху.

— Ты уверен, что знаешь, что делаешь? – спросила Триллиан, с тревогой вглядываясь в темноту. – Один раз на нас уже напали.

— Детка, я тебе отвечаю, что живое население этой планеты равняется нулю плюс четверо нас. Так что – не надо вот этого. Полезли. Эй, землянин!

— Артур, – напомнил Артур.

— Ну, да. Ты не мог бы типа взять себе этого робота и посторожить выход из подземелья? Договорились?

— Посторожить? – переспросил Артур. – От кого? Ты же сказал, что здесь никого нет.

— Ну, так, на всякий случай, – сказал Зафод. – Для спокойствия.

— Чьего спокойствия, моего или вашего?

— Молодец, соображаешь! Ну, мы пошли.

Зафод вошел в коридор, Триллиан и Форд последовали за ним.

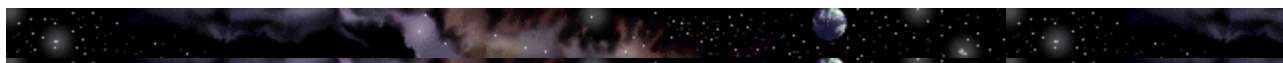
— Желаю вам отвратительно провести время, – проворчал Артур.

— Не беспокойся, – заверил его Марвин, – по-другому и быть не может.

Через пару секунд троица исчезла из виду.

Артур сердито потоптался немного, но тут же решил, что могила кита – не самое подходящее место, чтобы топтаться в нем.

Марвин горестно взирал на него некоторое время, а потом выключился.

Зафод бодро шел по коридору – страшно нервничая, но стараясь скрывать нервозность за целеустремленностью. Он помахал туда-сюда факелом. Стены были облицованы темным кафелем и на ощупь оказались холодными. Воздух был спертый и затхлый.

— Ну, что я вам говорил! – сказал Зафод. – Необитаемая планета. Магратея! – И Зафод решительно зашагал по грязи и мусору, покрывавшему кафельный пол.

Триллиан коридор неотвязно напоминал лондонскую подземку, только чуть более ухоженную.

На равных расстояниях в кафель стены были вделаны большие мозаичные панно – незадействованные диагональные узоры ярких цветов. Триллиан остановилась и долго разглядывала один из них, но не смогла понять ничего. Она подозвала Зафода.

— Слушай, как ты думаешь, что это? Похоже на какие-то символы?

— Лично я думаю, что это символы какие-то, – ответил Зафод, едва повернув голову. Триллиан пожала плечами и поспешила за ним.

Время от времени попадались двери, ведущие то налево, то направо, в небольшие комнаты, забытые, как обнаружил Форд, древним компьютерным оборудованием. Форд затащил Зафода в одну из комнат поглядеть. Триллиан вошла за ними следом.

— Слушай, – сказал Форд. – Ты говоришь, что это Магратея...

— Ну, да, – сказал Зафод. – Да мы же сами слышали голос!

— Хорошо, допустим, я согласен, что это Магратея – допустим. Но ты до сих пор ни словечка не сказал о том, как, галактион тебя возьми, ты ее нашел? Уж наверно не в "Желтых страницах"?

— Размышления. Правительственные архивы. Частное расследование. Несколько догадок. Легко.

— А потом ты угнал "Золотое сердце", чтобы попасть сюда и поискать, так?

— Ну, я угнал его, чтобы поискать много чего...

— Много чего? – удивился Форд. – Как например?

— Ну, уж этого я не знаю.

— Как это?

— Ну, так. Я не знаю, что я ищу.

— Почему?

— Потому что... потому что... Я так думаю, потому, что если бы я это знал, я бы не смог его найти.

— Слушай, у тебя с головой все в порядке?

— Может быть, и нет, – сказал Зафод спокойно. – Полностью не исключено. Все, что я про себя знаю, так это то, что мои мозги могут работать в таком состоянии, как сейчас. А вот состояние их сейчас не самое лучшее.

Долгое время никто не произносил ни слова. Форд смотрел на Зафода озабоченным взглядом.

— Слушай, старик, если тебе нужно... – начал было Форд.

— Да не, погоди. Я тебе кое-что расскажу, – сказал Зафод. – Я вообще легок на подъем. Стукнет что-нибудь в голову, и – а что? а почему нет? – и я это делаю. Я захотел стать президентом Галактики – и стал. Запросто. Я решил угнать этот корабль. Я решил найти Магратею – и так оно и вышло. То есть, конечно, я придумываю, как бы это сделать получше, это да – но все всегда получается само собой. Это как если бы твоя галактиккредитка всегда работала, хотя ты не кладешь на нее ни одного чека. Кроме того, как только я останавливаюсь и начинаю думать, почему это мне хочется что-то сделать, да как это я придумал, как его сделать, как я сразу же испытываю мощный позыв перестать об этом думать. Вот как сейчас. Вот прямо сейчас мне очень трудно говорить об этом.

Зафод помолчал. Некоторое время в комнате стояла тишина. Затем он нахмурился и продолжил:

— Прошлой ночью я как раз снова об этом задумался. О том, что какая-то часть моих мозгов работает не так, как надо бы. И тогда мне пришло в голову, что, похоже, кто-то использует мой ум, чтобы добывать классные идеи без моего ведома. Я сопоставил эти две мысли и решил, что, может быть, кто-то заблокировал часть моего мозга – как раз затем, чтобы его доить, и поэтому я не могу ею пользоваться. Я подумал – нельзя ли это как-нибудь проверить? Пошел в корабельный лазарет и подключился к энцефалографу. Я прошел все основные тесты на обеих головах – все тесты, которые я проходил у правительственных врачей, чтобы стать президентом. Тесты ничего не дали. Ничего неожиданного, по крайней мере. Они показали, что я умный, наделен воображением, безответственный, ненадежный, общительный... Ничего такого, что мы бы сами не знали. И никаких других отклонений. Тогда я стал изобретать тесты сам, совершенно от балды. Тоже ничего. Тогда я попробовал наложить результаты тестов с одной головы на результаты с другой головы. Тоже ничего. В конце концов меня все это достало, и я решил, что это просто приступ паранойи. Наконец, прежде, чем встать и уйти, я взял наложение результатов и посмотрел на него через зеленый фильтр. Помнишь, в молодости я всегда как-то по-особому относился к зеленому цвету. Я же

хотел стать пилотом на торговом разведчике, помнишь?

Форд кивнул.

— Вот тут-то оно и выплыло, — сказал Зафод. — Ясно, как день. Целые зоны в центре обоих мозгов, которые связаны только друг с другом, и больше ни с чем. Какие-то сволочи прижгли все синапсы и обработали эти два куска подкорки электроникой.

Форд смотрел на Зафода, раскрыв рот. Триллиан побледнела.

— Тебя обработали... — прошептал Форд.

— Ага.

— И ты имеешь хоть какое-нибудь представление, кто? И зачем?

— Зачем — это я могу только догадываться. Но я знаю, кто был этот гад.

— Знаешь? Откуда?

— Он выжег на синапсах свои инициалы. Чтобы я знал.

От ужаса по спине Форда поползли мурашки.

— Инициалы? Кто-то прожег свои инициалы в твоём мозгу?

— Ага.

— И что за инициалы? Говори, не мучь!

Зафод молча оглядел своих спутников. Затем он отвернулся к стене.

— “З.Б.” — ответил он.

В этот миг стальная дверь захлопнулась за ними, и комната стала наполняться газом.

— Остальное расскажу потом, — прохрипел Зафод, и все трое попадали без чувств.

XXI

Артур задумчиво бродил по поверхности Магратеи.

Форд предусмотрительно оставил ему свой экземпляр "Путеводителя вольного путешественника по Галактике", чтобы тот не скучал в карауле. Артур нажал наугад несколько кнопок.

"Путеводитель вольного путешественника по Галактике" – книга, редактируемая весьма нерегулярным образом. В ней содержится множество глав, включенных в очередное издание только потому, что тогдашнему редактору это показалось недурной идеей.

Одна из них – та, на которую наткнулся Артур – рассказывает о судьбе некоего Вита Вуячича, тихого студента Максимегалонского университета, подававшего надежды в палеофилологии, трансгуманистической этике и волново-гармонической теории исторической перцепции.

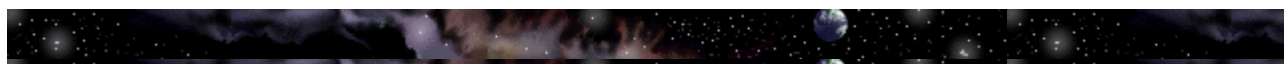
Однажды, после ночи, проведенной за пангалактик-горлодером с Зафодом Библброксом, этот студент вдруг заинтересовался вопросом: а куда делись все те ручки, которые он покупал в течение нескольких последних лет? После долгих и кропотливых исследований, в ходе которых Вит Вуячич посетил все ведущие бюро находок в галактике, ученый выдвинул теорию, которая некоторое время занимала умы в обществе.

Где-то в космосе, гласила эта теория, наряду с планетами, населенными гуманоидами, рептилоидами, осетроидами, шагающими баобабоидами и сверхразумными оттенками синего цвета, существует также планета, населенная исключительно шариковоручкоидными формами жизни. На эту-то планету и попадают потерявшиеся ручки, тихо проскальзывая через дыры в пространстве в мир, где, как все они знают, можно вести свой собственный уникальный шариково-ручковый образ жизни в полной гармонии со своей шариково-ручковой природой и наслаждаться жизнью так, как это умеют делать только шариковые ручки.

И все это было вполне хорошо и славно в теории, пока в один прекрасный день Вит Вуячич не заявил, что нашел эту планету и даже работал там шофером у семьи недорогих зеленых фломастеров. После этого его принудительно госпитализировали, в лечебнице он написал книгу и в конце концов был вынужден скрываться от налогов – обычная участь тех, кто решается нагло валять дурака перед широкой общественностью.

Когда однажды в координаты, указанные Вуячичем, отправили специальную экспедицию, она обнаружила только маленький астероид, на котором жил одинокий старик, постоянно повторявший, что все неправда, но впоследствии выяснилось, что он лгал.

Все это, однако, не объясняет ежегодные 60 000 альтаирских долларов на счету Вуячича в брантисвоганском банке и весьма прибыльный бизнес Зафода Библбркса по скупке использованных шариковых ручек.

На этом Артур отложил книгу.

Робот по-прежнему сидел рядом, совершенно неподвижный.

Артур встал и поднялся на край кратера. Он прогулялся вокруг кратера. Он осмотрел величественный закат двух солнц над Магратеей. Он спустился в кратер. Он разбудил робота, потому что лучше уж общаться с маниакально-депрессивным роботом, чем не общаться ни с кем.

— Вечереет, – сказал он. – Смотри, робот – звезды зажглись.

Из центра темной туманности видны лишь немногие звезды, да и те очень слабо, но все же видны.

Робот послушно поглядел на них и отвернулся.

— Так я и думал, – сказал он. – Жалкое зрелище, не так ли?

— Да, но каков закат! Я и во сне не видывал ничего подобного! Два солнца! Словно горы огня плавают в черном космосе...

— Я видел, – сказал Марвин. – Халтура.

— У меня дома было только одно солнце, – вздохнул Артур. – Я – с планеты, которая называлась Земля, я не говорил?

— Говорил, – ответил Марвин. – Ты все время об этом говоришь. Название не блещет оригинальностью.

— Но это была прекрасная планета!

— Там были океаны?

— О, да! – снова вздохнул Артур. – Огромные, бескрайние синие океаны...

— Терпеть не могу океаны, – сказал Марвин.

— Скажи мне, – спросил Артур, – а как у тебя с другими роботами?

— Ненавижу их, – ответил Марвин. – Куда ты собрался?

Артур не мог больше выносить этого. Он снова встал.

— Я, пожалуй, пойду, еще пройду, – промолвил он.

— Понимаю. Я тебя ни в чем не виню, – сказал Марвин, сосчитал пятьсот девяносто семь тысяч миллионов овец, после чего – через секунду – снова заснул.

Артур похлопал себя по бокам, чтобы кровообращение вспомнило о своем существовании, и зашагал вверх по склону кратера.

Из-за того, что атмосфера была слишком разреженной, а также из-за того, что в небе не было луны, стемнело очень быстро, и ночь оказалась очень темной. Поэтому Артур едва не столкнулся со стариком прежде, чем заметил его.

XXII

Он стоял спиной к Артуру, глядя, как последние отсветы зари тонут в черноте за горизонтом. Старик был высок, сухощав, и одет он был лишь в длинную черную тунику. Когда он обернулся, лицо его оказалось тонким и благородным, строгим, но не лишенным доброты – лицо человека, которому вы охотно доверили бы вести свой банковский счет. Но он еще не обернулся – даже на артуров невольный возглас удивления.

Наконец, последние лучи солнца исчезли окончательно, и тогда он обернулся. Лицо его все еще было освещено каким-то светом, и когда Артур оглянулся в поисках источника этого света, он увидел, что в нескольких метрах сзади него стоит небольшая машина непонятного устройства – вездеход на воздушной подушке, догадался Артур. Аппарат слабо освещал поверхность планеты вокруг себя.

Старец посмотрел на Артура – как показалось тому, с некоторой печалью.

— Вы выбрали весьма прохладную ночь для посещения нашей мертвой планеты, – сказал он.

— Кто... кто вы? – выговорил Артур.

Старец посмотрел в сторону. Артур увидел на его лице тень печали.

— Мое имя не имеет значения, – сказал он.

У старика явно было что-то на уме – продолжать разговор он нисколько не торопился. Артуру стало немного не по себе.

— А... э-э... как вы меня напугали, – сказал он.

Старец снова посмотрел в сторону и чуть-чуть приподнял бровь:

— Простите?

— Я говорю, вы меня напугали.

— Не бойтесь. Я не причиню вам вреда.

— Но вы по нам стреляли! Ракетами! – воскликнул Артур.

Старик хмыкнул.

— Автоматика, – сказал он и чуть слышно вздохнул. – Тысячелетия тьмы миг за мигom отсчитывают процессоры древних компьютеров, выстроившихся в недрах планеты, и века тяжким грузом ложатся на их банки памяти. Возможно, иногда они забавляются стрельбой, чтобы разнообразить свое существование.

Старец посмотрел на Артура со значением и сказал:

— Я – большой поклонник науки.

— А... э-э... правда? – переспросил Артур, которого старомодная и учтивая речь старика несколько выбивала из колеи.

— О, да, – сказал старец и снова умолк.

— Э-э... – начал было Артур, – Но...

У Артура появилось странное ощущение – как если бы он лежал в постели с чужой женой, и внезапно в комнату вошел ее муж, передел брюки, бросил несколько незначительных фраз о погоде и снова ушел.

— Похоже, вам несколько не по себе, – заметил старец с вежливой озабоченностью в голосе.

— Э-э, нет, но... вообще говоря, да. Понимаете, мы не ожидали здесь никого найти. Я представлял себе примерно так, что вы все как бы мертвы...

— Мертвы? – повторил старец. – Хвала небу, нет. Мы просто спали.

— Спали? – неуверенно переспросил Артур.

— Именно. На протяжении всей, скажем так, экономической рецессии, – ответил старец, явно не беспокоясь тем, понял ли Артур хоть слово из того, о чем он говорит, или нет.

— Экономической рецессии?

— Видите ли, пять миллионов лет назад экономика Галактики претерпевала, если хотите, кризис, и, видя, что планеты на заказ становятся предметом, скажем так, недоступной роскоши... – Старец остановился и поглядел на Артура. – Мы строили планеты, – сказал он торжественно, – это вам известно?

— Ну да, – ответил Артур. – Я примерно представлял себе...

— Увлекательное занятие! – продолжил старик, и на лице его появилось мечтательное выражение. – Более всего я любил создавать побережья. Фьорды доставляли мне безграничное наслаждение... В общем, так или иначе, – он с некоторым трудом подхватил нить, – наступил спад, и мы решили, что сэкономим, скажем так, массу нервов и сил, если просто проспим его. И мы запрограммировали компьютеры разбудить нас, когда все кончится.

Старик подавил едва заметный зевок и продолжал:

— Мы связали компьютеры с индексом цен на галактической бирже, и они должны были разбудить нас, когда кто-нибудь восстановит экономику до такой степени, что люди смогут позволить себе наши довольно дорогостоящие услуги.

Артур, постоянный читатель "Гардиана", был глубоко шокирован этим рассказом:

— Довольно некрасивое поведение, вы не находите? – сказал он.

— Вы так считаете? – мягко спросил старец. – Я не знаю. Я несколько отстал от жизни.

Он указал на кратер:

— Это ваш робот? – спросил он.

— Нет, – донесся из кратера металлический голос, – я свой собственный.

— Если это можно назвать роботом, – пробормотал Артур. – Это, скорее, электронно-разозлительная машина.

— Приведите его сюда, – велел старец, и Артура слегка удивили властные нотки, внезапно появившиеся в его голосе. Он позвал Марвина, и тот вскарабкался по склону, отчаянно

хромая на обе ноги, которые были в полном порядке.

— Впрочем, по размышлении, — продолжил старец, — оставьте его здесь. Вы же отправитесь со мной. Нас ждут великие дела, — и старец повернулся к своей машине, которая безо всякого видимого сигнала тихо поплыла в темноте навстречу им.

Артур обернулся на Марвина, который со столь же хорошо заметным трудом развернулся и заковылял вниз по склону кратера, бормоча себе под нос горестные никчемности.

— Идемте, — позвал старец, — идемте, не то будет поздно.

— Поздно? — переспросил Артур. — Почему?

— Как ваше имя, человек?

— Дент. Артур Дент, — ответил Артур.

— Поздно, Дентартурдент — потому что поздно, — строго сказал старец. — Это, если хотите, угроза. — Его усталые стариковские глаза снова затуманились. — Самому мне они никогда особенно не удавались, но я слышал, что они могут быть весьма эффективны.

Артур вытаращил глаза.

— Экий экстраординарный тип, — пробормотал он себе под нос.

— Прошу прощения?

— Ничего-ничего, пожалуйста. — Артур начал раздражаться. — Так куда мы идем?

— В мою авиетку, — сказал старец, жестом пригласив Артура внутрь машины, беззвучно остановившейся рядом с ними. — Мы отправимся глубоко в недра планеты, где в эти самые минуты наш народ просыпается от пятимиллионного сна. Магратея пробуждается!

Артур невольно поежился, усаживаясь рядом со старцем. Необычайность всего происходящего и беззвучный полет машины, взмывшей в ночное небо, совершенно выбили его из колеи. Он посмотрел на старца, слабо освещенного тусклыми огоньками на приборной доске.

— Простите, — спросил он его, — а все-таки как вас зовут?

— Меня зовут... — промолвил старик, и знакомая уже печаль снова появилась в его взоре. Он помолчал. — Меня зовут... — сказал он, наконец, — Старпердуппель.

Артур поперхнулся:

— Прошу прощения? — выдавил он.

— Старпердуппель, — тихо повторил старик.

— Старпердуппель?

Старик мрачно глянул на него:

— Я говорил, это не имеет значения, — сказал он.

Авиетка унеслась в ночную тьму.

XXIII

Широко известно – и чрезвычайно важно – что все не всегда обстоит так, как кажется. Например, на планете Земля люди всегда считали себя разумнее, чем дельфины, потому что люди сотворили так много всего – колесо, Нью-Йорк, войны и т.п. – в то время как дельфины все это время лишь кувыркались в воде и наслаждались жизнью. Напротив, дельфины всегда были уверены, что они гораздо разумнее людей – по тем же самым соображениям.

Любопытно, что дельфины давно уже знали о надвигающейся гибели планеты Земля и предприняли множество попыток сообщить об опасности людям; но большинство их посланий приняли за потешные попытки играть в волейбол или свистеть в свистки за награду в виде мелкой рыбешки, и поэтому дельфины вскоре оставили эту затею и незадолго до прибытия вогонов покинули Землю самостоятельно.

Последнее послание дельфинов было принято за необычайно сложный двойной кувырок назад через обруч с одновременным высвистыванием “Звездно-полосатого стяга”; на самом же деле послание означало: «Пока, и спасибо за рыбу».

В действительности, только один вид существ на этой планете был разумнее, чем дельфины, и эти существа большую часть своего времени проводили в лабораториях по исследованию поведения, крутясь, как белка в колесе, и проводя головокружительно элегантные и тонкие эксперименты над людьми. Тот факт, что люди и на этот раз совершенно превратно истолковали эти отношения, находился в полном согласии с планами этих существ.

XXIV

Авиетка беззвучно рассекала холодный мрак – единственная светящаяся точка, бесконечно одинокая в черной ночи Магратеи. Неслась она очень быстро. Спутник Артура, казалось, полностью ушел в свои мысли. Пару раз Артур попытался возобновить беседу со старцем, но тот лишь спрашивал, удобно ли Артуру, и не поддерживал разговор.

Артур попытался оценить скорость, с которой они летели, но окружающая их чернота была кромешной и никаких точек отсчета ему не давала. Ощущение полета было таким слабым, что с трудом можно было поверить, что машина вообще движется.

Затем далеко впереди появилась искорка света и за несколько секунд выросла в размере настолько, что Артур понял, с какой колоссальной скоростью она приближается к ним. Он попробовал представить себе, что это может быть за аппарат. Артур смотрел на свет, но не мог различить очертаний. Затем он невольно ахнул от ужаса: авиетка резко спикировала и понеслась вниз на источник света, как будто пошла на таран. Взаимная скорость сближения была невероятной, и Артур не успел бы даже охнуть, как все уже было бы кончено; следующим, что он осознал, было неистовое серебристое сияние, окружившее его. Артур вывернул шею и увидел маленькую черную точку, исчезающую вдали сзади. Через несколько секунд он понял, что произошло: они нырнули в подземный туннель. Колоссальная скорость сближения была их собственной скоростью по отношению к неподвижному входу в туннель. Невероятно яркий серебряный свет был кольцом ламп вокруг входа в туннель, по которому они теперь неслись, как ядро по стволу пушки, со скоростью приблизительно несколько сотен миль в час.

Артур в ужасе зажмурился.

Через некоторое время, протяженность которого он даже не взялся определить, Артур почувствовал легкое торможение, а еще через некоторое время убедился, что авиетка постепенно замедляется, готовясь к полной остановке.

Артур открыл глаза. Они все еще были в серебристых туннелях, стремительно проносясь сквозь их хитросплетение. Когда авиетка наконец остановилась, они оказались в небольшом продолговатом зале с округлыми стальными стенами. Сюда выходило несколько туннелей, и в дальнем конце зала Артур увидел большое кольцо раздражающего света. Свет раздражал потому, что обманывал глаз: невозможно было сфокусировать зрение на нем и определить, далеко ли он или близко. Артур решил (весьма необоснованно), что это ультрафиолет.

Старпердуппель повернулся и торжественно поглядел на Артура:

— Землянин, – сказал он. – Мы находимся глубоко в сердце Магратеи.

— Откуда вы узнали, что я землянин? – немедленно спросил Артур.

— Это вам станет ясно позже, – мягко ответил старец. – По крайней мере, – добавил он с легким сомнением в голосе, – яснее, чем сейчас.

Старец продолжал:

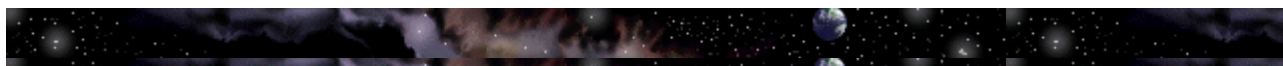
— Должен вас предупредить, что зал, через который мы собираемся проследовать, не находится, собственно говоря, внутри нашей планеты. Он слишком, скажем так, велик. Мы со-

вершим переход через длинный подпространственный коридор. Это может показаться несколько неприятным.

Артур беспокойно заерзал. Старпердуппель поднес палец к кнопке и добавил, ничуть не внушая уверенности:

— Каждый раз мурашки по коже. Держитесь крепче.

Машина рванулась вперед, прямо в круг света, и внезапно Артур со всей ясностью понял, на что похожа бесконечность.

На самом деле, это была не бесконечность. Сама по себе бесконечность выглядит просто и неинтересно. Каждый, кто смотрит в ночное небо, смотрит в бесконечность: расстояния в нем невообразимы, и потому лишены смысла. Зал, в который въехала авиетка, отнюдь не был бесконечным. Он просто был очень-очень большим, и потому производил впечатление бесконечности гораздо более сильное, чем сама бесконечность.

Все чувства Артура развернулись и завернулись обратно, пока авиетка с огромной, как он хорошо знал, скоростью, медленно взмывала ввысь, а туннель, через который они влетели сюда, сделался не больше булавочного укола в сверкающей стене за спиной.

Стена...

Стена эта терзала воображение: она поражала его и уничтожала. Стена была настолько леденяще широкая и высокая, что верх ее, основание и углы или закругления, если они были, невозможно было увидеть. Одно головокружение при взгляде на нее могло вызвать у человека разрыв мозга.

Стена казалась абсолютно плоской. Точнейшие лазерные замеры показали бы, что по мере того, как авиетка поднималась – по всей очевидности, в бесконечность, – вдоль головокружительно уходящей вверх и вниз стены, стена все же загибалась. На самом деле она даже смыкалась на расстоянии в тринадцать световых секунд; другими словами, стена образовывала вогнутую сферу диаметром в три миллиона миль, залитую невообразимым светом.

— Добро пожаловать, – сказал Старпердуппель. Маленькая пылинка-авиетка, летевшая со скоростью, в три раза превышающей скорость звука, незаметно ползла по умуражающему пространству. – Добро пожаловать в главный цех.

Артур глядел по сторонам в восторженном ужасе. Вдалеке, на расстоянии, которое он не мог ни оценить, ни прикинуть, причудливые механизмы, тонкие конструкции из металла и света, нависали над гигантскими сферическими телами, покоившимися в пустоте.

— Вот здесь, – сказал Старпердуппель, – мы обыкновенно и строим, если хотите, наши планеты.

— То есть, – спросил Артур, с трудом выговаривая слова, – вы возвращаетесь к работе?

— Нет. К сожалению, нет, – ответил старец. – Галактика еще далеко не так богата, как этого требует наш бизнес. Нет, нас разбудили для одного единственного внепланового заказа от весьма особых клиентов из другого измерения. Вам это будет небезынтересно. Вон там, впереди, вдалеке.

Артур посмотрел туда, куда указывал палец старика, и вскоре разглядел плавающее в пустоте сооружение, на которое он указывал. Это и вправду было единственное сооружение, вокруг которого можно было заметить какие-то признаки жизнедеятельности, хотя это были скорее смутные ощущения, чем что-то конкретное.

В этот миг вспышка света пронзила сооружение и на мгновение выхватила рельефно и четко контуры, вычерченные изнутри на темной сфере – контуры, которые Артур узнал, бесформенные блямбы, знакомые ему так же хорошо, как структуры слов – часть его собственного сознания. Несколько секунд Артур сидел в немом изумлении: в уме его проносились образы, пытаясь зацепиться за что-нибудь и сложиться во что-нибудь осмысленное.

Часть его ума твердила ему, что он прекрасно знает, на что он смотрит, и что означают эти контуры; другая же часть довольно решительно отказывалась соглашаться с этим и слагала с себя всякую ответственность за дальнейшие мысли в этом направлении.

Последовала новая вспышка, и никаких сомнений не осталось:

— Земля!.. – прошептал Артур.

— Ну, если быть точным, Земля дубль два, – торжественно подтвердил Старпердуппель. – Мы строим новый экземпляр по тем же чертежам.

Повисла пауза.

— Вы хотите сказать, – осторожно, следя за собой, проговорил Артур, – что это вы... построили Землю?

— Совершенно верно, – подтвердил Старпердуппель. – Вы бывали когда-нибудь в местечке... кажется, его называли потом Норвегия?

— Нет, – ответил Артур, – ни разу.

— Жаль, – сказал Старпердуппель. – Это был мой участок. Получил приз, знаете ли. Восхитительные береговые линии. Я был так расстроен, узнав, что все погибло.

— Расстроен?!

— Невероятно расстроен. И, главное, всего еще каких-нибудь пять минут, и это уже не имело бы никакого значения! Такая неприятная неожиданность. Мыши были в бешенстве.

— Кто был в бешенстве? Мыши??? – раскрыл рот Артур.

— Мыши, – спокойно подтвердил старец.

— Ну, конечно, как и собаки, и кошки, и утконосы, но только...

— Но только мыши, как бы это так сказать... Мыши за все это заплатили.

— Послушайте, – сказал Артур. – Вам доставит удовольствие, если я просто рехнусь прямо сейчас, вот здесь?

Некоторое время авиетка летела в неловком молчании. Затем старик терпеливо принялся объяснять.

— Дорогой землянин! Планета, на которой вы жили, была заказана, оплачена и управлялась мышами. Ее уничтожили за пять минут до того, как цель ее создания была бы достигну-

та. И поэтому нам придется построить еще одну.

В сознании Артура запечатлелось только одно слово:

— Мышами? – переспросил он.

— Совершенно верно, дорогой землянин.

— Я извиняюсь: вы говорите о маленьких белых и пушистых зверьках с фиксацией на сыре, от которых в дурацких комедиях начала шестидесятых женщины вскакивали на табуретки?

Старпердуппель вежливо кашлянул:

— Землянин, – сказал он, – мне порою нелегко следовать за вашей речью. Не забывайте, что я проспал пять миллионов лет в недрах этой планеты, и мало знаю о началах, шестидесятых и комедиях, про которые вы говорите. Существа, которых вы назвали мышами, не таковы, какими кажутся. Это лишь проекция на наше измерение огромных сверхразумных мультимерных существ. Все, что касается сыра и писка – лишь видимость.

Старец помолчал и с сочувственной улыбкой добавил:

— Полагаю, они ставили на вас эксперименты.

Артур задумался на секунду, и лицо его прояснилось:

— Да нет же, – сказал он, – Теперь понятно: вы ошибаетесь. На самом деле это мы ставили на них эксперименты. Их часто использовали для исследования поведения... инстинктов... там, Павлов... и так далее. Мыши выполняли разные задания, их учили звонить в звонок, бегать по лабиринтам и тому подобное – чтобы понять природу процесса обучения. Наблюдения за ними многое объяснили нам о нашем собственном...

Артур не договорил.

— Тонкость, – сказал Старпердуппель, – вызывающая восхищение. Насколько удобнее скрывать свою подлинную природу и насколько проще управлять вашим мышлением! Тут побежишь не тем путем по лабиринту, там съешь не тот кусок сыра, здесь ни с того ни с сего умрешь от миксоматоза... Точный расчет – и гигантское воздействие!

Он выдержал эффектную паузу.

— Это, землянин, если хотите, действительно исключительно сверхразумные мультимерные существа. Ваша планета и ее население были матрицей биокomпьютера, десять миллионов лет выполнявшего исследовательскую программу... Позвольте, я расскажу вам всю предысторию. Это не займет много времени.

— Со временем, – промолвил Артур мрачно, – у меня сейчас проблем нет.

XXV

Общеизвестно, что жизнь ставит перед людьми множество вопросов. Наиболее популярны среди них следующие: “Зачем мы рождаемся?” “Почему мы умираем?” и “Ради чего в промежутке между этими событиями мы тратим столько времени на свои электронные часы?”

Много-много миллионов лет назад одной расе сверхразумных мультимерных существ (чьи физические проекции в их собственной мультимерной вселенной были чем-то похожи на нас) так надоело постоянно задумываться о смысле жизни, то и дело отрываясь ради этого от своего любимого занятия – бругиянского^{viii} ультракрикета, забавной игры, в которой требуется внезапно ударить человека безо всякой видимой причины и быстро убежать – что существа эти собрались взять, да и решить свои проблемы раз и навсегда.

Для этого они построили себе немыслимый суперкомпьютер, который был столь поразительно умен, что еще до того, как к нему подсоединили банки данных, он из “я мыслю, следовательно, существую” логически вывел рисовый пудинг и подоходный налог, пока его не догадались выключить.

Эта машина была размером с небольшой город.

Ее терминал стоял в специально оборудованном зале на огромном столе ультракрасного дерева, обитом инфрочерной кожей. Зал устилал роскошный ковер, на стенах висели кашпо с экзотическими комнатными растениями и семейные портреты старших программистов в массивных рамах темной позолоты. Высокие стрельчатые окна выходили на площадь, обсаженную тенистыми деревьями.

В день Великого Включения двое прилично одетых программистов с чемоданчиками в руках подошли к офису и после короткой процедуры были допущены внутрь. Они знали, что сегодняшний день станет величайшим днем для всей их планеты, но вели себя спокойно и с достоинством. Они почтительно уселись за стол, раскрыли свои чемоданчики и достали оттуда свои записные книжки в бархатных переплетах с золотым тиснением.

Имена их были Йелдаак и Фуцк.

Некоторое время они посидели в торжественной тишине, а затем, обменявшись взглядами с Фуцком, Йелдаак потянулся вперед и дотронулся до маленькой черной панели.

По едва слышному гудению он поняли, что огромная машина заработала. Через некоторое время она заговорила с ними глубоким и зычным голосом. Она сказала:

— Какова задача, ради которой я, Глубокая Дума^{ix}, второй величайший компьютер во Вселенной времени и пространства, была вызвана к жизни?

Йелдаак и Фуцк поглядели друг на друга с удивлением.

— Твоя задача, о машина... – начал было Фуцк.

— Нет, погодите-ка! Тут какая-то ошибка! – перебил встревоженный Йелдаак. – Мы ведь строили этот компьютер как мощнейший из всех, какие есть или когда-либо были! С какой стати вдруг второй? Глубокая Дума, – обратился он к машине, – разве ты не величайший по вычислительной мощности компьютер всех времен и народов, каким мы тебя создали?

— Я назвалась второй, – промолвила Глубокая Дума, – и такова есмь.

Программисты обменялись еще одним встревоженным взглядом. Йелдаак прокашлялся.

— Как же так? – спросил он. – Разве ты не мощнее, чем ГаргантюУм-Миллиард, способный пересчитать все атомы любой звезды за одну миллисекунду?

— ГаргантюУм-Миллиард? – переспросила Глубокая Дума с нескрываемым презрением. – Жалкий арифмометр. Не о чем говорить.

— А разве ты, – спросил Фуцк, подаваясь вперед, – не способнее в анализе, чем Гугол-кратный Звездный Мыслитель в Седьмой Галактике Просветленной Гениальности, который может рассчитать траекторию каждой пылинки в пятимесячной пыльной буре на Данграбаде-Бета?

— Пятимесячная пыльная буря? – заносчиво повторила Дума. – Вы спрашиваете об этом меня – меня, которая рассчитала векторы всех атомов в Большом Взрыве? Оставьте такие задачки для калькуляторов!

Программисты некоторое время сидели в неловком молчании. Затем Йелдаак снова нагнулся к микрофону.

— Но разве ты, – спросил он, – не более неодолима в спорах, чем Великий Гипертрольный Омниэкспертный Нейронный Препиратор с Цицероника-12, Непобедимый и Неутомимый?

— Гипертрольный Омниэкспертный Нейронный Препиратор, – ответила Глубокая Дума, нарочито грассируя, – смог заговорить все четыре ноги арктурианскому мегаослу, – но лишь я смогла после этого убедить его тронуться с места.

— Тогда в чем же проблема? – не выдержал Фуцк.

— Никакой проблемы нет, – ответила Глубокая Дума величавым голосом. – Просто я лишь второй величайший компьютер во Вселенной времени и пространства.

— Но почему второй? – не успокоился Йелдаак. – Почему ты все время говоришь “второй”? Ты ведь не имеешь в виду Мультикортикоидный Яснотронный Титановый Мыслесмеситель? Или Пониматикум... Или...

Презрительные огоньки сверкнули на консоли компьютера:

— Ни одного бита мысли я не потрачу на этих кибернетических глупцов! – прогремела машина. – Я имею в виду не что иное, как тот компьютер, что грядет после меня!

Фуцк начал терять терпение. Он оттолкнул свою записную книжку и пробормотал:

— Что это еще за мессианские замашки!

— Грядущее сокрыто от вас, – промолвила Глубокая Дума, – но я в своих сверхмощных цепях могу пускаться в плавание по бесконечным дельта-потокам вероятностей будущего, и я предвижу, что настанет день и в мир придет компьютер, которому я недостойна даже просчитывать технические характеристики; но который мне самой суждено будет разработать.

Фуцк глубоко вздохнул и посмотрел на Йелдаака.

— Ну, ладно. Будем задавать вопрос? – спросил он.

Йелдаак жестом остановил его.

— Про какой это компьютер ты говоришь? — обратился он к Глубокой Думе.

— О нем я сейчас не скажу ничего, — ответила она. — До поры. Теперь задавайте мне другой вопрос, дабы я могла начать работать. Говорите.

Программисты посмотрели друг на друга и пожали плечами. Фуцк собрался и начал:

— О, Глубокая Дума! — сказал он. — Задача, для выполнения которой мы создали тебя, такова. Мы хотим, чтобы ты дала нам... Ответ!

— Ответ? — переспросила Глубокая Дума. — Ответ на какой вопрос?

— Вопрос жизни! — выпалил Фуцк.

— Вселенной! — подхватил Йелдаак.

— И вообще! — закончили они хором.

Глубокая Дума помолчала с минуту.

— Непросто, — сказала она наконец.

— Но ведь ты это можешь?

Снова повисла многозначительная пауза.

— Да, — ответила Глубокая Дума. — Это я могу.

— Ответ существует? — спросил Фуцк сильным голосом.

— Простой ответ? — добавил Йелдаак.

— Да, — ответила Глубокая Дума. — Жизнь, Вселенная, и Вообще... Ответ существует. Но, — добавила она, — мне придется хорошенько подумать.

В этот миг торжественность момента была вдруг нарушена: дверь распахнулась, и в комнату, раскидывая беспомощных служащих, пытавшихся загородить им дорогу, ворвались два человека в выцветших грубых синих плащах и поясах с эмблемой Запесотского Гуманитарного Университета на пряжках.

— Требуем допустить! — кричал тот из двоих, что был помоложе, целясь локтем в горло хорошенькой молодой секретарше.

— Не имеете права скрывать! — хрипел старший, выкидывая младшего программиста обратно за дверь.

— Требуем признать, что вы не имеете права нас не допустить! — орал молодой, хотя он уже закрепился на позиции внутри зала, и никаких дальнейших попыток выдворить его не делалось.

— Кто вы такие? — спросил Йелдаак, в гневе поднимаясь с кресла. — Что вам надо?

— Я — Тфауматий! — объявил тот, что был постарше.

— А я требую, что я — Эхиоп! — крикнул тот, что был помоложе.

Тфауматий повернулся к Эхиопу:

— Перестань, – сказал он ему сердито, – этого не нужно требовать. Это факт.

— Вот и прекрасно! – крикнул Эхиоп, трахнув кулаком по ближайшему столу. – Я – Эхиоп, и это не требование, а факт! Чего мы требуем, так это фактов!

— Да нет же! – воскликнул в раздражении Тфауматий. – Как раз наоборот!

Едва остановившись, чтобы набрать воздуха, Эхиоп продолжал:

— Мы требуем не фактов! Чего мы требуем, так это полного отсутствия фактов! Я требую признать, что я могу быть, а могу не быть Эхиоп!

— Да что вам тут надо, черт вас дерит? – вышел из себя Фуцк.

— Мы – философы, – сказал Тфауматий.

— А может быть, нет! – сказал Эхиоп, погрозив программистам пальцем.

— Нет, мы философы! – настоял Тфауматий. – Мы со всей определенностью выступаем здесь как представители объединенного профсоюза философов, мудрецов, светил и прочих мыслящих индивидуумов, и мы требуем немедленно выключить эту машину!

— А в чем дело? – спросил Йелдаак.

— Это я сейчас объясню, коллега, – сказал Тфауматий. – Сферы интересов – вот в чем дело.

— Мы требуем признать, – проорал Эхиоп, – что сферы интересов могут быть, а могут не быть тем, в чем дело!

— Дело обстоит вот как, – начал Тфауматий. – Вы со своими машинками складываете единички и нолики, а мы занимаемся вечными истинами, и все довольны, всем спасибо. Хотите, проверьте по налоговой декларации. По закону поиск Истины в Последней Инстанции является неотъемлемой прерогативой специально подготовленных профессиональных мыслителей. А теперь? Какая-то дурацкая машина в один прекрасный день находит эту истину, и что – нам всем отправляться на панель? Прикиньте сами – какой смысл сидеть ночи напролет и спорить о том, чем Бог может быть, а может и не быть, если эта машина наутро просто дает вам номер Его мобильного?

— Вот именно! – крикнул Эхиоп. – Мы требуем четкого определения и разграничения сфер непонятного и неизвестного!

В этот момент в зале раздался громогласный голос:

— Не позволите ли мне поучаствовать в обсуждении? – спросила Глубокая Дума.

— Мы объявим забастовку! – заорал Эхиоп.

— Точно! – согласился Тфауматий. – Вы получите всеобщую забастовку философов!

Гудение, стоявшее в зале, внезапно усилилось: несколько дополнительных басовых сабвуфферов, вмонтированных в успокаивающей формы и способствующей сосредоточению полировки динамики по всему залу, подключились, чтобы придать голосу Думы дополнительную внушительность.

— Я только хотела сказать, – произнесла машина, – что мои цепи уже заняты вычислени-

ем ответа на Самый Главный Вопрос Жизни, Вселенной и Вообще, и остановить это вычисление нельзя. — Машина помолчала и, убедившись, что ей удалось завладеть вниманием присутствующих, продолжила уже тише. — Но выполнение этой программы займет у меня некоторое время.

Фуцк нетерпеливо глянул на часы:

— Сколько? — спросил он.

— Семь с половиной миллионов лет, — ответила Глубокая Дума.

Йелдаак и Фуцк, моргая, поглядели друг на друга:

— Семь с половиной миллионов!.. — воскликнули они хором.

— Да, — подтвердила Глубокая Дума. — Я же сказала, что мне нужно подумать. И мне представляется, что работа такой программы может дать мощный толчок к развитию целой области философии. Каждый из вас выдвинет свою собственную теорию насчет того, какой ответ я со временем дам; и кто же освоит этот рынок лучше, чем вы сами? Пока я работаю, вы можете сколько угодно дискутировать и изничтожать друг друга в престижных журналах, и жизнь прекрасна, не так ли? Как это вам нравится?

Оба философа стояли, раскрыв рты.

— Дьявол меня раздери, — сказал Тфауматий. — Вот это я называю мышлением. Эхиоп, проклятье, почему мы сами никогда до такого не додумываемся?

— Хрен его знает, Тфауматий, — ответил Эхиоп благоговейным шепотом. — Наверно, у нас слишком хорошо натренированные мозги.

С этими словами они развернулись на каблуках и вышли за дверь навстречу жизни, которая не снилась им в их самых удивительных снах.

XXVI

— Да, это очень поучительно, — согласился Артур, когда Старпердуппель пересказал ему эту историю в общих чертах. — Но я по-прежнему не понимаю, какая связь между всем этим и Землей, мышами и прочим?

— Землянин, это лишь начало истории, — сказал старец. — Если вы желаете узнать, что случилось семь с половиной миллионов лет спустя в великий День Ответа, то позвольте пригласить вас в мой кабинет. Там вы получите возможность лично поприсутствовать при тех событиях, заснятых на сенсОграфическую пленку. Если, конечно, вам не хочется побродить по поверхности Земли 2.0. Она, правда, боюсь, покамест закончена лишь наполовину — мы еще не успели даже зарыть скелеты динозавров, после чего надо будет заложить третичный и четвертичный периоды кайнозойской эры, а уж...

— Нет, спасибо, — ответил Артур. — Это будет не совсем то.

— Вы правы, — подтвердил Старпердуппель, — это будет совсем другое, — и он развернул авиетку, направив ее обратно, вниз вдоль ледящей ум стены.

XXVII

В кабинете Старпердуппеля царил беспорядок, похожий на последствия теракта в публичной библиотеке. Войдя, старец поморщился:

— Такая неприятность, — объяснил он. — В одном из компьютеров жизнеобеспечения пробило резистор. Когда мы попытались разбудить уборщиков, оказалось, что они мертвы уже примерно тридцать тысяч лет. Кто будет убирать их трупы — вот что я хотел бы знать! Не могли бы вы сесть вот здесь, и тогда я вас подключу?

Он указал Артуру на кресло, словно бы сделанное из грудной клетки стегозабра.

— Оно сделано из грудной клетки стегозабра, — объяснил старец, выуживая какие-то проводки из-под груд бумаг, кистей и карандашей. — Вот, — сказал он наконец, — возьмите, — и протянул Артуру пару полосатых проводков.

Едва Артур взялся за них, как прямо сквозь него пролетела птица.

Он висел в воздухе и был совершенно невидим себе самому. Под ним раскинулась изящно озелененная городская площадь, а вокруг нее, насколько хватало глаз, высились белые бетонные здания воздушной легкой архитектуры, несколько, правда, обветшавшие с годами — облицовка многих потрескалась и покрылась подтеками от дождей. Сегодня, однако, солнце светило вовсю, свежий ветерок ласкал деревья, а странная иллюзия, будто все здания негромко жужжат, объяснялась, по-видимому, тем, что площадь и все улицы, выходящие к ней, были заполнены радостно возбужденными людьми. Где-то играл оркестр, на ветру развевались разноцветные флаги, и в воздухе витал праздник.

Артур чувствовал себя необыкновенно одиноко, висая в воздухе надо всем и не имея при себе даже тела; но не успел он погрузиться по этому поводу, как над площадью раздался голос, призвавший всех к тишине и вниманию.

Человек, стоящий на красиво убранной трибуне перед зданием, явно доминирующим над всей площадью, обратился к собравшимся через громкоговорители.

— О вы, ждущие под сенью Глубокой Думы! — воззвал он. — Славные потомки Эхиопа и Тфауматия, Величайших и Истинно Прелюбопытнейших Халдеев во всей Вселенной! Время Ожидания подошло к концу!

Толпа разразилась бурным восторгом. Воздух наполнился флажками, свистом и ревом дешевых горнов. Каждая улица стала похожа на тысяченожку, в порыве чувств катающуюся на спине и дрыгающую всеми своими ногами.

— Семь с половиной миллионов лет наш народ ждал этого великого дня — Дня Вероятного Просветления! — воскликнул диктор. — Дня Ответа!

Площадь сотрясло могучее “ура”.

— Отныне никогда, — продолжал диктор, — нам не придется, проснувшись поутру, терзать себя вопросом «Кто я? В чем смысл моей жизни? Изменится ли что-нибудь в космическом плане, если я сегодня не встану и не пойду на работу?» Ибо сегодня мы наконец узнаем раз и навсегда простой и ясный ответ на любой из проклятых вопросов Жизни, Вселенной, и Вообще!

Толпа снова взорвалась аплодисментами и криками ликования. Тут Артур почувствовал, что летит по воздуху вниз к одному из больших и широких окон на первом этаже здания, стоявшего за трибуной, с которой диктор обращался к народу.

На мгновение Артура охватил ужас: примерно секунду или две он пикировал на окно, а затем обнаружил, что прошел сквозь толстое стекло, очевидно, даже не коснувшись его.

В зале никто не обратил никакого внимания на его столь экстравагантное появление, что, впрочем, и неудивительно, если вспомнить, что на самом деле его там не было. До Артура начало доходить, что все это – лишь запись, стереоизображение и стереозвук, упакованные в черный цилиндр фокусника.

Зал был весьма похож на описанный Старпердуппелем. На протяжении семи с половиной миллионов лет за ним ухаживали и примерно раз в сто лет делали влажную уборку. Стол ультракрасного дерева слегка вытерся по краям, потускнел паркет, но большой компьютерный терминал стоял во всей своей красе на обитом кожей столе, яркий и блестящий, словно вчера собранный.

Двое строжайше одетых мужчин сосредоточенно сидели перед терминалом и ждали.

— Пробил наш час, – сказал один из них, и Артур с изумлением увидел, как в воздухе возле шеи человека материализовалось слово “Ильдаг”, помигало пару секунд и снова пропало. Не успел Артур осознать это, как в разговор вступил второй человек, и слово “Фуг” появилось возле его шеи.

— Семьдесят пять тысяч поколений назад наши предки запустили эту программу, – сказал второй человек, – и сегодня мы станем свидетелями того, как компьютер впервые заговорит.

— Жутковатая перспектива, Фуг, – согласился первый, и Артур внезапно понял, что он смотрит запись с субтитрами.

— Мы единственные, – продолжал Фуг, – услышим своими ушами ответ на величайший вопрос Жизни...

— Вселенной... – подхватил Ильдаг.

— И Вообще!

— Ш-ш! – Ильдаг жестом заставил коллегу замолчать. – Кажется, Глубокая Дума собирается говорить!

Несколько мгновений в зале царила тишина, затем панели на передней консоли медленно ожили. На них помигали для пробы огоньки, тотчас же сложившись в деловито перемигивающийся узор. Панель коммуникаций издала тихое гудение.

— Доброе утро, – вымолвила наконец Глубокая Дума.

— Доброе утро, о Глубокая Дума, – ответил Ильдаг, заметно нервничая. – Нашла ли ты... это... ну...

— Ответ на ваш вопрос? – благожелательно помогла ему Глубокая Дума. – Да, нашла.

Программистов затрясло от нетерпения. Ожидание их не было напрасно!

— Ответ существует? – просипел Фуг.

— Существует, – подтвердила Глубокая Дума.

— На все? На величайший вопрос Жизни, Вселенной, и Вообще?

— Да.

Оба ученых всю жизнь готовились к этому моменту. Вся их жизнь была подготовкой к нему. Задолго до рождения они уже были избраны для того, чтобы услышать ответ. Но, несмотря на все это, у них захватывало дух, и мурашки забегали по спинам.

— И ты готова дать его нам? – вымолвил Ильдаг.

— Готова.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Ученые облизали пересохшие губы.

— Хотя мне кажется, – добавила Глубокая Дума, – что он вас не обрадует.

— Ерунда! – воскликнул Фуг. – Нам нужен этот ответ! Здесь и сейчас!

— Прямо вот здесь и сейчас? – переспросила Глубокая Дума.

— Да! Здесь и сейчас же!

— Что ж, – произнесла машина и снова умолкла. Двое ученых заерзали в креслах. Напряжение становилось невыносимым.

— Он вас в самом деле не обрадует, – предостерегла Глубокая Дума.

— Говори!

— Хорошо, – согласилась Глубокая Дума. – Итак, ответ на Самый Главный Вопрос...

— Ну!

— ...Жизни, Вселенной, и Вообще... – продолжала Глубокая Дума.

— Ну!!

Глубокая Дума сделала многозначительную паузу.

— Ну!!!

Пауза затягивалась.

— Ну!!!!!!!

— Сорок два, – закончила Глубокая Дума с бесконечным величием и спокойствием.

XXVIII

Долгое время никто не произносил ни слова.

Краем глаза Фуг видел море напряженно ждущих людей на площади за окном.

— Нас линчуют на месте... — прошептал он.

— На вас была возложена нелегкая обязанность, — подтвердила Глубокая Дума.

— Сорок два? — воскликнул Ильдаг. — И это все, до чего ты додумалась за семь с половиной миллионов лет?

— Я тщательнейшим образом проверила этот ответ, и я уверена в правильности этого ответа. Между нами говоря, я думаю, ваша проблема в том, что вы, в сущности, никогда не знали, в чем заключается вопрос.

— Ну как же! Величайший Вопрос! Самый Главный Вопрос Жизни, Вселенной, и Вообще! — закричал Ильдаг.

— Верно, верно, — согласилась Глубокая Дума голосом человека, который давно свyksя с тупостью окружающих, — и что это за вопрос?

С раскрытыми ртами ученые долго смотрели то на компьютер, то друг на друга.

— Ну... это... Все... Вообще Все. Все вообще... — пробормотал Фуг.

— Вот-вот, — сказала Глубокая Дума. — И как только вы узнаете, в чем заключается вопрос, вы сразу поймете, что означает ответ.

— Вот задница! — воскликнул Фуг, отшвырнув свою записную книжку и смахивая непрошеную слезу.

— Предположим, предположим! — сказал Ильдаг. — А ты знаешь этот Вопрос?

— Самый Главный Вопрос?

— Да.

— Жизни, Вселенной, и Вообще?

— Точно!

Глубокая Дума помолчала с минуту.

— Непросто, — сказала она.

— Но ведь ты это можешь? — с надеждой спросил Ильдаг.

Снова повисла многозначительная пауза.

Наконец, Глубокая Дума твердо сказала:

— Нет.

Оба ученых рухнули в кресла в отчаянии.

— Но я скажу вам, кто может, — продолжила Глубокая Дума.

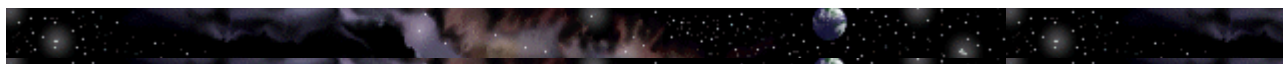
— Кто? Говори! – вскинулись ученые.

Артур внезапно почувствовал, как волосы на его как бы несуществующей голове встали дыбом: его вдруг медленно, но верно понесло вперед, к консоли компьютера; но он тотчас же понял, что это лишь операторский наезд, сделанный по замыслу неведомого режиссера фильма.

— Я имею в виду ту машину, что грядет за мной, – промолвила Глубокая Дума, придав своему голосу знакомый торжественно возвышенный тон. – Машина, самые характеристики которой я недостойна рассчитывать, и которую мне все же суждено разработать. Машину, которая может вычислить Вопрос на Самый Главный Ответ, машину столь бесконечно сложную и мощную, что самая органическая жизнь станет частью ее операционной матрицы. И вы – вы сами! – примете другие обличья и отправитесь в ту машину, дабы осуществить ее десятиллионнолетнюю программу! Воистину, я спроектирую вам эту машину! И я же нареку вам ее имя. Имя же ей будет... Земля!

Фуг, раскрыв рот, глядел на Глубокую Думу.

— Ну и имечко! Ну и брендинг... – сказал он, и тело его разорвала трещина. Ильдаг тоже внезапно покрылся морщинами и язвами, консоль компьютера вспучилась и треснула, стены рассыпались, и комната обрушилась на потолок.

Перед Артуром стоял Старпердупсель, держа в руках два проводка.

— Конец фильма, – объяснил он.

XXIX

— Зафод! Очнись!

— М-м-м-м...?

— Давай, просыпайся!

— Дай мне делать то, что у меня получается, а? – пробормотал Зафод, перевернулся на другой бок и попытался снова заснуть.

— Ты хочешь, чтобы я тебя растолкал? – спросил Форд.

— Тебе это доставит большое удовольствие? – поинтересовался Зафод мрачно.

— Никакого.

— Вот и мне тоже. Так что – чего ради? Оставь меня в покое. – И Зафод свернулся в клубок.

— Он получил двойную дозу газа, – сказала Триллиан, глядя на лежащего Зафода. – Четыре ноздри.

— И не шумите, пожалуйста, – добавил Зафод. – И так я еле заснул. Что случилось с полом? Он такой холодный и жесткий.

— Он золотой, – сказал Форд.

Одним невероятным балетным скачком Зафод взлетел на ноги и оглядел окрестность до самого горизонта – потому что именно дотуда простиралась во все стороны холодная и жесткая поверхность, совершенно гладкая и твердая. Она сверкала, как... Невозможно описать, как что именно она сверкала, потому что ничто во всей Вселенной не сверкает так, как сверкает целая планета из золота 586-ой пробы.

— Откуда здесь все это? – завопил Зафод, выпучив глаза.

— Закати губу, – ответил Форд. – Это всего лишь каталог.

— Кто это?

— Каталог, – сказала Триллиан. – Иллюзия.

— Да быть того не может! – воскликнул Зафод, упав на четвереньки и вглядываясь в почву. Он потыкал в нее и поковырял ногтем. Она была очень тяжелой и мягкой – ее можно было поцарапать. Она была очень желтой, очень блестящей, и если подышать на нее, дыхание испарялось с нее очень медленно и неохотно – так, как может испаряться дыхание только с чистого золота.

— Мы с Триллиан очнулись уже давно, – рассказал Форд. – Мы орали, пока к нам не пришли, а потом орали дальше, пока они нас не накормили, а потом они поставили нам свой каталог планет, чтобы мы не скучали, пока они решат, что с нами делать. Это все сенсО-пленка.

Зафод посмотрел на него с ненавистью.

— Зараза, – сказал он. – Вытащил меня из моего чудесного сна, чтобы показать мне чей-

-то чужой!

Он грузно сел на пол.

— Что там за ущелья? – спросил он, махнув рукой.

— Знак качества, – ответил Форд. – Мы уже смотрели.

— Мы тебя долго не будили, – заметила Триллиан. – На прошлой планете было по колёно рыбы.

— Рыбы?

— На вкус и цвет...

— А позапрошлая, – подхватил Форд – была из платины. Скучновато. Но мы решили, что эта тебе понравится.

Повсюду, куда ни глянь, все сверкало могучим мягким и тяжёлым блеском.

— Красиво, етить, – сказал Зафод.

В небе появился огромный зелёный номер. Он помигал и переменялся, а когда все трое опустили глаза с неба на землю, переменялась и земля.

В один голос все трое сказали: "Йоу!"

Море было пурпурным. Пляж, на котором они сидели, состоял из жёлтых и зелёных кругляшей – вероятно, жутко драгоценного камня. Далекие горы казались мягкими и покачивали багровыми вершинами. Поблизости стоял пляжный столик чистого серебра с атласным зонтиком и серебряными бусинами на бахромё.

Номер, красовавшийся в небе, сменился надписью, которая гласила: "Каковы бы ни были ваши желания, Магратея исполнит их. Мы не гордые".

И пятьсот совершенно обнажённых женщин полетели с неба на парашютах.

Через миг все исчезло, и троица очутилась на весеннем лугу, полном коров.

— Ох, – простонал Зафод. – Болят мои мозги!..

— Хочешь поговорить об этом? – спросил Форд.

— Давай, – согласился Зафод, и все трое сели, не обращая никакого внимания на пейзажи, разворачивавшиеся и сворачивавшиеся вокруг них.

— Я вот что думаю, – начал Зафод. – Все, что сделано с моим мозгом, сделал я сам. И сделал я это так, чтобы никакие тесты правительства этого не обнаружили. И сам я не должен был ничего знать. Шиша, верно?

Оба слушателя согласно кивнули.

— Вот я и думаю: что же это было такое секретное, что никому нельзя было об этом знать, ни Галактическому правительству, ни даже мне самому? А ответ простой: не знаю я. Логично ведь? Но я сопоставил кое-что и могу попробовать догадаться. Когда я решил избираться в Президенты? Почти сразу после смерти президента Йудена Вранкса. Ты помнишь Йудена, Форд?

— Еще как, – отозвался Форд. – Мы же с ним вместе познакомились, вот тогда. Арктурианский капитан. Да, это был человечище! Он угостил нас каштанами, когда ты забрался на его мегагруз. И сказал, что ты самый прикольный пацан, которого он видел.

— О чем это вы? – спросила Триллиан.

— Это старинная история, – ответил Форд. – Мы были еще совсем пионерами дома, на Бетельгейзе. Почти вся торговля между Центром Галактики и периферией совершалась на арктурианских мегагрузах. Торговые разведчики с Бетельгейзе находили новые рынки, а арктуриане поставляли на них товар. Космические пираты делали массу проблем – это было еще до Дорделлийских войн – поэтому мегагрузы оснащали самыми крутыми оборонными системами в Галактике. Это были очень суровые корабли. И огромные. На орбите какой-нибудь планеты они могли сделать солнечное затмение.

И однажды вот этот вот Зафод – ну, тогда он был помоложе – решил захватить один из них. На трехмоторном скутере для работ в стратосфере – прикинь! Это была полная шиза. Я отправился с ним, потому что поставил немаленькие деньги на то, что он этого не сделает, и не хотел, чтобы меня надули. Ну, так вот. Мы садимся в трехмоторку, которую он полностью перефигачил, за несколько недель делаем три парсека, вламываемся на мегагруз – как нам это удалось, я до сих пор не понимаю – заходим на мостик, размахивая игрушечными пистолетами, и говорим: "Мы требуем каштанов!" Ничего более сумасшедшего я не видел. И это стоило мне целого года карманных денег. Поел!

— Капитан Йуден Вранкс был и правда удивительный человек, – сказал Зафод. – Он накормил нас, угостил как следует, подогрел всякими штуками из разных диковинных мест в Галактике. Каштаны, само собой. Мы офигенно потусовались. А потом он телепортировал нас обратно – в колонию самого строгого режима на Бетельгейзе. Вот это был мужик! Потом он стал президентом Галактики.

Зафод умолк.

Окружающий пейзаж погрузился в сумерки. Вокруг завывали темные ветра, и слоноподобные тени зашевелились во мраке. Время от времени воздух раздирали голоса иллюзорных существ, убивающих других иллюзорных существ. Очевидно, и такие вещи пользовались достаточным спросом, чтобы внести их в каталог.

— Форд, – произнес Зафод тихо.

— Чего?

— Перед самой смертью Йуден приезжал ко мне.

— Да ну? Ты мне никогда об этом не рассказывал.

— Не рассказывал.

— Что он сказал? Зачем он приезжал?

— Он рассказал мне о "Золотом Сердце". Это была его идея – что я должен его угнать.

— Его идея?

— Его, – кивнул Зафод. – И единственная возможность его угнать, сказал он – это церемония открытия.

Форд некоторое время смотрел на Зафода, открыв рот, а потом повалился от хохота:

— То есть, ты хочешь сказать, — выговорил он, — что ты заставил их сделать тебя президентом Галактики только для того, чтобы угнать этот корабль?

— Ага, — подтвердил Зафод и улыбнулся улыбкой, которая большинство людей привела бы в комнату с войлочными обоями и дверью без ручки.

— Но зачем? — воскликнул Форд. — Что такого ценного в этом корабле?

— Фиг его знает, — ответил Зафод. — Я так думаю, что если бы я знал, почему мне так нужен этот корабль и что в нем такого ценного, то это проявилось бы на мозговом сканировании, и я в жизни бы не прошел тесты. Должно быть, Йуден рассказал мне много таких вещей, которые я до сих пор держу от себя в секрете.

— Так ты решил расковырять свои мозги после разговора с Йуденом?

— Он умел уговаривать.

— Ну, старик!.. что-то ты даешь!

Зафод пожал плечами.

— То есть, я хочу сказать... Ты ни малейшего понятия не имеешь, зачем ты это сделал? — спросил Форд.

Зафод задумался, и по лицам его поползли тени сомнений.

— Нет, — сказал он наконец. — Похоже, что я не пускаю себя в свои тайники. Однако, — добавил он, поразмыслив, — я могу себя понять. На моем месте я бы не доверял себе ни надохлую крысу.

В это мгновение последняя планета в каталоге исчезла из-под их ног, и вернулся реальный мир.

Теперь они сидели в обитой бархатом приемной, уставленной стеклянными столиками, на которых стояли призы и кубки.

Перед ними стоял высокий магратеянин.

— Мыши готовы вас принять, — сказал он.

— Ну, вот, теперь вы знаете все, — промолвил Старпердуппель, мимоходом машинально пытаясь прибрать хоть что-то в феноменальном беспорядке своего кабинета. Он поднял из кучи лист бумаги, не придумал, куда убрать его и опустил обратно в кучу, которая немедленно развалилась и разъехалась по полу. — Глубокая Дума спроектировала Землю, мы построили ее, вы жили на ней.

— И вогоны уничтожили ее за пять минут до окончания работы программы, — закончил Артур не без злорадства в голосе.

— Именно так, — подтвердил старец, оторвавшись от печального созерцания комнаты. — Десять миллионов лет планирования и трудов уничтожены в один миг. Десять миллионов лет, землянин! Вы можете представить себе это время? Цивилизация галактического масштаба могла бы пять раз развиться из одного червяка!

Старпердуппель помолчал.

— Вот она, сила бюрократии! — добавил он.

— Вы знаете, — задумчиво проговорил Артур, — а ведь это многое объясняет. Всю жизнь меня преследовало странное чувство, что в нашем мире что-то неправильно. Что-то очень большое и нехорошее. И никто не мог сказать мне, что это такое.

— О, нет, — махнул рукой старец, — это совершенно нормальная паранойя. Это чувство известно всей Вселенной.

— Всей Вселенной? — переспросил Артур. — Но если оно известно всей Вселенной, это что-то да значит! Может быть, где-нибудь за пределами известной нам Вселенной...

— Может. Что с того? — Старпердуппель не дал Артуру разогнаться. — Должно быть, я уже стар, — продолжил он, — но я считаю, что наши шансы узнать, что же происходит на самом деле, столь абсурдно малы, что нам остается только, я бы сказал, не задумываться об этом и делать свое дело. Взять, к примеру, меня. Я дизайнер береговых линий. Получил приз за Норвегию.

Старпердуппель пошарил в куче мусора и вытащил оттуда большой прозрачный куб со своим именем на нем и трехмерной моделью Норвегии внутри.

— Какой во всем этом смысл? — промолвил он. — Не то, чтобы я смог понять. Всю свою жизнь я занимался фиордами. В какой-то момент они вошли в моду, и мне достался главный приз.

Старпердуппель повертел куб в руках и, пожав плечами, бросил в сторону, небрежно, но так, чтобы тот приземлился на что-нибудь мягкое.

— В этой новой Земле, которую мы сейчас строим, мне дали Африку. И я, конечно же, делаю ее со всеми фиордами, потому что я люблю их и я настолько старомоден, что позволяю себе считать, что они придают материку очень милый стиль. Барокко, если хотите, или рококо. А мне говорят, что это недостаточно экваториально. Недостаточно экваториально! — Старпердуппель горестно рассмеялся. — И что с того? Наука, конечно, далеко шагнула вперед, но я предпочитаю быть счастливым, чем делать все, как надо.

— И вам это удастся?

— Нет. На этом все как-то стопорится.

— Жаль, – сказал Артур сочувственно. – Ваш образ жизни выглядел весьма симпатично.

Откуда-то из стены замигала маленькая белая лампочка.

— Идемте, – сказал Старпердуппель. – Вам предстоит встретиться с мышами. Ваше появление на этой планете вызвало немалый интерес. Его уже называли, как я слышал, третьим самым невероятным событием в истории Вселенной.

— Какие были первые два?

— О, это, скорее всего, чисто случайные совпадения, – ответил Старпердуппель. Он открыл дверь и пропустил Артура в нее.

Артур оглядел его, потом себя и поношенный халат, в котором он лежал в грязи утром в четверг.

— Похоже, и у меня серьезные проблемы с образом жизни, – пробормотал он про себя.

— Прошу прощения? – переспросил старец.

— Нет-нет, ничего, – ответил Артур. – Я пошутил.

XXXI

Все прекрасно знают, что легкомысленные слова могут стоить жизни, но мало кто осознает всю серьезность этой проблемы.

К примеру, в ту самую секунду, когда Артур произнес “у меня серьезные проблемы с образом жизни”, в ткани временно-пространственного континуума образовалась причудливой формы дыра, по которой его слова перенеслись далеко-далеко назад во времени и на почти бесконечное расстояние в пространстве, в далекую галактику, где неведомые воинственные существа стояли наготове, собираясь начать ужасную межзвездную битву.

Предводители воюющих сторон встретились в последний раз.

Жуткое молчание царило над столом переговоров. Полководец влхургов, великолепный в своих черных усыпанных алмазами боевых шортах, грозно глядя на военачальника г’гугвунтов, колыхавшегося перед ним в облаке зеленого удушливо-сладкого пара, и, чувствуя за своей спиной поддержку миллиона стремительных и вооруженных до зубов звездных крейсеров, ждущих одного лишь его слова, чтобы выпустить электрическую смерть из всех своих стволов, потребовал от мерзкого создания взять назад то, что оно сказало о его матушке.

Существо пошевелилось и забурило, но в этот самый миг слова “у меня серьезные проблемы с образом жизни” вывалились из дыры прямо на стол переговоров.

К несчастью, на языке влхургов эти слова означают самое ужасное ругательство, какое только можно придумать, и тем ничего не оставалось, как только начать ужасную войну, продолжившуюся долгие века.

Разумеется, по здравом размышлении и по прошествии нескольких тысяч лет бойни и резни, выяснилось, что все это была лишь ужасная ошибка, и враждующие армии, уладив немногие остававшиеся у них разногласия, объединились в походе на нашу собственную галактику – из которой, как было выяснено со всей определенностью, прибыли обидные слова.

Еще несколько тысяч лет могучие боевые корабли бороздили просторы космоса и наконец с ревом и грохотом вошли в атмосферу первой встретившейся им планеты – по чистой случайности ею оказалась наша Земля – на которой из-за чудовищной ошибки в масштабе всю флотилию случайно проглотила поселковая дворняга.

Люди, изучающие запутанные игры причин и следствий в истории Вселенной, говорят, что такие истории случаются практически непрерывно, и мы не в силах их предотвратить.

— Такова жизнь, – говорят они.

После недолгой поездки авиетка с Артуром и престарелым магратеянином встала возле двери. Они вышли из машины и вошли в приемную, уставленную стеклянными столиками с кубками и призами. Почти тотчас же загорелась лампочка над дверью напротив, и открылась дверь в кабинет.

— Артур! Ты в порядке? – послышался тут же голос.

— Кто, я? – переспросил Артур. – Ну, можно сказать...

Света было маловато, и Артур не сразу разглядел Форда, Триллиан и Зафода за большим

столом, великолепно уставленным экзотическими блюдами, незнакомыми яствами и причудливыми фруктами. Все трое с большим аппетитом закусывали.

— Как вы сюда попали? – строго спросил Артур.

— Да очень просто, – ответил Зафод, обгладывая кость с куском жареного мяса. – Хозяева сперва обработали нас газом, потом стерли память – в общем, вели себя непринужденно – а потом решили отплатить нам за это неплохим обедом. Вот, угощайся, – и Зафод выудил из супницы шмат резко пахнущего мяса. – Это фрикасе из веганского носорога. Тонкая штука, на любителя.

— Хозяева? – переспросил Артур. – Какие хозяева? Я не вижу тут никого...

Тоненький голосок произнес:

— Приятного аппетита, землянин.

Артур посмотрел по сторонам и вскрикнул от неожиданности:

— Фу! Тут мыши на столе!

Повисло неловкое молчание. Все укоризненно посмотрели на Артура. Он же тупо уставился на двух белых мышей, сидевших посреди стола в чем-то вроде бокалов для виски. Тишина заставила его оглядеть присутствующих.

— А! – вдруг понял он. – О! Прошу прощения. Я совсем не ожидал...

— Знакомьтесь, – сказала Триллиан. – Артур, это мышонок Бенджи.

— Привет! – сказал один из мышат. Усами он коснулся чего-то, похожего на сенсорную панель внутри своего бокала, и тот чуть подвинулся вперед.

— А это мышонок Фрэнки.

— Очень приятно, – сказал второй мышонок, и его бокалоподобный прибор сделал такое же движение.

Артур раскрыл рот.

— Но ведь это же те самые...

— Да, – подтвердила Триллиан, – это те самые мыши, которых я взяла с собой с Земли. – Она посмотрела ему в глаза со значением, и Артуру показалось, что он заметил легкое движение плечами. – Передайте-ка мне, пожалуйста, вон ту тарелку с копченым арктурианским мегаослом.

Старпердуппель вежливо кашлянул.

— Э-э, прошу прощения... – начал было он.

— Спасибо, Старпердуппель, – остановил его мышонок Бенджи, – вы свободны.

— Что? А... Ну, что ж, – промолвил старец несколько разочарованно, – тогда я вернусь к своим фиордам.

— Вы знаете, я думаю, это не нужно, – сказал мышонок Фрэнки. – Вполне возможно, что новая Земля нам не понадобится. – Он прищурил свои маленькие красные глазки. – Ведь у нас есть уроженец планеты, который был там за секунды до ее уничтожения.

— Что? – воскликнул Старпердуппель в ужасе. – Да вы с ума сошли! Я уже приготовил тысячу ледников! Они должны вот-вот наползти на Африку!

— Ну, что ж, в следующий выходной хорошенько покатайтесь на лыжах, прежде чем демонтируете их, – ответил язвительно Фрэнки.

— На лыжах?! – вскричал старец. – Эти ледники – произведение искусства! Элегантно очерченные контуры, головокружительные ледяные пики, глубокие величественные пропасти! Кататься на лыжах по высокому искусству – это святотатство!

— Спасибо, Старпердуппель, – закончил Бенджи, – вы свободны.

— Благодарю вас, сэр, – холодно сказал старик, – Покорнейше благодарю. Прощайте, землянин, – обратился он к Артуру. – Надеюсь, ваш образ жизни изменится.

Коротко кивнув остальной компании, он повернулся и печально вышел из комнаты.

Артур глядел ему вслед, не зная, что сказать.

— Теперь, – сказал наконец мышонок Бенджи, – за дело.

Форд и Зафод чокнулись бокалами:

— За дело! – воскликнули они.

— Пардон? – спросил Бенджи.

Форд обернулся:

— Мне показалось, это тост, – объяснил он.

Мыши нервно поерзали в своих стеклянных приборах. Наконец, они устроились, и Бенджи, выкатившись вперед, обратился к Артуру:

— Итак, землянин, – сказал он, – дело обстоит следующим образом. Как тебе известно, на протяжении последних десяти миллионов лет мы некоторым образом работали на твоей планете с целью найти этот злополучный Самый Главный Вопрос.

— Зачем? – спросил Артур.

— Нет, это мы уже пробовали, – вмешался Фрэнки, – это не стыкуется с ответом. Зачем? – Сорок два! Сам видишь – не то.

— Да нет, – объяснил Артур, – я хотел спросить, зачем вы все это делали?

— А, ты в этом смысле, – сказал Фрэнки. – Я думаю, причина исключительно в нашей привычке во всем докапываться до сути. Все доводить до конца. Но тут беда в том, что вся эта история и так давно уже сидит у нас в печенках, а от перспективы начинать все с начала из-за каких-то безмозглых вогонов меня, честно говоря, просто тошнит. Думаю, ты можешь себе представить. По счастливой случайности мы с Бенджи закончили свои проекты и улетели с планеты в короткий отпуск. Потом при любезном содействии твоих друзей мы добрались до Магратеи.

— Магратея – это шлюз в наше измерение, – вставил Бенджи.

— Только что, – продолжил его коллега-грызун, – нам предложили весьма и весьма солидный контракт на 5D-визионное ток-шоу и гастроли с лекциями по Золотому Кольцу нашего многомерья. И мы очень не прочь согласиться.

— Я бы согласился, а ты, Форд? – спросил Зафод.

— Да не вопрос, – поддержал Форд. – Подписывайте, ребята.

Артур посмотрел на них, недоумевая, к чему все клонится.

— Но, как ты понимаешь, нам придется что-то предъявить, – сказал Фрэнки. – То есть, в идеале нам по-прежнему нужен Самый Главный Вопрос - в том или ином виде.

Зафод нагнулся к Артуру:

— Как бы, сам посуди, – сказал он, – если в студии, под юпитерами, при ведущей и всех делах, эти парни скажут, что они знают ответ на вопрос Жизни, Вселенной, и Вообще, а потом выложат, что, в сущности, это Сорок Два – ток-шоу выйдет слишком коротким. Нет интриги. Второй раз их уже не пригласят.

— Нам нужно что-то, что можно было бы подать эффектно, – сказал Бенджи.

— Эффектно? – переспросил Артур. – Главный Вопрос, который можно было бы подать эффектно? Который могли бы эффектно подать два мышонка? Я ничего не понимаю.

Мыши нахмурились.

— Да что тут понимать? – воскликнул Фрэнки. – Идеалы, величие науки, чистота эксперимента, поиск истины во всех ее формах – это все хорошо и прекрасно. Но наступает такой момент, когда ты начинаешь подозревать, что если и существует в самом деле какая-то истина, то это та истина, что всей мультимерной бесконечностью Вселенной практически наверняка управляет компания маньяков и кретинов. И если перед тобой возникает выбор – потратить еще десять миллионов лет, чтобы доказать это со всей достоверностью, или просто взять деньги и слинять, то мне кажется, что лично я справился бы с этой дилеммой.

— Но ведь... – начал Артур без особой надежды.

— Да пойми же ты, землянин, – перебил его Зафод. – Ты – элемент последнего поколения этой компьютерной матрицы, так? И ты был там до самой той минуты, когда твоя планета накрылась медным тазом, так?

— Ну?..

— Твой мозг был органичным компонентом программы на заключительной стадии ее выполнения, – пояснил Форд, как ему казалось, предельно доступно.

— Так? – спросил Зафод.

— Возможно... – Артур сомневался. Он не помнил, чтобы когда-нибудь был органичным компонентом чего бы то ни было. Это он как раз считал одной из своих главных проблем.

— Проще говоря, – подытожил Бенджи, придвигая свое причудливое транспортное средство вплотную к локтю Артура, – есть немалый шанс на то, что Вопрос закодирован в структуре твоего мозга. Поэтому мы хотим купить его у тебя.

— Что, Вопрос? – оторопело спросил Артур.

— Вот именно! – в голос ответили Форд и Триллиан.

— За хорошие бабули, – дополнил Зафод.

— Нет-нет-нет! – возразил Фрэнки. – Мы покупаем мозг.

— Что?

— Минуточку, но разве вы не говорили, что вы можете прочитать его электроникой? – запротестовал Форд.

— Ну, конечно, – подтвердил Фрэнки. – Но для этого нам придется его вынуть. Его нужно подготовить.

— Препарировать, – объяснил Бенджи. – Нарезать ломтями.

— Нет, спасибо! – сказал Артур, оттолкнув свой стул и отодвинувшись в ужасе от стола.

— Если для тебя это важно, – предложил Бенджи, – его можно спротезировать.

— Ну, да, электронный мозг, – подхватил Фрэнки. – Есть очень бюджетные варианты.

— Бюджетные?! – вскричал Артур.

— Ага, – Зафод внезапно ехидно усмехнулся. – Достаточно запрограммировать его повторять все время «Что?», «Ничего не понимаю» и «Где мой чай?» – разницы никто не заметит.

— Что? – воскликнул Артур, отодвигаясь еще дальше.

— Вот я же и говорил! Никто не заметит! – рассмеялся Зафод и тут же взвыл от резкой боли со стороны Триллиан.

— Я замечу! – возразил Артур.

— Не заметишь, – ответил мышонок Фрэнки. – Тебя запрограммируют не замечать.

Тут Форд встал и направился к двери.

— Дорогие микки-маусы, – сказал он, – мне кажется, мы не договоримся.

— А мне кажется, что нам придется договориться! – возразили мыши хором, и голоса их вдруг стали пронзительными и жуткими. С негромким свистом их бокалы взмыли над столом и полетели по воздуху к Артуру, который только отступал назад, в угол, категорически неспособный что-либо сделать или придумать.

Триллиан в отчаянии схватила его за руку и потянула к двери, которую Зафод и Форд изо всех сил пытались открыть, но Артур был недвижим. Зрелище летящих к нему по воздуху грызунов парализовало его.

Она закричала ему, но он не слышал.

Крякнув несколько раз, Форд и Зафод открыли дверь. По ту сторону ее стоял отряд весьма несимпатичных людей – по всем признакам, магратеянский ОМОН. Сами они были весьма несимпатичны, но еще менее симпатично выглядели медицинские инструменты в их руках. Отряд приготовился к началу операции.

Таким образом: Артуру грозила трепанация черепа; Триллиан ничем не могла ему помочь; а Форду с Зафодом предстояло помериться силой с ребятами намного более фигуристыми и хорошо вооруженными, чем они сами.

Поэтому большой удачей оказалось то, что именно в этот миг все сигнализации планеты подняли раздражающий уши вой.

XXXII

— Тревога! Тревога! – гремело по всей Магратее. – Высадка вражеского десанта! Вооруженное вторжение в секторе 8А! Внимание всем постам! Внимание всем постам!

Два мышонка в раздражении бегали среди осколков своих стеклянных транспортных, лежащих на полу.

— Проклятие! – выругался мышонок Фрэнки. – Столько возни из-за пары фунтов землячьи мозгов!

Его красные глазки сверкали, а чудесная белая шерстка топорщилась от статического электричества.

— Все, что нам теперь остается, – сказал Бенджи, присаживаясь и поглаживая задумчиво усы, – это изобрести вопрос самим. Придумать такой вопрос, который звучал бы убедительно.

— Задача, – сказал Фрэнки. Он подумал. – Как насчет «что такое – желтое и страшное»? Бенджи поразмыслил секунду.

— Нет, не годится, – сказал он наконец. – Не стыкуется с ответом.

Они помолчали еще некоторое время.

— Ну, ладно, – сказал Бенджи. – Сколько будет шестью семь?

— Нет-нет. Слишком буквально. Слишком на поверхности, – сказал Фрэнки. – Это у нас не купят.

Они снова задумались.

Наконец, Фрэнки сказал:

— Есть идея. «Сколько путей должен мальчик пройти?»^x

— О! – воскликнул Бенджи. – Это уже что-то! – Он попробовал эту фразу так и сяк. – Да! Отличная мысль! Звучит очень многозначительно и не привязывает ни к чему конкретному. Сколько путей должен мальчик пройти? – сорок два. Отлично, блестяще! Этим мы их сделаем. Фрэнки, старина, дело в шляпе!

От радости мышцы сплясали качучу.

Возле них на полу лежали несколько весьма несимпатичных мужчин, получивших удары по голове весьма тяжелыми кубками и призами.

В полумиле от них четыре человека неслись по коридору в поисках выхода. Они вбежали в большой машинный зал вычислительного центра и затравленно огляделись.

— Куда, Зафод? – спросил Форд.

— Что-то мне подсказывает, что – сюда! – крикнул Зафод, сворачивая между вычислительным шкафом и стеной. Едва все остальные свернули за ним, как его остановил разряд из смертОлета, просвистевший в нескольких сантиметрах перед его лицом и обугливший стену.

Голос из громкоговорителя произнес:

— Библрокс, не двигаться! Ты у нас на мушке.

— Полиция! – прошипел Зафод и резко развернулся. – Хочешь ты попробовать, Форд?

— Например, сюда, – предложил Форд, и все четверо побежали по проходу между двумя компьютерными банками данных.

В проходе выросла тяжеловооруженная фигура в скафандре, размахивающая зловещим смертОлетом.

— Мы не хотим убивать тебя, Библброкс! – прокричал скафандр.

— Я – за! – крикнул в ответ Зафод и нырнул в широкий проем между двумя процессорами. Остальные нырнули за ним.

— Их двое, – проговорила, задыхаясь, Триллиан. – Мы окружены.

Все четверо втиснулись в угол между большим банком данных и стеной. Они затаили дыхание и принялись ждать.

Внезапно воздух разорвали разряды энергии: оба полицейских одновременно открыли огонь.

— Слушайте, они же стреляют в нас! – воскликнул Артур, сворачиваясь в клубок. – Мне показалось, они сказали, что не хотят нас убивать.

— Мне тоже так показалось, – согласился Форд.

Зафод, рискуя жизнью, на миг высунулся из укрытия.

— Эй! – крикнул он. – Мне показалось, вы сказали, что не хотите нас убивать! – и нырнул снова.

Молчание.

Через некоторое время голос спросил:

— Легко ли быть полицейским?

— Что он сказал? – переспросил Форд в изумлении.

— Он сказал «легко ли быть полицейским».

— Но это, черт побери, его проблема, а не наша!

— Я с тобой согласен.

Форд прокричал:

— Эй, там! По-моему, нам хватает проблем с этой вашей стрельбой по нам, так что если бы вы не сваливали на нас ваши трудности, нам всем было бы легче!

Снова молчание, а потом снова громкоговоритель:

— Учти, парень, – прогремел громкоговоритель, – ты имеешь дело не с какими-нибудь тупыми примитивными держимордами с низким лбом, маленькими свиными глазками и мизерным словарным запасом! Мы с напарником – интеллигентные молодые люди, интересующиеся духовностью, и вы по-другому посмотрели бы на нас, если бы встретились с нами в другом месте! Я не расстреливаю людей направо и налево, а потом хвастаюсь об этом в служебных буфетах, как некоторые полицейские, которых я мог бы назвать поименно! Я расстреливаю людей направо и налево, а потом часами рефлексирую об этом со своей девушкой!

— Да, а я пишу повести! – вмешался второй полицейский. – Хотя их пока еще нигде не напечатали, поэтому предупреждаю: настроение у меня оч-чень неважное!

Глаза Форда почти вылезли уже на лоб.

— Что это за придурки? – спросил он. – Где их таких выкопали?

— Фиг знает, – ответил Зафод. – По-моему, когда они стреляли, было лучше.

— Так что? Вы выйдете сами, – спросил один из полицейских, – или нам придется вас выкуривать?

— А что вам больше нравится? – спросил Форд.

Спустя долю секунды воздух вокруг беглецов снова раскалился: разряд за разрядом из полицейских смертОлетов ввинчивался в компьютерные стойки перед ними. Канонада продолжалась несколько секунд с невыносимой частотой.

Когда она прекратилась, несколько секунд было почти тихо. Отзвуки выстрелов уcati-

лись вдаль.

— Вы еще здесь? – позвал полицейский.

— Здесь, – ответили беглецы.

— Мы делаем это с очень тяжелым сердцем, – крикнул другой полицейский.

— Это заметно, – крикнул Форд.

— Теперь слушай, Библброкс, и слушай хорошенько!

— А что такое? – спросил Библброкс.

— А то, – прогремел полицейский, – что это будет интеллигентный разговор разумных и духовных людей! Либо вы все сдаетесь, выходите и даете нам слегка себя побить, но, разумеется, не слишком сильно, потому что мы решительно против насилия сверх необходимой меры самообороны. Либо мы взорвем всю эту планету, а вместе с ней и парочку других, которые заметили по пути сюда!

— Но это же безумие! – воскликнула Триллиан. – Вы не сделаете этого!

— Сделаем, и еще как, – ответил полицейский. – Сделаем ведь? – спросил он у напарника.

— Надо значит надо, нет вопросов, – отозвался тот.

— Но почему? – не унималась Триллиан.

— Потому что есть вещи, которые нужно делать, даже если ты просвещенный современный полицейский, наделенный высокой духовностью и понимающий в общечеловеческих ценностях!

— Я не верю этим людям, – пробормотал Форд, покачав головой.

Один полицейский крикнул другому:

— Ну что, постреляем еще немного?

— Почему бы и нет?

Воздух снова вскипел электричеством.

Жар и грохот поднялись совершенно невообразимые. Постепенно компьютерные банки начали распадаться. Передняя стенка почти вся расплавилась, и ручейки раскаленного металла медленно потекли туда, где притаились беглецы. Они поджали ноги и стали ждать конца.

XXXIII

Но конец не наступил – по крайней мере, в тот момент.

Внезапно стрельба прекратилась, и обрушившуюся на зал тишину нарушили лишь два хрипа и два стука.

Четверо посмотрели друг на друга.

— Что случилось? – спросил Артур.

— Перестали стрелять, – объяснил Зафод, пожав плечами.

— Почему?

— Фиг знает. Хочешь – пойдешь, спроси.

— Не хочу.

Они подождали еще немного.

— Эй, там! – крикнул Форд.

Ответа не было.

— Странно.

— Может быть, ловушка?

— Да им ума бы не хватило.

— А что это так бумкнуло?

— Фиг знает.

Подождали еще с минуту.

— Ну, ладно, – сказал Форд. – Пойду, посмотрю.

Он оглядел своих спутников.

— Что, никто не хочет сказать «Не надо, не ходи, лучше я»?

Все молча покачали головами.

— Ясно, – сказал Форд и встал.

В первую секунду не случилось ничего.

Спустя еще секунду с небольшим снова ничего не случилось. Форд вглядывался в черный дым, валивший из горящего компьютера.

Он осторожно вышел из укрытия.

Ничего так и не случилось.

Шагах в двадцати от себя Форд различил сквозь клубы дыма скафандр одного из полицейских. Он лежал на полу в неестественной позе. Шагах в двадцати в другую сторону лежал второй. Больше не было видно никого.

Форд решил, что все происходящее в высшей степени странно.

Медленно, опасливо он подошел к первому полицейскому. Тело его лежало убедительно неподвижно по мере приближения Форда, и продолжило лежать столь же убедительно неподвижно, когда Форд подошел и поставил ногу на смертОлет, выпавший из неподвижных пальцев полицейского.

Форд нагнулся и поднял смертОлет, не встретив ни малейшего сопротивления.

Полицейский был совершенно мертв.

Краткое обследование показало, что он был уроженцем Каппы Благулона и при жизни дышал метаном. Чтобы выжить в разреженной, но кислородной атмосфере Магратеи, ему был необходим скафандр.

Компьютер системы жизнеобеспечения скафандра, размещенный на его спине, по всей видимости, внезапно вышел из строя.

В изумлении Форд потыкал компьютер пальцем. Эти крайне примитивные и надежные миникомпьютеры сами почти не принимали решений, а управлялись с центрального компьютера корабля по суб-Ф-иру. Такой системе не опасны никакие неожиданности, за исключением полного выхода из строя головного комплекса, но о таком до сих пор никто никогда не слышал.

Форд поспешил к другому скафандру и обнаружил, что его обитателя постигла та же невероятная участь, причем предположительно одновременно.

Форд подозвал остальных поглядеть. Они подошли и разделили его изумление – но не его любопытство.

— Надо выбираться из этой дыры, – сказал Зафод. – Фиг с ним, с тем, что я должен был тут найти – я уже ничего не хочу находить.

Зафод поднял второй смертОлет, разнес вдребезги совершенно безвредный бухгалтерский компьютер и выбежал в коридор. Остальные последовали за ним. Зафод едва не разнес вдребезги также авиетку, которая ждала их в нескольких метрах от входа в зал. Авиетка была пустая, но Артур узнал в ней транспортное средство Старпердуппеля.

На приборной доске с немногими приборами лежала записка. На ней была стрелка, указывающая на один из приборов, и надпись.

Надпись гласила: «На мой взгляд, вам лучше всего нажать вот на эту кнопку».

XXXIV

Авиетка, мчавшаяся по стальным туннелям со скоростью, превышающей временами 17R, вылетела на поверхность планеты, над которой снова стояли тоскливые предутренние сумерки. Рельеф сливался в унылую серую муть.

R – это единица измерения скорости, которая определяется как разумная скорость перемещения, при которой можно сохранять здоровье и душевное спокойствие и при этом опоздать не больше, чем, ну, минут на пять. Из этого определения со всей очевидностью следует почти бесконечно переменная величина, зависящая от обстоятельств, поскольку на первые два фактора влияет не только скорость в абсолютном значении, но также и знание о третьем факторе. При недостаточно бережном обращении это уравнение может привести к серьезному стрессу, язве желудка и даже летальному исходу.

17R – это не какая-то конкретная скорость, но это в целом очень, очень, очень быстро.

Авиетка, держа и превышая 17R, взметнулась в воздух, спикировала на “Золотое Сердце”, стоявшее на холодной почве, поблескивая матово, как отполированная кость, а затем стремительно унеслась в ту сторону, откуда прилетела. У нее там явно были какие-то важные дела.

Все четверо, слегка покачиваясь, стояли и смотрели на свой корабль.

Возле него стоял другой звездолет.

Это был полицейский астрозак с Каппы Благулона – обтекаемая, похожая формой на акулу штука салатного цвета, исписанная черными трафаретными буквами разных размеров и уровней враждебности. Буквы сообщали любому, кто давал себе труд их прочесть, откуда прилетел корабль, к какому отделению полиции он приписан, и куда присоединять кабели питания.

Корабль выглядел несколько неестественно темным и беззвучным – даже для корабля, оба члена экипажа которого в данный момент покоятся в задымленном зале в нескольких милях под землей. Это нелегко объяснить, но это всегда чувствуется, когда корабль совершенно мертв.

Форд почувствовал это и решил, что это весьма странно – то, что корабль и оба полицейских одновременно распрощались с жизнью. Насколько он знал Вселенную, такие вещи в ней попросту не случались.

Остальные трое тоже почувствовали это, но еще отчетливее они почувствовали жгучий холод, и поспешили в “Золотое Сердце”, мучимые острым приступом нелюбопытства.

Форд же остался снаружи и решил осмотреть благулонский корабль. На ходу он вдруг чуть не споткнулся о неподвижную стальную фигуру, лежащую лицом вниз в холодной пыли.

— Марвин! – воскликнул он. – Что ты делаешь?

— Пожалуйста, не считайте, что вы обязательно должны обращать на меня внимание, – услышал он из пыли.

— Где ты был, железяка? – спросил Форд.

— В глубокой депрессии, – был ответ.

— Что происходит вокруг?

— Не знаю, – ответил Марвин. – Я туда не ходил.

Форд присел на корточки, передернув плечами от холода.

— Но зачем ты лежишь тут лицом в пыли?

— Это очень эффективная поза для рефлексии, – объяснил Марвин. – Не притворяйтесь,

что хотите поговорить со мной. Я знаю, что вы меня ненавидите.

— Неправда.

— Правда. Все меня ненавидят. Так устроен мир. Стоит мне поговорить с кем-нибудь, как он тут же начинает меня ненавидеть. Даже роботы меня ненавидят. Не обращайтесь на меня внимания. Я пойду куда-нибудь и там сгину.

Превозмогая себя, робот поднялся на ноги и встал, решительно повернувшись к Форду спиной.

— Этот корабль тоже ненавидел меня, — произнес он горестно, махнув рукой в сторону астрозака.

— Этот? — спросил Форд, внезапно просветлев. — Что с ним случилось, ты не знаешь?

— Я поговорил с ним, и он возненавидел меня.

— Ты говорил с ним? — переспросил Форд. — Что значит — ты говорил с ним?

— Ничего особенного. Мне было скучно и грустно, — сказал Марвин, — поэтому я подошел и подключился к внешнему порту его компьютера. Я поговорил с его компьютером. Я открыл ему свой взгляд на мир.

— А он что? — спросил Форд.

— А он покончил с собой, — ответил Марвин и зашагал к “Золотому Сердцу”.

XXXV

В глубокой ночи "Золотое Сердце" деловито увеличивало количество световых лет между ним и туманностью Конской Головы. Зафод покоился в шезлонге под небольшой пальмой на капитанском мостике корабля, пытаясь привести свои мозги в нужную форму при помощи увесистых пангалактик-горлодеров. Форд с Триллиан сидели в уголке, обсуждая жизнь и вытекающие из нее последствия. Артур же взял с собой в постель фордов экземпляр "Путеводителя вольного путешественника по Галактике". Следует, рассудил он, начинать знакомиться с местом, в котором ему предстоит жить.

Путеводитель открылся на странице, сообщившей следующее:

«История подавляющего большинства цивилизаций Галактики проходит три легко различимых этапа: Розыска, Поиска и Изыска, известные также, как этап "Что", этап "Почему" и этап "Где".

Например, если первый этап характеризуется вопросом "Что бы нам поесть?" то второй – вопросом "Почему мы едим?" а третий – "Где будем ужинать сегодня?"»

Дальше Артур не продвинулся: ожило корабельное радио.

— Эй, землянин! Как насчет перекусить? – спросил голос Зафода.

— Хм... Ну... Пожалуй, заморил бы червячка, – ответил Артур.

— Отлично! Держись крепче, – сказал Зафод, – берем курс на Ресторан на Конце Света!

Примечания переводчика

- i Другим обитателям хорошей квартиры на Арлингтон-авеню, дом 29, в Ислингтоне, город Лондон, Англия, планета Земля.
- ii Это совсем не так маловероятно, как может показаться. “В настоящее время носители генов Чингисхана составляют 0.5% всего мужского населения планеты” – пишет Елена Наймарк в статье “Новый язык приносят мужчины”, журнал “Элементы”, от 14.09.2011.
- iii Великого предка мистера Проссера, как сообщает нам В.Пелевин в эпиграфе к роману [“Чапаяв и Пустота”](#), тоже нередко посещали похожие мысли.
- iv В оригинале упомянуты популярные в любительских театрах тех времен мюзиклы на христианскую тематику “Joseph and His Amazing Cloak Of Dreams” и “Godspell”
- v Не пробуйте повторить это дома!
- vi Здесь автор явно намекает на основы квантовой теории: наблюдатель влияет на наблюдаемое. Этот момент популярно известен как [парадокс шрёдингеровского кота](#). Я как раз недавно писал курсовую по этим делам и не намерен упускать возможность похвастаться своими познаниями.
- vii Идея позаимствована из [перевода Ю.Ариновича](#).
- viii Brockian - названного так в честь Джонни Брока, одного из соседей автора по квартире на Арлингтон-авеню, упомянутых им в посвящении
- ix Для меня немалым открытием явился тот факт, что имя компьютера “Deer Thought” пародирует название эпохального в свое время порнофильма “Deer Throat”, который, в свою очередь, получил его в честь рабочего псевдонима одного из информаторов, сыгравших важную роль в шумном политическом процессе, названном впоследствии Уотергейт. Мне не удалось сохранить все эти увлекательные оттенки смыслов в переводе, но я хотя бы попробовал.
- x Разумеется, несмотря на [перевод К. Карасева](#), все прогрессивное человечество узнало первую строку песни Б.Дилана “Blowin’ in the wind”.